

Раффи Хент

«Хент¹ бросал камень в воду, собралось сто умных и не могли достать его».

«Пока умный подумает, хент перейдет реку».

«Хент говорит правду».

Народные поговорки

I

Баязет был осажден.

Двадцатитысячная толпа, состоящая из регулярной турецкой армии и башибузуков, из татар, курдов и цыган, окружала полуразрушенный город, обращенный в пепелище, местами еще дымившийся. Дома армян христиан опустели. Жители их были уничтожены или взяты в плен; только ничтожная часть спаслась, найдя заблаговременно убежище в пограничном персидском городе Магу.

Одна Баязетская крепость была еще неприступна.

Горсть русских солдат вместе с ополченцами из армян и татар укрепились в уцелевшей цитадели и в страшном унынии ожидала печальной участи. Крепость была окружена с четырех сторон неприятелем, который, образуя как бы железное кольцо, намеревался задушить, одним ударом уничтожить растерявшихся осажденных. Сношение с внешним миром было прервано.

Осада началась шестого июня 1877 г. и продолжалась ровно двадцать три дня. Это было то время, когда счастье неожиданно изменило успеху русского оружия в Армении. Местное магометанское население, встретившее довольно благосклонно русских в начале их действий, нынче восстало и присоединилось к войскам Измаила-паши. Генерал Тер-Гукасов, командовавший эриванским отрядом, находился в то время между Зейдеганом и Дели-Бабаем, где его немногочисленный отряд храбро сражался с полчищами Мухтара-паши. Оставив Баязет под защитой коменданта Штоквича, генерал, как видно, ничего не знал об участи, постигшей этот город.

Ночь. Луна едва только успела скрыться за горизонтом. Воцарился мрак. Казалось, он был приятней для осажденных: луна, любимица вселенной, освещающая серебристыми лучами крепость, могла выдать засевших в ней храбрецов. Но темнота все же не была помехой для нападения врага.

Цитадель обрисовывалась как мрачная точка на возвышенности одного из холмов, и на нее со всех сторон сыпались градом бомбы, гранаты, от которых вспыхивали пожары. Крепость ревела, как затравленный хищный зверь. Она упорно боролась в предсмертной агонии, решившись умереть с честью. Около тысячи русских солдат, столько же ополченцев армян и татар, защищались против двадцатитысячной армии Измаила-паши. Огнестрельный запас крепости истощился, и приходилось только изредка стрелять, направляя выстрелы туда, где огонь неприятеля был сильнее.

В описанную ночь в одном из разрушенных строений крепости, служившем некогда казармой, лежали на земле обессиленные, истомленные люди. На лицах всех был написан ужас перед надвигающейся смертью.

— Каплю воды... Горю от жажды! — слышались с разных сторон стоны.

— Кусочек хлеба... умираю от голода! — глухо раздавалось с другого конца.

Эти несчастные уже почти целую неделю не ели и не пили. Осада совершилась так

¹ «Хент» означает сумасброд, безумец. Все народные армянские поговорки, пословицы, присказки и своеобразные обороты речи оставлены в подлинном виде (Прим. пер.).

быстро и неожиданно, что крепость не успела сделать большого запаса. Теперь осажденным приходилось бороться против трех беспощадных врагов: внутренних — голода и жажды, внешнего — огня неприятеля.

С восьмого июня солдаты лишились горячей пищи. Лошади коменданта и артиллерии были зарезаны и съедены. Имевшиеся припасы с каждым днем истощались — солдатам начали отпускать по осмьюшке сухарей и ложке воды в сутки. А июньская жара становилась все невыносимей.

Положение больных в госпиталях было также ужасным. В крепости не было воды. Родник, находившийся за крепостью, отведен был турками. Каждую ночь пытались опускаться с крепостных стен за водой, но из двадцати-тридцати человек нередко ни один не возвращался.

— Хлеба... воды... — повторялись голоса, прерываемые предсмертными вздохами.

Но вот — раз... два... загремели орудия, и гул их заглушил вопли несчастных.

Это была одна из тех минут, когда человек теряет чувство жалости к товарищу, потому что не в силах помочь ему. Никто не обращал внимания на голодающих, никто не заботился о жаждущих. Охваченный общим волнением, каждый ждал той решающей минуты, когда неприятель ворвется в крепость, как поток. И каждый готов был встретить его с оружием в руках и умереть с честью.

Часовые, поставленные за амбразурами цитадели, чтобы следить за движением неприятеля, не осмеливались высовываться, так как со всех холмов, занятых неприятелем, шла жестокая пальба, и пули пролетали со свистом, обдавая лица часовых неприятным теплым воздухом.

Видневшийся город представлял ужасную картину. Он был весь ярко освещен, как в торжественный день — в нем совершался кровавый праздник озверевших мусульман. Только ад пламенем огня и всеми своими ужасами мог соперничать с происходившими в городе жестокостями.

Горели жилища армян. Из окон и дверей домов вырывались огненные потоки, которые, сливаясь с темной массой дыма, стремились вверх, рассыпая кругом фонтаны искр. Пожар распространялся. Весь армянский квартал был объят пламенем. Из-под крыш домов высовывались огненные языки. Обгорелые брусья рушились, и крыши огненными покрывалами падали на несчастных обитателей, которые, будучи окружены пламенем со всех сторон, не имели возможности спастись. Отчаянные крики о спасении сливались с гулом пламени, которое, как рассвирепевший дракон, рвалось вверх, ярко освещая окрестности.

В освещенном пространстве открывалась обширная панорама, в которой картины ужаса сменяли одна другую.

Мусульмане убивали спасавшихся от огня армян, убивали без пощады, не различая ни пола ни возраста...

Девочек вытаскивали из домов за косы. Со всех сторон раздавался плач детей и слышались жалобные вопли и крики о помощи. Но слезы и стоны несчастных не могли тронуть сердца врагов.

В этих злодеяниях участвовали не только курды, но и регулярные турецкие войска и — что самое ужасное — жены курдов. Они, подобно рассвирепевшим фуриям, забыв присущее женщине чувство жалости, вырывали из рук матерей детей и бросали их в огонь... Малейшее сопротивление наказывалось смертью.

Избиение продолжалось трое суток.

Несколько ополченцев армян, завидя из крепости эту картину, заплакали.

— Боже, как их режут!.. — прошептал один из них.

В числе ополченцев находился молодой армянин, который тоже смотрел на жестокий праздник варваров, но в глазах его не было слез. На его лице, выражавшем гнев, не замечалось и тени печали. Сердце юноши было переполнено ненавистью — но не к тем, которые убивали, а к тем, кто позволял резать себя как баранов.

— Смотрите, смотрите, — сказал он, — в этой толпе не видно человека, который осмелился бы поднять руку на своего убийцу. Что же, если не это, может ожесточить человека, зажечь в нем чувство мести! Дом его горит перед его глазами; дети его в огне; жену и дочь уводят... Мужчина видит все это и покорно подставляет голову под удары врага. Эх, проклятый, ведь ты тоже человек! Убей врага своего, а потом умирай сам...

— Вардан, ты всегда жесток, — заметил ему один из товарищей.

Вардан ничего не ответил и удалился, казалось, ему тяжело было видеть картину позора и унижений армянина. «Они не умеют умирать с честью», — думал он.

Невдалеке от этого места в глухом углу крепости, в другой группе добровольцев происходил следующий разговор:

— Если и Петрос не вернется, то это будет пятая жертва.

— Слишком запаздывает. Не погиб ли бедняга?..

— Нет, прислушайтесь-ка: это — его сигнал. Слышите карканье вороны?

— Да, это он! Спустим ему лестницу.

Они спустили веревочную лестницу, и через несколько минут на стене крепости показался юноша с большим бурдюком, привязанным к спине. Товарищи помогли водоносу, и он опустился в крепость, где его встретили с объятиями. Вдруг один из товарищей с ужасом отшатнулся.

— Что это? У тебя мокрое лицо, Петрос. Сверкнувшее в этот момент яркое пламя пожара осветило окровавленное лицо Петроса.

— Кровь! — воскликнули все в один голос.

— Не беда... — ответил тот с усмешкой. — Уже несколько дней, как я не умывался, сегодня, кстати, умылся как следует...

Петрос скоро рассказал, как он встретил курдов, стороживших родник, как те напали на него, а он уложил их на месте, получив рану в голову.

— Что же случилось с Анесом, Томасом, Адамом и Нерсесом? — спросили его.

— Черт их знает! — ответил Петрос своим обычным шутивым тоном. — Они точно условились отправиться на свидание к своим предкам в одну и ту же ночь. Один лежал у стены, вероятно, его угостили пулей, когда он спускался со стены; другой присел на полпути и боролся со смертью; третий растянулся, как бревно, у самого родника, а несчастный Томас, раненный в бок, придерживая рукой рану, проклинал курдов... Но я отомстил за них.

Четверо армян, о которых рассказывал Петрос, были друг за другом посланы за водой, но ни один из них не вернулся. Подобные случаи повторялись так часто, что убийство, смерть обратились в нечто обыкновенное, а потому рассказ Петроса не произвел особенного впечатления на слушателей. Они не позаботились даже о Петросе, не подумали перевязать его рану, хотя из нее сочилась кровь, да и сам он мало думал об этом.

— Черт бы побрал этих курдов! — продолжал он. — Эти проклятые видят в темноте не хуже волка; а стоит им только услышать шорох — сейчас же летит пуля.

После этих слов воины вспомнили наконец о ране Петроса, и взяв у него бурдюк с водой, отправились на крепостной двор.

— Ребята, — сказал один из них, — татарам не следует давать ни капли воды, шуточное ли дело — потерять четырех человек из-за одного бурдюка воды, а ведь из татар никто не захотел отправиться с охотниками.

— Нет, это нехорошо, — перебил его Петрос, — надо им тоже дать.

— Почему же не хорошо? — возразил первый. — На днях они раздобыли где-то воды и, как воры, спрятали ее; из наших никто не получил ни капли.

— Они поступили плохо, но мы должны показать им, что значит военное товарищество.

С этими словами они вошли во двор казармы.

— Вода!.. вода!.. — слышались со всех концов радостные восклицания, и толпа окружила вошедших.

Невозможно описать того восторга и радости, которыми была охвачена эта жаждущая

толпа. Все смешались, толкали друг друга, и каждый лез вперед, чтобы поскорее напиться.

— Зажгите огонь и не мешайте: всякий получит свою долю, — оказал юноша, тащивший бурдюк. Он остановился и поставил бурдюк на землю.

Синеватый свет зажженного факела осветил взволнованные лица. Юноша взял рюмку и начал раздавать воду, имевшую неприятный вкус и запах. Некоторые выпили, не заметив этого, но один сказал:

— Какой странный цвет у воды!

— Пей, — ответил ему Петрос, стоявший тут же, — нынче курды красят воду такой краской...

— Какой краской?... — раздался голоса.

— Нашей кровью... Если б только вы видел, сколько трупов валяется у родника, откуда я набрал бурдюк!

Всем стало как-то не по себе, но и после этих слов все с жадностью пили мутную, красноватую жидкость. Один из воинов решился даже грубо пошутить.

— Это тоже неплохо — вода сдобрена и придаст нам больше силы.

Но недолго пришлось шутить обрадованным солдатам.

Снова раздался гром пушек, и бомбы стали перелетать с гулом через крепостные стены. Одну из них разорвало возле стоявших солдат, и многих ранило насмерть.

В это время в комнате коменданта собрался совет из нескольких офицеров под председательством Штоквича. В совете участвовали и некоторые предводители ополчения из армян и мусульман. Лампа, горевшая на маленьком столе, освещала бледным светом печальные и озабоченные лица.

В последние дни были получены от неприятеля письма с предложением сдаться.

Эти письма были написаны старым, непримиримым врагом русских, сыном известного Шамиля — генералом-лейтенантом Шамилем, который числился в свите султана и теперь находился в лагере неприятеля. Последнее письмо содержало в себе много угроз и обещаний. Этому письму и был посвящен военный совет. Нужно было решить, что ответить.

— Пока живы — не сдадимся, — сказал комендант.

— Но если осада продолжится еще несколько дней, то невозможно будет держаться, — заметил один из офицеров.

— Положение наше и сейчас невыносимо, — сказал другой, — у нас нет ни хлеба, ни военных припасов... Не понимаю, чего медлят глупые курды, почему не нападают сразу. Ведь нам нечем защищаться.

— Да, мы поступили очень неблагоприятно, — произнес третий офицер.

— Прошлого не воротишь. Поговорим лучше о настоящем, — заметил комендант и повторил: — Не сдадимся, пока живы!

— Если мы не получим помощи, то погибнем, — ответил ему один из предводителей мусульман.

— Нет у нас сил ждать помощи, — заговорил хан. — По-моему, надо выйти из крепости, разорвать кольцо неприятеля, и тогда или спасемся или попадем в плен.

— Последнее более вероятно, и результаты его могут быть печальны, — возразил ему предводитель армянского ополчения. — Крепость, по крайней мере, служит прикрытием; она задерживает шествие турецких войск. Если мы потеряем ее, то откроем путь башибузукам Измаила-паши, и им ничего не будет стоить в несколько дней завладеть Нахичеванью, Эриванью, а может быть, они и дальше пойдут. Местные мусульмане, насколько мне известно, с нетерпением ждут этих самозванных гостей, а армяне совсем не вооружены. Для защиты нашего края оставлено мало войска, так как наши главные силы сосредоточены в окрестностях Карса. Пока они подспеют на помощь, все будет уничтожено турками.

Эти слова привели хана в раздражение, и он обиженным тоном произнес.

— Вы сомневаетесь в преданности мусульман?

— Сомневаюсь, и не напрасно, потому что у меня есть факты, подтверждающие мои

слова. Вот, например, в числе осаждающих нас курдов находится много зиланцев², которые до войны были преданы русским. А в окрестностях Нахичевани какой-то полоумный мулла возбуждает народ своими вещими снами, предсказывающими господство ислама в этой области.

Председатель прервал их спор.

— Нужно ждать и защищаться до последнего вздоха — оказал он, — я надеюсь на скорую помощь. Генерал Тер-Гукасов не далеко от нас. Стоит ему узнать о нашем положении, и он не замедлит прийти выручать Баязет. Нам нужно только дать ему знать.

— Каким образом? — спросили его.

— Письмом.

— Кто же возьмется доставить письмо?

— Надеюсь, найдется такой смельчак.

— Положим. Но как он проберется? Неприятель окружил нас со всех сторон.

— Попробуем.

Совет решил написать Тер-Гукасову, и через четверть часа вместе с членами совета комендант с письмом в руках вышел из комнаты.

Легкий бой барабана собрал всех солдат на площадь крепости. Комендант начал звучным голосом;

— Ребята, всем вам известно наше положение, поэтому считаю лишним говорить об этом. Будем надеяться на милость божью. Если запоздает подмога, мы погибнем. Следовательно, нужно дать весть о себе, кому следует. Вот это письмо нужно передать генералу Тер-Гукасову, который находится близко от нас. Получив письмо, он не замедлит явиться на выручку. Теперь скажите: кто тот храбрец, который возьмется за это важное дело? Пусть он подойдет и возьмет письмо. Я обещаю ему награду, которой достоин человек, жертвующий своей жизнью для спасения тысячи других. Пусть откликнется тот, кто желает доставить письмо!

Воцарилась глубокая тишина. Из толпы не послышалось ни одного голоса.

— Повторяю, — продолжал комендант взволнованным голосом, — с этим письмом связано наше спасение. Кто желает заслужить славу быть спасителем всех нас?

Ответа опять не было.

— Неужели нет среди вас такого смельчака?! — воскликнул комендант дрожащим голосом. — Кто соглашается взять письмо?

— Я! — послышалось в толпе, и молодой армянин подошел к коменданту и взял письмо. Этого молодца звали Варданом³.

II

На следующее утро первые лучи солнца осветили в Баязете и его окрестностях ужасную картину: стали ясно видны последствия погрома, совершенного варварами в течение трех суток. В городе царила мертвая тишина, лишь изредка нарушаемая криком ворон, перелетавших стаями с места на место, чтобы пожирать трупы убитых. Улицы города представляли печальную картину.

Вместо домов были кучи пепла; там и сям курились недогоревшие предметы, перед каждым домом валялись трупы стариков, мужчин и женщин с детьми... Голодные собаки с жадностью рвали трупы и рычанием своим старались спугнуть налетающие вороны стаи...

² Зиланцы — курдское племя.

³ Настоящее имя молодого человека Самсон, но я из героя моего романа создал отдельный тип, этим слегка отклонился от исторической правды; но пусть простят меня, если я подлинность пожертвовал поэтической свободой (Прим. автора).

Отовсюду, из домов и лавок, неся удушливый смрад разлагающихся трупов.

В таком мертвом городе цитадель Баязета ждала своего печального конца.

Осада усиливалась. Все окрестности города: ущелья, горы, поля и равнины — все было покрыто бесчисленными толпами башибузуков. Их лагерь был раскинут группами, и в каждой замечалось движение, суета и гомон!

Религиозный фанатизм соединился с жестокостью воина. Человек, превратившийся в зверя, убивал, терзал себе подобных. Победители, насытившись кровью, занялись грабежом. В одном месте лежали на земле богатые армяне, которых пытали, чтобы узнать, где хранится их богатство. Несчастные страдальцы плакали, умоляли, клялись, что они отдали последнее и что у них нет ничего больше, но им не верили, и чтобы вынудить признание, у них на глазах резали их детей.

В другом конце города курды делили между собой добычу. Жены их с радостными лицами навьючивали ею своих мулов... Немного дальше делили пленных армян; вдруг между курдами возникла ссора из-за одной красавицы, и дело чуть не дошло до сабель. В противоположном конце над валявшимися трупами собрались дикие кошки и хищные птицы... А недалеко от них богомольные турецкие солдаты исполняли свой утренний намаз и, благочестиво подняв кровавые руки к небу, благословляли бога ислама...

Все это свершалось среди дыма, заслонявшего солнце точно густой туман. Орудия не переставали греметь. Ядра ударялись в стены крепости, но она гордо стояла на высоком холме и еще могла отражать удары неприятеля.

На одном конце лагеря внимание всех привлекал какой-то странный человек, который шел прыгая, хлопая в ладоши и пел наивную курдскую песню.

Баба старая в лягушку превратилась,
И на дно она морское опустилась.
Там песку она достала не простого,
Полну пригоршню песочка золотого
За козу песок она отдала.
А козе ноги не доставало!
Ты скажи мне, козочка,
Дорогая козочка,
Почему грязна ты,
Почему хрома ты?

— Юродивый! — кричали со всех сторон курды и, окружив его, заставляли повторять песню.

И действительно, этот человек был юродивым или прикидывался им. Он был одет, как у нас одеваются шуты, бродящие по селам с канатными плясунами. Стоя под канатом, они паясничают и развлекают народ. Был он высокого роста, с диким выражением лица. На голове его красовался высокий безобразный колпак, сшитый из кусков старого войлока и увешанный маленькими колокольчиками, которые звенели при малейшем движении головы юродивого. Лицо его было вымазано ваксой и расписано разноцветными линиями. Все его платье состояло из старой разорванной шинели, надетой на голое тело и подпоясанной веревкой; ноги были босы.

— Ну-ка, зареви ослом, — говорили ему.

Юродивый нагибался и, широко раскрыв рот, отчаянным криком подражал ослиному реву.

Окружающие смеялись и бросали ему медные монеты. Юродивый, поднимая деньги, удивленно рассматривал их и, бросив в сторону, просил хлеба; получив хлеб, он разламывал его на куски и глотал не разжевывая.

— Ты, вероятно, пляшешь как медведь, — кричали ему, — покажи-ка нам свое искусство.

Юродивый ползал на четвереньках, поднимал ноги, ходил на руках и проделывал различные другие акробатические упражнения. Целый день он оставался в лагере курдов, развлекая их — болтал по-курдски, ругал и проклинал русских, кричал, что надо уничтожить всех гяуров.

До поздней ночи раздавался по лагерю голос юродивого, но с рассветом юродивый исчез...

III

Полуденное солнце жгло немилосердно. Было удушливо жаркое время дня, когда дороги освобождаются от путешественников и каждый старается скрыться в тени, подышать свежим воздухом.

В это время по дороге, ведущей из Баязета в Алашкерт, шел одинокий путник. Дорога вилась зигзагами по горным теснинам; бесконечные спуски и подъемы могли утомить путника, но он, казалось, не чувствовал усталости.

Он шел быстрыми шагами, безостановочно, не глядя по сторонам, точно его влекло вперед весьма важное дело и каждая минута была очень дорога.

Путник был молод и одет как юродивый, которого мы видели накануне: та же изношенная шинель покрывала его голое тело, тот же пояс, недоставало только колпака, увешенного колокольчиками, и на лице не видно было следов ваксы. Голова его была защищена от палящих лучей солнца шапкой, сплетенной из свежего тростника, какие плетут и носят крестьяне во время полевых работ. Этот патриархальный головной убор затенял его мужественное, но грустное лицо. Путник казался очень опечаленным.

Вдруг, услышав ржанье лошади, он остановился и осторожно стал осматриваться. Звуки повторились. Убедившись, что они доносятся из ближайшего ущелья, путник после минутного размышления направился к нему. Отойдя немного от дороги, он поднялся на первый холмик и устремил взор в глубину ущелья, поросшего травой. Там паслась оседланная лошадь, дальше виднелись кустарники, среди них путник заметил длинную пику с блестящим острием.

«Здесь должен быть человек, он один, потому что пасется одна лошадь, которая, наверно, принадлежит ему; нет сомнения, что он курд — тут курдская сбруя и пика; он непременно спит, потому и спутал ноги лошади, чтобы она не уходила далеко». Так размышлял путник. Вдруг его осенила какая-то мысль, и он быстро спустился с холмика.

В ущелье протекал ручей, поросший по берегам густым камышом; там и скрылся путник. Он пополз к кустам, из которых торчала пика. Его гибкое тело скользило в камышах, точно змея. Тихий ветерок мерно покачивал головки камышей, и шум их заглушал шорох от каждого движения прокрадывавшегося смельчака. Все благоприятствовало ему...

Он приблизился уже к тому месту, где была пика. Здесь, в нескольких шагах от цели, путник притаился и, не вставая, начал наблюдать из-за камышей. Невдалеке, под тенью кустов, лежал человек, видимый лишь наполовину; он был одет как курд. Полуденный жар загнал его на отдых, но спал он или нет, трудно было сказать: он лежал спиной к путнику, растянувшись на густой траве.

Путник, глядя на него из своей засады, не мог определить, закрыты ли глаза курда, а знать это ему было необходимо. Глаза его горели. От сильного волнения мысли путались, и он не знал, на что решиться. Ему, безоружному, предстояла борьба с дикарем, вооруженным с ног до головы. Но нужно было решать: каждая минута была дорога...

В это время он заметил, что курд поднял голову, осмотрелся, взглянул на лошадь и, увидев, что она близко, снова опустил голову на сумку, заменявшую подушку.

«Итак, курд не спал или только сейчас проснулся», — подумал путник. При этом лицо его передернулось, а губы начали дрожать. Взглянув на пику, он заметил, что она довольно далеко от курда и ближе к месту, где скрывался он сам. В глазах его блеснула радость.

Как тигр, он бросился из своей засады, схватил пику и, представ перед лежащим

врагом, крикнул:

— Оружие!

Курд презрительно взглянул на эту странную фигуру в изорванной шинели, с комической шапкой на голове и, не изменяя своего положения, схватил пистолет и сказал:

— На тебе!..

Раздался выстрел — пуля пролетела мимо.

— Мерзавец! Ты еще сопротивляешься? — закричал путник и воткнул пикку прямо в горло курду.

Горячая кровь брызнула фонтаном; голова курда покачнулась, и он упал. Затем он поднялся, схватил кинжал, но обессилевшая рука едва вытащила его наполовину из ножен.

— Пес! За что убиваешь? — простонал он в предсмертных судорогах.

— Ты много убивал наших... ты грабил нас... Я у тебя научился убивать, грабить. Мне предстоит далекий путь, а у меня, как видишь, ни платья, ни оружия, ни коня. Твое платье, оружие и красивый конь были мне необходимы. Я хорошо знал, что живой ты ничего не отдашь, поэтому и успокоил тебя навеки. Может, ты лишился баязетского грабежа, но зато братья твои работают там хорошо!..

Курд ничего не слышал; глаза его закрылись. Он умер.

Все это произошло в несколько минут.

Путник раздел свою жертву донага, оттащил труп к камышам и спрятал там, накрыв своей шинелью. Затем, надев платье курда, взял его оружие, вскочил на прекрасного коня и продолжал свой путь.

IV

На следующий день после этого происшествия всадник в платье курда незаметно проскользнул в лагерь генерала Тер-Гукасова и объявил, что имеет важное письмо к генералу. Дежурный офицер, допросив его, взял письмо, а самого гонца оставил у палатки, где тот водил коня, который был весь в мыле. Через несколько минут его позвали к генералу. В палатке сидел военный, среднего роста, плотный, с суровым лицом, выражавшим львиную отвагу. Это был Тер-Гукасов. Он сидел у письменного стола, наклонив седую голову над вскрытыми письмами; при входе гонца он взял одно из писем, начал читать его и усиленно курить. На лице генерала отражалась сердечная боль и печаль. Вдруг он повернул голову к гонцу и спросил:

— Ты армянин?

— Армянин, сын священника, — ответил молодой человек.

Генерал бросил на него пронизательный взгляд и продолжал допрос.

— Есть ли запас хлеба в крепости?

— Через несколько дней начнут пожирать друг друга, если не умрут голодной смертью.

— А вода есть?

— Нет. Нужно добывать ее за крепостью. По ночам с трудом спускаются с цитадели десять-двадцать человек; на них почти всегда нападают курды, так что редко кто возвращается обратно.

— А огнестрельные припасы? Есть ли у них порох, пули?

— Все было израсходовано, но один из наших армян разыскал где-то в крепости оружие, порох и ядра, зарытые турками; теперь перебиваются этим.

— Как удалось тебе выбраться из крепости?

— Рано утром я спустился с крепостной стены и прямо направился в лагерь врагов, где целый день тешил и смешил их: пел, плясал, дурачился, а потом, побывав везде и все разведав, попрощался с ними.

Генерал смотрел на него с удивлением.

— Вот так безумец, что ты говоришь!

— Да, ваше превосходительство, — ответил спокойно молодой человек, — мне, видно,

суждено играть роль безумца, и это спасает меня от многих опасностей. Я прикинулся юродивым и вошел в лагерь неприятеля.

Юноша рассказал генералу о всех своих проделках в лагере курдов.

На строгом лице генерала показалась легкая улыбка, и он благосклонно спросил:

— Где же ты раздобыл платье, которое сейчас на тебе?

— Бог помог мне в этом: по дороге сюда я встретил курда, у которого и отнял это платье, оружие и коня.

И молодой человек рассказал, как удалось покончить ему с курдом.

— Ты, видно, храбрец, — сказал генерал и, приняв прежний сосредоточенный вид, продолжал допрашивать.

— А много курдов у Баязета?

— Много. Говорят, около двадцати тысяч, но не все курды, между ними немало и других магометанских племен. У кого было какое-либо оружие и лошадь, все поспешили в Баязет, образовалась целая армия. На пути я встретил многих, которые направлялись туда же.

— Есть ли у них пушки?

— Есть.

— Что же они думают предпринять?

— Спешат взять Баязет, а затем двинуться на Эривань и Тифлис, куда их влечет красота грузинок и армянок.

Генерал презрительно улыбнулся и сказал:

— С двадцатью тысячами направиться к Тифлису? Это немыслимо...

— Ваше превосходительство, двадцать тысяч не мало, если для сопротивления нет и тысячи солдат, а между тем, к ним скоро присоединится Измаил-паша со своей армией. Что же касается магометан тех краев, то они с нетерпением и с раскрытыми объятиями ждут этих гостей.

При этих словах лицо генерала омрачилось, и сердце его, не знавшее смущения в минуты ударов судьбы, охватило сильное волнение. Он начал бессознательно тереть рукой лоб, как бы стараясь освободиться от гнетущих мыслей. После минутной задумчивости он поднял седую голову и обратился к гонцу с вопросом:

— А в самом Баязете ты был?

— Как же, был. В нем не осталось ни одного армянина. Старики, больные и дети перебиты; молодых девушек увезли в плен. Дома сожгли, а имущество разграбили. Только около сотни семейств, которым известно было, что ожидало Баязет, убежали в пограничный город Магу; да они спасли только себя — имущество их разграблено. Вы не представляете, как изменнически, как жестоко поступили с армянами магометане.

— Как?

— Когда в начале войны русские подступали к Баязету, местные магометане боялись их. Они думали, что русские, как турки, придут и ограбят их: они спрятали все ценное у соседей армян, говоря: «Вы христиане, вас не обидят, и имущество наше будет в безопасности».

Но русские, придя, никого не тронули и в обращении не отличали магометан от христиан, и мусульмане, успокоившись, взяли обратно все, что было спрятано у армян. Когда же пронесся слух, что идут курды, мусульмане сказали своим соседям. «Вы сделали нам добро, мы хотим отплатить вам тем же: идут курды и, наверное, ограбят вас, дайте ваше имущество нам на хранение». Армяне поверили и отдали все, что имели, а некоторые и сами скрылись у них с женами и дочерьми. Но как только курды ворвались в город, мусульмане выгнали армян из своих домов, оправдываясь тем, что курды отомстят им за покровительство христианам. Таким образом, они предали армян в руки неприятеля, присвоив их имущество. А как только начался погром, первый огонь открылся из домов местных мусульман... тех самых, которые полтора месяца назад присягнули вашему превосходительству быть верными подданными русского царя. Стреляли даже их жены.

Генерал слушал молча. Молодой человек продолжал:

— Ах, если б вы знали, сколько храбрецов погибло при взятии Баязета курдами! Как вам известно, для охраны крепости было оставлено слишком мало солдат и ополченцев. Штоквич с русскими солдатами героически охранял крепость, а ополченцы — город. Давно доходили до нас слухи, что целые полчища курдов, предводимые шейхами Ибадуллой и Джелалэддичом, направляются к Баязету. Об этом нас извещали ванские армяне. Многие из нас требовали укрепления города и увеличения численности войск, чтобы встретить неприятеля, но нашлись люди, которые старались помешать этому, убеждая всех, что слухи эти ложны, а потому всякие приготовления излишни. С какой целью эти изменники старались оставить нас беззащитными перед неприятелем, я не могу сказать; вы, конечно, расследуете все это потом. Скажу только одно, что армяне были и будут всегда верны русским.

Как видно было, молодой человек затруднялся обо всем говорить откровенно.

— Ты Расскажи мне, что было предпринято после вторжения курдов, — перебил его генерал.

— Когда пришли курды, Штоквич после нескольких неудачных боев поспешил укрепиться в крепости. Часть ополченцев осталась в городе, так как в крепости не было ни места, ни запасов продовольствия для всех. Из друзей наших ополченцев-татар часть убежала в Игдырь и Персию, но мы решили или умереть или удержать город за собой, хоть нас и было мало. Местные армяне готовы были присоединиться к нам, так как знали хорошо, что их ждало в случае, если б турки овладели городом. Вам известно, генерал, с какой радостью встретили армяне победоносные русские войска, когда они вошли в город. Турки не могли никогда им этого простить и должны были выместить свою злобу на тех, которые предпочли русский орел полумесяцу ислама...

— Ты опять уклоняешься от ответа, — перебил его генерал. — Расскажи мне, чем кончилось дело.

Молодой человек сдержал волнение, вызванное печальными воспоминаниями, и продолжал.

— Быть может, нам удалось бы сообща с местными армянами спасти город, если бы последних заранее снабдили оружием, но жители не получили его. Однако, несмотря на это, они не отставали от нас. Сначала борьба шла славно. Маленькие группы людей сопротивлялись громадной силе; с нами было и несколько сот ополченцев-татар. Но неожиданно наши друзья мусульмане покинули поле битвы и разбежались — вероятно, им не особенно приятно было пускать пули в своих. Тогда мы, армяне, стали защищаться одни. Но недолго мы продержались. Через несколько часов у нас вышли огнестрельные запасы и начался рукопашный бой, в котором многие пали. Часть попала в плен, а другие, увидя бесцельность борьбы, успели убежать. Вот тогда только удалось неприятелю завладеть городом.

— Понятно... — промолвил тихо генерал и, поднявшись с места, подошел к ящичку, достал оттуда крест и, надев его на грудь молодого человека, сказал:

— Ты заслужил его; кроме того, я представляю тебя к чину. Ты останешься при мне, я нуждаюсь в таких героях...

Молодой человек поблагодарил его низким поклоном и сказал:

[Достаточно] с меня и креста, генерал. Вы сделали бы мне большое добро, если б отпустили меня сейчас туда, куда я хочу.

Генерал, удивляясь его скромности, спросил.

— Куда же ты спешишь?

— Спасти одну жизнь, которая дороже для меня всего на свете...

— Ты, друг мой, вероятно, имеешь тайну? — добродушно спросил генерал.

— Да, это тайна моего сердца...

— В таком случае прими этот маленький подарок, быть может, он пригодится тебе, — сказал генерал, давая ему сверток золота.

— Если бы вы отпустили меня скорее, это для меня было бы лучшим подарком, — ответил юноша, отказываясь от золота.

— С богом! Пусть господь хранит тебя, — сказал генерал, пожав ему руку.

V

Вернемся на несколько лет до войны.

В провинции Багреванд, недалеко от монастыря Сурб-Ованес (Уч-Килиса), на берегу одного из верхних притоков Евфрата, находилась армянская деревня О... Она была расположена в довольно обширной долине, которую природа щедро наградила красотой.

Две цепи гор с волнистыми вершинами, окаймляя долину, придали ей вид овала. Среди долины, извиваясь, бежал приток Евфрата, который у местных жителей называется Агсу, то есть «чистая вода». И это название было вполне заслуженным. На окружавших долину горах, богатых пастбищами, паслись большие стада овец и скота, а вся равнина была покрыта пшеницей, ячменем, льном и другими посевами; рука земледельца не оставила здесь и клочка невозделанной земли. На этой обширной долине недалеко друг от друга находилось несколько армянских деревень, которые, утопая в садах и рощах, издали казались зелеными островами.

На самом краю долины, в ущелье, стояла деревня О... Дом старшины Хачо (настоящее имя его было Хачатур) богатством и величиной сильно отличался от других. Каждое утро со двора этого дома выгоняли на пастбище около ста голов крупного скота. Его буйволы, волы, коровы и лошади считались лучшими во всей деревне. У Хачо было около тысячи овец, которые паслись на ближайших горах под охраной пастухов. Ему же принадлежала большая и единственная в деревне маслобойня. За деревней была у него прекрасная мельница, жернова которой вертелись круглый год. Но главным богатством дома Хачо и его опорой были семеро его сыновей, один мужественнее другого.

Они были женаты, и дом Хачо был полон ребятишек всех возрастов — были даже женаты некоторые из внуков, у которых тоже, в свою очередь, были дети.

Таким образом, старик Хачо имел у себя перед глазами несколько поколений; все они жили вместе, работали сообща и как бы составляли свой, особый мир. В деревне сложилось нечто вроде поговорки: «У Хачо столько же детей, сколько скотины».

Из всех сыновей старшины не был женат один, меньшой — Степаник, которому только исполнилось шестнадцать лет. Однако, глядя на его лицо, можно было заметить, что годы еще не дали ему присущей на юге этому возрасту зрелости. Черты его детского, свежего лица были нежны и привлекательны, он был больше похож на девушку, чем на юношу.

Сыновья и внуки Хачо имели свои особые обязанности как в землепашестве, так и в уходе за скотиной, и редко кто оставался дома, исключая Степаника, который мало помогал братьям в этих работах.

Он был для Хачо Иосифом Прекрасным, и старик всегда держал его при себе. Между Степаником и Иосифом Прекрасным было сходство не только в том, что он был таким же красивым и скромным, как сын Израиля, но и в том еще, что его одевали так же нарядно, как и Иосифа. На нем всегда можно было видеть архалук из пестрого аленского атласа, обшитый золотом, а сверх архалука накидку из красного сукна, вышитую золотыми нитками. Кирманская шаль заменяла ему пояс, широкие шаровары шились из ванской шерстяной материи, а ноги были обуты в эрзерумские красные сапожки. На голове Степаник носил красную феску, обвитую цветным шелковым платком, поверх которого спускалась черная шелковая кисть. Из-под фески мягко падали на плечи волнистые каштановые волосы. Словом, он отличался от Иосифа Прекрасного только тем, что братья Иосифа смотрели на любимца отца с завистью, а братья Степаника, наоборот, души в нем не чаяли.

Издали дом Хачо производил впечатление древнего замка. Стоял он на холме и имел все необходимое для защиты от врагов. Этот замок был окружен четырьмя высокими стенами, образовывавшими громадную квадратную площадь, на которой находились разные

строения, необходимые при большом хозяйстве: овчарки, хлев для скота, конюшни, склады для хранения земледельческих орудий, сenniки и кладовые для корма скота, погреба, амбары и т. д.

Тут же были устроены помещения для пастухов и рабочих с их семьями; все они были курды и выполняли разные полевые работы, а жены их работали в доме. Короче говоря, в ограде замка помещалась маленькая деревня, хозяином которой являлся старик Хачо.

Помещение, где жило его многочисленное семейство, не отличалось замысловатостью: не было почти никаких подразделений на комнаты с разными названиями, которые выдумал наш современный цивилизованный мир. В этом доме сохранялась еще та патриархальная простота старины, когда наши деды жили под шатром, с той лишь разницей, что шатер заменял каменный дом.

Для сыновей Хачо, из которых каждый со своими детьми составлял целое семейство, не было отдельных комнат; все они жили под одной крышей, в одной комнате, представляющей собой не что иное, как четыре стены, крытые толстыми бревнами.

Здесь разводили огонь, здесь пекли хлеб, варили пищу; ели и спали все вместе. Тут же можно было видеть телят, козлят, которые вместе с детьми бегали, прыгали, наполняя дом шумом и гамом. Часто заглядывали сюда и куры со своими цыплятами собирать крошки хлеба и объедки, выпавшие из рук беззаботных детей. Словом, это был Ноев ковчег с разнообразными животными. Рядом с описанной комнатой находилась другая, которая, как летнее помещение, имела со стороны двора открытую галерею. Кроме этих комнат, была «ода» — приемная, двери которой открывал только для гостей, поэтому она была хорошо убрана [и] содержалась в чистоте.

VI

Несмотря на такую простоту обстановки, жизнь в этом патриархальном доме текла в радости и довольстве. Работа непрерывно кипела, амбары и погреба Хачо были постоянно переполнены хлебом, маслом, зерном и прочим добром. Во всякое время года: в жар, холод, старик умел находить работу.

Горные снега начали уже таять, и покрытые свежей зеленью поля глядели весело. Воздух, пропитанный ароматной теплотой, распространял всюду жизнь. По ущельям и оврагам шумно бежали ручьи и, как змеи, расплзались по долине. Прилетевшие ласточки звали землепашца на работу. Сыновья Хачо готовили свои плуги.

Солнце уже подымалось, чуть-чуть освещая розовыми лучами снежные вершины гор. Старик возвращался с заутрени домой, благословляя встречающих крестьян. Сегодня сыновья его должны были вывести во двор откормленных быков и буйволов, которые за все время зимовки не видели солнечного света. Для крестьян это зрелище было большим развлечением, и многие собрались перед домом Хачо посмотреть, как выхолен и откормлен его скот.

— В добрый час, старшина Хачо, — оказал один из крестьян.

— Кажется, дети твои хотят выгнать сегодня скотину?

— Да, пора уже. Я спросил священника, а он ответил, что сегодня день добрый, ну, я и решил... — ответил Хачо, придававший особенное значение словам священника.

В эту минуту со двора слышались звуки колокольчиков, и крестьяне расступились, чтобы дать дорогу.

— Это — Чора, — раздалось со всех сторон.

Так звали одного из лучших буйволов старшины. Чора имел на лбу белое пятно в виде звезды и отличался необыкновенной силой и величиной.

Громадное животное с ревом вырвалось на волю. Земля дрожала под его ногами. Он стал посреди площади, приподнял голову и свирепым взглядом посмотрел вокруг. В эту минуту подошел к нему старшина и разбил об его лоб сырое яйцо; желтая жидкость окрасила белый лоб животного. (Это делалось для того, чтобы изгнать злую силу и чтобы не

«сглазили» буйвола). Однако такая операция взбесила Чора, и он, сделав страшный прыжок, бросился на толпу.

Увидев это, подросли сыновья старика с дубинами и стали умирять рассвирепевшее животное. Началась борьба человеческой силы с дикой силой животного.

Вырвавшись из мрака хлева на свет, Чора ничего не разбирал и не узнавал даже своих хозяев, кормивших его всю зиму, руки которых он не раз облизывал, теперь в яром бешенстве он бросался на всех. Шестеро молодцов наносили Чора удары со всех сторон, но он принимал их как удары легкой палочки. Старик, стоя вдали, с восторгом любовался картиной этой борьбы, которая могла бы сделать честь лучшим римским гладиаторам.

Перед его глазами боролись две силы — его храбрые сыновья и дикое животное, и обе эти силы имели одинаковое значение, так как от них зависело благосостояние его хозяйства.

Схватка делалась очень опасной — оборвалась цепь с чурбаном, привязанная к шее животного и раньше не дававшая ему возможности двигаться свободно. Крестьяне бросились на Чора, чтобы связать его веревками, но он одним движением разорвал веревки и, кидаясь во все стороны, заставил крестьян разбежаться. Вдруг, в момент такой растерянности толпы, к удивлению всех, Апо, младший сын старшины, отважно бросился к Чора и схватил его за хвост. Чора брыкался, вертелся, увлека за собой врага. Эта борьба, сопровождаемая криками толпы, продолжалась несколько минут. Разъяренное животное ревели, било ногами. Поднялась пыль и скрыла борющихся из глаз окружающих; наконец, подросли братья Апо и общими усилиями связали цепями непокорного Чора. Победа Апо над животным была встречена восторгом толпы.

Старик подошел к сыну и, поцеловав его в лоб, оказал:

— Пусть бог не оставит тебя, сын мой, ты не осрамил меня.

Затем он приблизился к Чора и, погладив его по голове, сказал:

— Озорник! Чего ты дурачился?

Но Чора был спокоен. Туман, застилавший ему глаза, рассеялся, и он, узнав своих хозяев, как будто сожалел о совершившемся. Снова накиннули ему на его толстую цепь с бревном и пошали к реке.

Крестьяне все еще стояли перед домом Хачо, так как после Чора должны были выводить других буйволов, не уступавших своей силой Чора. Но на этот раз сыновья Хачо приняли все меры предосторожности. Каждое из этих красивых, здоровых и откормленных животных удостоилось бы первой награды на любой сельскохозяйственной выставке.

Старик любовался ими и над каждым из них совершал таинственный обряд спасения от злых духов, привешивая на шею треугольный пакет из зеленой кожи, где была зашита молитва, написанная священником — этот пакетик имел силу талисмана. В свою очередь, крестьяне восторгались и хвалили сыновей Хачо за хороший уход за скотиной: это льстило самолюбию старика. Так должны были каждый день выводить одичавших животных, пока они, освоившись с жизнью на воле, могли бы быть пущены на работу в поле.

VII

Настали апрельские ясные, теплые дни. Горы давно уже покрылись цветами, и молоденькие курдианки, связав из цветов букеты, обходили дома армян, обменивая их на хлеб. Грибы, спаржа и разные съедобные травы уродились в таком изобилии, что жены курдов охотно отдавали их крестьянам за несколько фунтов муки целыми выюками.

Сыновья Хачо уже начали пахать свои поля. Работа кипела всюду, в деревне нельзя было увидеть праздного человека.

Утро. Тониры⁴ в доме Хачо затоплены. На одних стоят большие котлы и горшки, а в других пекут хлеб. Молодые хозяйки и служанки суетятся около печей. Дом, наполненный

⁴ Тонир, тондырь — вырытая в земле печь.

паром и приятным запахом еды, обратился как бы в обширнейшую кухню, готовящую обед для целого отряда войск. За столом Хачо кормилось, кроме его большого семейства, множество пастухов и работников с семьями. Все это составляло целый легион. Ежедневно топились те же тониры, готовилось в том же количестве кушанье, вследствие чего трудолюбивые невестки Хачо не имели ни одной минуты покоя; надо было заботиться обо всем и накормить всех. Но были и другие работы: вот одна из хозяек доит коров и овец, другая кипятит молоко, третья готовит сыр, четвертая бьет масло. Дети кружатся тут же, играя с телятами и барашками. Любо смотреть на такое семейное счастье крестьянина.

На восточной стороне двора под стеной стоят ряды ульев, освещенные апрельским солнцем. В то время, когда хозяйки занимаются своим делом, старик Хачо возится около ульев; он открывает их дверцы — вылетают рои пчел и весело кружатся над головой Хачо, наполняя воздух жужжанием и шумом. Есть между ними и злючки, которые награждают морщинистое лицо старика колючими поцелуями. Но он не чувствует боли и, отгоняя пчелу рукой, кричит: «Эх, злой сатана, что худого сделал тебе Хачо?»

Степаник обыкновенно стоит тут же и следит с любопытством за работой отца.

— Уходи, дитя мое, пчелы ужалят тебя, — предостерегает его отец.

— Отчего же тебя не кусают?

— Кусают, но мне не так больно.

— Почему же не больно?

— Тело мое давно привыкло к их жалу.

— Пусть и мое привыкает, — отвечает, улыбаясь, юноша.

Старик смеется и целует его.

Разговор их прерывает сельский десятник, который пришел известить Хачо о том, что Фаттах-бек, вождь курдов, едет к нему и, вероятно, скоро прибудет, так как охотится на ближайших горах. Казалось, черная туча прошла по открытому лбу старика и сразу опечалила его веселое лицо; но он, скрыв недовольство, не просил десятника позвать сыновей с поля для прислуживания беку и позаботиться о корме для его лошадей.

Посещения бека сделались так обыкновенны в доме Хачо, что уже всем было известно, что и в каком количестве приготовить для его приема; а потому хозяйки дома, узнав о госте, сейчас же зарезали несколько баранов и начали варить плов⁵ в больших котлах, потому что свиту бека составляло всегда не меньше двадцати или тридцати человек.

Фаттах-бек был вождем одного из племен курдов, стада которого паслись в соседних с деревней О... горах. Благодаря такому соседству нередко возникали споры и драки между пастухами армянами и курдами из-за украденного барана или отравы, но споры эти оканчивались миром, потому что вождь курдов не только считался хорошим знакомым старшины, но и состоял с ним в кумовстве. Он был крестным отцом некоторых внучат Хачо, а тот, в свою очередь, присутствовал при обрезании детей бека, вследствие чего между ними завязались самые близкие отношения.

Но почему же опечалился Хачо, узнав о прибытии Фаттах-бека? Он не был скуп, чтобы бояться приема таких гостей. Двери его дома, как у отца Авраама, были открыты для всех. Всегда за его стол садилось много гостей и странников, и Хачо всегда с особенным удовольствием говорил, что он не обедает без гостей. «Хлеб, — говорил он, — дар божий и принадлежит богу; нужно, чтобы им пользовались все нуждающиеся».

Но что же его встревожило? В молчаливой задумчивости вышел он со двора и стал у ворот в ожидании гостя. Несколько крестьян, увидев старшину, подошли к нему.

— Говорят, бек едет, — сказал один из них, — интересно, что ему опять нужно?

— Курд даром не приходит к армянину: что-нибудь ему да нужно, — хмуро ответил старик.

Из-за холмиков стали видны острые концы копий и через несколько минут показались

⁵ Плов — рисовая каша, любимое на востоке блюдо.

всадники.

— Едут, — сказал кто-то из крестьян. Старик видел плохо, а потому, как ни старался разглядеть едущих, ничего не заметил.

— Да, это они, — подтвердил другой крестьянин.

— Ребята, — сказал им старик, — оставайтесь здесь, возьмите их лошадей, дайте корм, пока наши вернутся с работ.

Бек приближался, окруженный охотничьими собаками разных пород и более двадцатью всадниками, которые были его родственники и исполняли обязанности телохранителей. Беку перевалило за сорок лет, но он хорошо сохранился и выглядел таким статным молодцом, что с виду ему можно было дать не больше тридцати. Одет он был с головы до ног в шелк и бархат, обшитый золотом; оружие его также было разу крашено золотом и серебром.

Красивая серая лошадь под ним, казалось, вся засыпана серебром и блестящими камнями.

Старик, увидев бека, сделал несколько шагов и стал возле канавы, вырытой для стока воды. Через канаву был перекинут мостик, по которому должен был проехать бек, но он пришпорил коня; тот, фыркнув, легко перескочил канаву и, сделав несколько красивых оборотов, стал против Хачо.

— Каково, нравится тебе, кум Хачо? — спросил бек, поглаживая красивую гриву коня. — Ты знаешь толк в лошадях, как находишь моего коня?

— Пусть господь хранит его от всякого зла, очень красив; сам Кёр-оглы⁶ не имел такого. Конь как раз по тебе, — ответил Хачо, погладив лошадь по голове. — Где приобрел? У тебя раньше его не было.

— Получил недавно в подарок от эрзерумского вали⁷, — ответил с гордостью бек. — Он берег его как зеницу ока и отдал мне, как хорошему знакомому; ему он достался от алеппского шейха.

— Красивый конь, — повторил старик.

Воодушевленный похвалой, бек снова ударил коня. Тот, сделав несколько прыжков, стал кружиться перед домом. В этих упражнениях видны были благородные качества чистокровного животного и умение ездока укротить диких лошадей. Наконец бек слез с коня и, бросив поводья работнику, приказал водить коня, потому что конь был весь в мыле.

Старик, взяв за руку бека, ввел его в приемную, где уже все было готово к приему почетного гостя.

Пол был застлан богатым персидским ковром. Около стен лежали мягкие подушки для возлежания, а для самого бека было приготовлено почетное место. Хозяин, пригласив гостя сесть, по принятому на востоке обычаю, обратился к нему со следующим приветствием.

— Дом мой принадлежит вам. Место ваше на голове моей, в глазах моих; я ваш покорный слуга, сыновья мои — ваши рабы, а жены их — ваши прислуги; все, что есть у меня — ваше. Прошу покорно, садитесь.

Бек поблагодарил. Один из сыновей Хачо, подбежав, снял с его ног красивые сапоги, и гость уселся на почетное место. Рядом с ним заняли места его двоюродные братья и другие родственники.

Часть свиты осталась в комнате, приложив руки к пистолетам, заткнутым за пояс; другие же вышли во двор смотреть за собаками и лошадьми, пообедавшими добром из амбаров хозяина.

Бек и его свита были вооружены пиками, саблями, пистолетами и ружьями; они не снимали их, хотя были в гостях у приятеля. Курд и у себя дома и в гостях, в военное и в мирное время, не может расстаться с оружием; оно с ним нераздельно.

⁶ Кер-оглы — сказочный богатырь.

⁷ Вали — губернатор.

Вернулись с полевых работ и другие сыновья Хачо. Они суетились, исполняя приказания отца. Все они были без оружия. По восточному обычаю, вначале подали черный кофе в маленьких чашечках.

— А где Степаник? Не видно что-то его, — спросил бек. — Я привык у вас дома принимать кофе из его рук.

Старик Хачо, скрыв неудовольствие, приказал позвать мальчика.

Вошел Степаник; на лице его играла веселая улыбка. Он приветствовал бека, приложившись к его руке (вожди курдов любят эту церемонию). Бек, погладив его шелковистые волосы, сказал:

— Знаешь ли ты, какой хороший подарок я привез для тебя?

— Знаю, — ответил Степаник, покраснев, — красивую козулю; я уже бросил ей корм, но она не хотела есть.

— Видите каков! Уже успел получить подарок, — заметил бек, обращаясь к хозяину.

— Я знал, что ее привезли для меня, потому и взял, — ответил Степаник.

— Ну, иди теперь поиграй с ней, — оказал бек.

Юноша поклонился и вышел.

— Умный мальчик, — заметил бек. — Наверно, он остается недоволен, когда не получает от меня подарков.

— Он не виноват, что вы балуете его, — ответил старик, нехотя улыбаясь.

— Какие роскошные горы у вас, кум Хачо, — переменял разговор бек. — Прекрасная охота, на каждом шагу встречаем диких коз, джейранов, блуждающих группами, а фазанов и диких голубей — и не перечесть. Вот эту козулю поймали живой мои борзые. Если б столько вы видели, какие у меня борзые! Недавно получил еще пару в подарок от вождя зиланцев; я послал за нее пару мулов. — Бек говорил только об охоте, собаках, разбоях и очень воодушевлялся, рассказывая о своих подвигах.

Хачо, хотя не выносил таких разговоров, однако слушал, а по временам делал и одобрительные замечания.

Настал час обеда. Прямо на полу накрыли скатерть и расставили блюда с пловом и целыми жареными баранами.

Между ними стояли кувшины с шербетом и огромные миски с болтушкой из кислого молока, которую ели большими ложками. Крепких напитков не было.

Гости ели и пили с аппетитом.

— Вы не выгоняли еще стада на пастбище? — спросил бек хозяина.

— Нет, еще не выгонял, — ответил тот. — Нельзя надеяться на апрель: он любит к концу пошалить. Жду, пока минет это время.

— Тепло и холод зависят от бога, кум Хачо, чему быть, того не миновать, — ответил гость. — Наши стада вот уже неделя как пасутся, но знаете, какая беда? У нас нынче совсем нет запаса муки, и пастухи наши несколько дней уже сидят без хлеба.

Старик понял намек и ответил:

— А наш хлеб разве не твой? Прикажи, сколько нужно муки, и я вышлю.

— Пусть благосостояние и счастье не покидают твоего дома! — воскликнул бек. — Конечно это так. Что мое, то твое. Что твое — мое. Не так ли, кум?

— Сам бог свидетель тому. Сколько послать муки?

— Пока достаточно будет десять возов, а там, в случае надобности, попросим еще, ведь от этого не опустеют твои амбары?

Старик нехотя улыбнулся, что придавало его лицу печальное выражение, и кивнул головой в знак согласия.

После обеда Степаник подал всем умыться и принес кофе. Бек приказал своим слугам, стоявшим в комнате, идти обедать вместе с другими, для которых был подан обед на паласах⁸, накрытых на дворе. В приемной остались бек с несколькими приближенными и

⁸ Палас — простой ковер

старик Хачо.

Предметом их беседы был конь, подаренный эрзерумским вали. Бек рассказывал о благородстве его крови и уверял, что он знаменитой арабской породы и что его родословная восходит чуть ли не ко времени знаменитого Антара.

— Но дорого обойдется мне этот роскошный подарок, — закончил бек свой рассказ.

— Почему? — спросил Хачо.

— Да разве не знаешь, что посланцу вали, приводившему коня, нужно дать не меньше ста золотых.

Старик смекнул теперь, в чем цель посещения бека, но, словно не поняв в чем дело, ответил:

— Что ж, дай. Разве конь не стоит ста золотых?

— Откуда у курда деньги? — перебил его бек сердитым тоном. — Этот презренный металл есть только у вас, армян.

Один из родственников бека вмешался в разговор.

— Бек, неужели и ты заботаешься о деньгах? Разве кум Хачо позволит, чтобы ты в них нуждался?

— Клянусь богом, это верно, — прибавил другой.

— Да, он добрейший человек, — подтвердил третий, — нет подобного ему среди армян.

Старик понял, что, хочет он или нет, деньги ему придется выплатить, и сказал:

— Я не огорчу бека из-за сотни золотых.

— Да царствует верная радость в твоём доме! — воскликнули курды.

Старик вышел из комнаты и, позвав старшего сына, приказал ему принести сто золотых из спрятанных в сеннике денег.

— Для какой надобности? — спросил сын.

— Разве не знаешь, что эти негодяи после того, как обожрут, попросят еще «дишкираси» — ответил отец печальным голосом.

— Да покарает их бог, проклятых, — выругался сын и, взяв корзину, отправился как бы за соломой в сенник.

«Дишкираси», или «плату за зубы», получали некогда курды от армян, когда делали им честь у них обедать. Хозяин дома, если не хотел подвергнуться насилию, обязан был платить этот налог. И в настоящее время этот обычай не вполне вывелся, приняв только более приличную форму.

В отсутствие старика между курдами произошел следующий разговор.

— Если он вернется без денег, я велю поджечь его дом, — сказал бек сердито.

— Не надо, зачем? — успокаивал его один из свиты. — Славный армянин, не следует огорчать старика. Дом его всегда открыт для нас — берем все, что нам нужно. Он добрый, не надо забывать хлеба и соли, которыми он встречает нас всегда.

В эту минуту вошел старик и, положив перед беком кошелек с золотом, сказал:

— Бог свидетель, что деньги эти были предназначены на поездку в Иерусалим, куда я собирался для спасения души. Но отказать тебе я не мог.

— Не лги, кум Хачо. Много их у тебя, много... это мне известно, — ответил бек, приняв кошелек, и не считая положил в карман.

Была вечерняя прохладная пора. Бек приказал приготовить лошадей, чтобы тронуться в путь, и, пока их седлали, прогуливался по двору вместе с хозяином дома. Вдруг он заметил Степаника, игравшего с козулей, и подошел к нему.

— Хороша козуля? — спросил он.

— Хороша, только жаль, что ногу ранили собаки... но это не беда, я вылечу. Бедняжка, видно ей больно, ничего не ест, — ответил мальчик, перевязывая рану.

— Степаник, видно, ты очень любишь животных, я пришлю тебе хорошенького

жеребенка.

— Я не люблю лошадей.

— Что же ты любишь?

— Люблю вот таких козуль, куропадок...

— Прекрасно, я буду высылать тебе все живое, что случится от охоты.

Слуги доложили, что лошади готовы.

Бек, поблагодарив хозяина, вышел во двор, где у дверей стоял его конь. Хачо посадил бека, поддерживая за уздечку коня, что означало высшую степень уважения хозяина к почетному гостю.

Усевшись на коня, вождь курдов повертел в руке длинную пику, и несколько раз покружившись перед домом, попрощался и уехал.

Старик остался стоять неподвижно и долго смотрел ему вслед. Он видел, как бек прищипорил коня и перескочил через канаву, пренебрегая мостиком, которым, по его мнению, пользуются лишь трусы и слабые. Он видел, как, погнавшись за бегущим меж кустов зайцем, бек стремительно настиг его и пронзил копьем.

Наконец, бек исчез в густых кустарниках.

Наблюдая все это, Хачо с грустью думал:

«Почему так несправедливо небо? У курда нет хлеба — армянин пашет, сеет и готовит для него запас... Курд получает в подарок хорошего коня, едет на нем — гарцует так, что земля дрожит, — а платит за коня армянин, которому приходится ездить только на осле».

VIII

Настал вечер. Сыновья Хачо вернулись уже с полевых работ. В углу комнаты мерцала сальная свеча, бросая вокруг тусклый свет. Старик и сыновья сидели за ужином и молча ели; по временам только глава дома прерывал тишину. Весенний свежий воздух наполнял комнату приятной прохладой, издали доносилось блеяние возвращавшихся с пастбищ овец. Невестки Хачо занимались приготовлением ужина. Они еще ничего не ели и должны были ужинать после всех. Дети же, уставшие от игр и беготни, легли спать без ужина.

Трапеза кончилась, каждый ушел по своим делам. Нужно было посмотреть за скотиной, поливать ниву, потому что очередь пользования общественной водой была в этот день за ними, надо было идти на мельницу смолоть пшеницу, словом, было еще много работы.

Хачо еще не вставал с места, а старший сын его, Айрапет, набивал чубук для отца. Оба угрюмо молчали, точно в эту ночь дух печали опустил свои черные крылья на спокойные сердца обитателей этого дома.

— Сколько муки увезли курды? — спросил наконец старик, курнув раза два из чубука.

— Ровно двенадцать возов, — угрюмо ответил сын.

— Ведь бек просил десять.

— У них мешки большие, наполняли доверху, точно заплатили наличными деньгами.

Проклятые!

— А на чьих волах увезли?

— На наших. Благодарите бога, если возвратят волов — я боюсь, чтоб они не съели их вместе с мукой.

— Этого бек не позволит.

— А разве мало было таких случаев? По правде говоря, мне не особенно жаль денег и двенадцать возов муки, меня возмущает другое, — отдав им даром хлеб, мы же сами должны еще доставить его нашими волами! Что же это за наказание божье! Я не знаю, до каких пор будут грабить нас эти курды! Приходят, уносят и уносят все без конца; всего требуют без совести, без стыда, точно бог создал нас кормильцами их.

— Неужели ты не знаешь, что это так, — ответил старик, крепко затянувшись, будто хотел табачным дымом потушить свой гнев. — Что мы можем сделать! Если не отдавать волей, они отымут силой. Все же лучше, что они грабят с просьбой, во имя дружбы.

— Мы сами научили их этому разбою, — ответил сын. — Мы можем не давать им ничего, тогда они вынуждены будут сеять и потом добывать свой хлеб; но мы учим их лени и жить за наш счет.

— Это верно, но нам очень трудно уничтожить то, — печально возразил отец, — что установлено на наше несчастье нашими дедами. Мы пожинаем горькие плоды, посеянные их глупостью. Послушай, сын мой, я знаю, что в твоём сердце кипит ненависть; я знаю, что рабство слишком возмущает тебя, но все-таки спрашиваю тебя: что мы можем предпринять? Какими средствами? Если мы перестанем исполнять их требования, то наживем себе врагов, и тогда, смотришь — возьмут да и угонят все наши стада овец. Кому жаловаться? Кто услышит нас? Те, которые призваны уничтожить зло и защищать правду, — все разбойники, начиная с вали и паши до последнего мюдир⁹ и каймакама¹⁰. Разбойники живут как братья. Они, как говорится, «собака собаке — родня». Ты сам слышал, что эрзерумский вали вместо того, чтобы заковать в цепи разбойника Фаттах-бека, подарил красивого коня этому злодею, наводнившему целый край кровью и слезами. Если вали поступает так, то к кому же нам обращаться с жалобой? Остается один бог, но он нас не слышит, вероятно, мы сильно согрешили перед ним. Айрапет слушал молча. Старик продолжал:

— На нас, армян, наложено божеское проклятие. Мы сами своими же руками разрушаем свои дома: раздоры, ненависть, вражда и другие пороки свили себе гнездо в наших сердцах, и мы несем наказание за эти грехи. Если б у нас было единодушие и мужество, что бы мог сделать с нами этот ленивый и глупый курд?

Хачо попросил разжечь ему чубук, и сын, подав огня, заговорил.

— Отец, нас шестеро братьев, достаточно было одного твоего знака, и мы сейчас же прогнали бы Фаттах-бека с его тридцатью всадниками, и они не посмели бы больше врываться к нам так нахально.

— Знаю, сын мой, но какая польза от этого? Вы подрались бы с ним, быть может, многих бы убили, а завтра налетела бы целая орда курдов и сравняла бы наш дом с землей. Кто из армян явился бы к нам на помощь? Никто! Пожалуй, нашлись бы и такие, которые обрадовались бы этому. Таков наш брат. Курды не такие. Если случайно убьют курда, то целое племя мстит за пролитую кровь, у них развито единодушие. Они как бы все члены одного семейства. А у нас разве есть такое единство? Всякий тянет свою лямку и думает только о себе, до другого ему дела нет; пусть будет что будет — ему нет времени заботиться о соседе. Какое ему дело до других, если сам он спокоен, если никто его не трогает? Глупцы! Они не понимают, что каждый существует для всех, а все для каждого.

Старик Хачо нигде не учился и книг не читал, но жизненный опыт научил его многому. Его природный ум развился в водовороте жизни, поэтому в рассуждениях старика были такие истины, которые доступны лишь людям, глубоко изучившим условия человеческой жизни.

— Обстоятельства поставили нас в такие условия, — продолжал он, — что мы иначе не можем существовать; мы вынуждены работать и нашим трудом кормить врага. Другого выхода нет. Мы должны жить в дружбе с нашими грабителями. Хотя и верно, что Фаттах-бек грабит нас, но мы не можем отказаться от его дружбы, как бы она ни была фальшива.

— Почему? — спросил сын.

— А потому, что будучи в дружбе с крупным разбойником мы избегаемся от мелких. Ведь все они связаны между собой. Вот потому-то всякая наша пропажа, будь это овца или вол, немедленно разыскивается Фаттах-беком и возвращается нам.

— Что за польза? — ответил Айрапет. — Фаттах-бек дает нам яичко, а взамен берет лошадь. Он не позволяет другому курду отнять у нас овцу, а сам в случае надобности берет

⁹ Мюдир — полицейский чиновник

¹⁰ Каймакам — начальник уезда

сотни золотых. Он смотрит на нас, как на дойную корову, и бережет для того, чтобы самому пользоваться хорошим молоком.

— Все это правда, сын мой, я все понимаю, — ответил Хачо. — Но нужно понять и то, что армянин унаследовал такой способ самосохранения от предков. Я, конечно, не читал, что пишут в книгах, но монах из монастыря Уч-Килиса рассказывал мне, что когда неприятель нападал на нашу землю, армяне, вместо того, чтобы встречать неприятеля огнем и мечом, выходили к нему с дорогими подарками и с кошельками, полными золота. Как видишь, они научили нас не казнить врага, а задабривать. Они научили нас жертвовать своим имуществом ради спасения своих голов.

— Так неужели продолжать веками ошибки наших дедов? — перебил его сын.

— Очень трудно исправить разом ошибки, которые совершались веками: нужно столько же времени для их исправления. Попробуй-ка дать понять народу, что с врагом можно обращаться иначе, что тело у него не железное и он такой же смертный, как и мы, и что если он приходит грабить нас с оружием в руках, то можно и защититься оружием, — словом, прочти ему целую проповедь на эту тему — и ты думаешь, поймет тебя кто-нибудь? Тебя сочтут сумасбродом и осмеют. Понятия, которыми народ руководствуется в жизни, унаследованы им от дедов.

Сын не знал, что ответить старику, ибо находил в словах его неопровержимые истины. Но все же он думал о способах борьбы с предубеждениями народа, а потому спросил:

— Хорошо, скажем, наши деды шли этим путем, и мы невольно следуем их примеру. Но неужели мы не должны изменить этого пути, если видам, что он ведет нас к гибели? Не время ли сказать народу, что он в заблуждении?

— Надо, но кто должен это сделать? Это дело тех людей, которые взяли на себя обязанность учить народ, открывать ему глаза и указывать новый путь. Это обязанность монахов, священников, но они проповедуют одно: «Если тебя ударят по правой щеке, подставь левую». Кроме них, то же самое должны сделать и учителя наших детей, но во всем нашем крае нет ни одного порядочного учителя...

— С этим я не согласен, отец, — ответил сын. — Почему же курд, у которого нет ни священника ни учителя, знает, как обращаться с людьми? Кто дал ему понять, что человек без оружия похож на слепую курицу, которую всякий без труда зарежет?

— У курда нет ни священника, ни монаха, ни учителя, но у него есть шейх, шейх, хотя и лицо духовное, но и он также носит оружие и с народом своим идет грабить имущество безоружных людей. Никогда он не говорит, что такой поступок — грех. А что проповедуют наши священники?..

Сын молча слушал.

— Во всех этих несчастьях, — продолжал Хачо, — есть одно утешение: сколько бы курды ни воровали нашего добра, как бы ни грабили нас, все же наши амбары полны, а у курда и хлеба нет.

— Знаешь, отец, поговорку: «Вор не может построить себе дом и за то разрушает дома другого». Курд не пашет, не сеет, не жнет и, не имея хлеба, вечно голоден, а потому старается лишить хлеба и армянина, отнимая его силой. Ты не бери в пример наш дом, а подумай, отец, сколько есть армян, обнищавших из-за грабежа курдов.

— Ты прав, сын мой, но не забывай, что этим они нас не уничтожат. Между тем сам курд, как волк, вечно будет голоден. Он вынужден всегда охотиться, а охота ведь не постоянно бывает удачна.

— А по-моему, — ответил сын, — для того, чтобы бороться с волками, нужно иметь волчьи зубы и когти.

IX

Между Эрзерумом и Баязетом, в стороне от единственного караванного пути из Трапезунда в Персию, в ущелье расположены были палатки одного курдского племени. По

числу палаток, покрывших большую часть зеленой поляны, можно было заключить, что курдов очень много. Большие табуны лошадей, стада овец и крупного скота паслись на ближайших горах; все это говорило о благосостоянии и богатстве этого племени.

Было уже совсем темно, когда Фаттах-бек со своей свитой приехал от старика Хачо в лагерь, главой которого он был. У некоторых палаток горели еще костры, на них варился ужин или кипятилось молоко; в ночной темноте костры распространяли приятный свет. Когда всадники приблизились к лагерю, сторожевые псы подняли страшный лай, заглушивший таинственную переключку пастухов, дававших знать о приближении всадников; тогда из отряда бека ответили условными возгласами, и пастухи узнали своих. Бек направил коня к той палатке, где помещался его гость — посланец вали. Это был чиновник, старый опытный турок, прошедший через огонь и воду. Одно время он занимал должность мюдир, но был смещен за чрезмерное взяточничество.

— Долго ты заставил меня ждать, бек, — сказал он, поднявшись с места, когда бек вошел в палатку. — Я хотел распрощаться с тобой сегодня.

— Клянусь головой шейха, ты слишком нетерпелив, — ответил бек с улыбкой; — я удивляюсь, как ты мог терпеть девять месяцев в утробе матери? Мы почти еще не видались, чего же так торопишься? Разве надоела тебе моя кочевка?

— Вовсе нет! Мне очень приятно пользоваться твоим гостеприимством; если когда-либо быть мне в раю (на что я не очень надеюсь), то я желал бы, чтобы этим раем была твоя кочевка. Однако, несмотря на это, я просил бы тебя отпустить меня завтра утром.

— Хорошо, хорошо; знаю я привычку турок: вы любите жить в вонючем городе, валяться с утра до вечера на мягких подушках, пить кофе и курить кальян. Ну что хорошего для вас в горах? По правде говоря, я сам виноват в том, что не сумел занять тебя, как следовало. Что же делать? Охоты ты не любишь. Кататься верхом — тоже, а у нас в горах других развлечений нет.

Мюдир был сладкоречив, как истинный турецкий чиновник.

— Свет, исходящий от твоего лица, выше всякого удовольствия, я счастлив, что удостоился чести видеть тебя. Но подумай, бек, что твой слуга — человек подневольный и не может располагать своим временем. Вали назначил мне десять дней на поездку. Просрочить я не могу.

— Я напишу ему, что задержал тебя; ты ведь знаешь, как он уважает мое слово.

— Это мне известно: вали очень любит тебя и твое слово ценит, как жемчуг. Он говорит всем, что у султана нет слуги храбрее Фаттах-бека и что ты представлен к ордену Меджидиэ первой степени.

Бек презрительно улыбнулся и ответил:

— Для меня ордена не имеют никакого значения; это украшение для женщин.

— Что же ты любишь?

— Я люблю меджидиэ золотом¹¹.

— Будет и это, бек. Вали особенно внимателен к тебе. Он назначил тебе жалованье, которое ты получишь от казны как начальник этого участка и блюститель порядка этого края. Он же принял твою просьбу об упразднении здесь должностей мюдир и каймакама, и передал их тебе. Словом, чего бы ты ни просил, он ни разу еще не оставлял твоей просьбы без внимания.

— Я всегда благодарен вали, — ответил бек.

Во время этой беседы слуги бека, расположившись вокруг палатки, болтали. Каждый рассказывал о своих подвигах: кто сколько убил людей, в каких разбоях участвовал, сколько похитил женщин и т. д.

— Осман угнал за свою жизнь столько овец, сколько у него волос на голове, — говорил Омар.

¹¹ Слово «меджидиэ» имеет двойной смысл: золотой монеты.

— А ты, Омар, тоже хорош, — отвечал Осман: — сколько я угнал овец, столько же ты похитил армянок.

— Шабан не любит армянок, — вмешался другой, — говорит, они плаксивые.

— Это правда, — подтвердил Шабан, — у этих баб сердце хрупкое, как стекло. Но у наших женщин, клянусь богом, каменные сердца; брось их хоть в волчьи когти — не заплачут. Терпеть не могу, когда женщина плачет.

— А хуже всего то, — перебил их пожилой курд — что эти неверные никогда не изменяют своей проклятой вере. Вы же знаете, что у меня целых три, и хотя я бью их очень редко, все же вижу, как они молятся тайком. Но есть у них одно достоинство: все они хорошие хозяйки и работницы, работают как волы и не спят так много, как наши женщины.

— А какие милые невестки у этого старого Хачо! — с особенным восторгом заговорил молодой курд, — не будь старик другом нашего бека, непременно похитил бы одну из них.

Разговор слуг был прерван лаем собак, вслед за которым послышались голоса пастухов. Некоторые из слуг схватились за оружие и побежали туда, откуда доносились голоса. В темноте послышались вопли: «Ради бога, ведите нас к беку, мы имеем к нему просьбу...» Несчастные с трудом были спасены от собак подоспевшими сторожами (опасно проходить мимо кочевки курдов в ночное время: нередко достается прохожим от острой пики огорожа).

Пришедших было несколько человек. Их повели к палатке, где сидел бек с гостем. При свете фонарей, висевших перед палаткой, стало видно, что это купцы и перевозчики грузов. У одного была разбита голова, у другого — рука, третий был ранен в бок, раны были перевязаны кое-как, из них сочилась кровь. Услышав шум, бек позвал одного из слуг и спросил:

— Что случилось?

— Явилось к тебе несколько купцов с просьбой, говорят, что ограбили их караван.

Веселое лицо бека приняло выражение недовольства, но он велел позвать просителей.

— Странно, — обратился он к мюдиру, — никогда ничего подобного не случилось на моей земле; каким образом ограбили их?

Бек имел привычку называть ту местность, на которой кочевало его племя, своей землей, хотя ни одна пядь земли курдам не принадлежала, и сами они, как бродячие цыгане, кочевали с места на место.

— Разбой везде случается, — ответил мюдир спокойным тоном, — нет страны, где не было бы разбойников; даже на небе и то появились дьяволы. У нас в Эрзеруме не проходит дня, чтобы не поступило несколько жалоб к вали.

Воодушевленный словами мюдира, бек сказал:

— Уверяю тебя, мюдир, клянусь головой шейха, что я храню вверенный мне край так, что без моего ведома и птица не пролетит по моей земле. Удивляюсь, какой сатана мог ограбить этих несчастных.

В палатку вошли раненые купцы. Один из них, раненный легко, прошел к беку.

— Пришли целовать следы твоих ног, милостивый бек, мы признаем бога на небе и тебя на земле. Во имя пророка помоги нам. Мы бедные купцы, у нас отняли все, многих товарищей убили, остальных, видишь, сами недолго проживут и они. Ничего у нас не осталось, все [потеряли].

Раненые не могли стоять на ногах, одни сели, а другие еле держались.

— Где вас ограбили? — спросил бек.

— Недалеко от этих гор. Напали на нас и, угнав караван в глухое ущелье, связали и бросили нас в глубокий овраг. А сами раскрыли тюки и взяли все, что было ценного.

— В котором часу это случилось?

— В полдень. До вечера мы оставались связанными, наконец, бог сжалился над нами: одному из наших удалось освободиться от веревок, и мы были спасены, а не то умерли бы с голоду и сделались добычей зверей.

— Откуда вы, и куда шел караван?

— Слуги твои из Персии. Мы приняли груз из Трапезунда, куда прибыл наш товар из

Константинополя. От Эрзерума прошли благополучно и направились через Баязет в Персию, но вот тут настигло нас несчастье. Караван наш был нагружен дорогим товаром, но все хорошее унесли, а остальное сожгли.

— Клянусь головой шейха, первый раз слышу о таком безобразии, — обратился бек к мюдиру, который с любопытством слушал рассказ купца.

— Вы не могли узнать разбойников? — спросил мюдир, вмешиваясь в допрос.

— Как можно было узнать, если все они были в масках, виднелись одни глаза. Когда поймали нас, сейчас же завязали нам глаза, потом уже начали вскрывать тюки, мы успели только заметить, что это были курды.

— Много их было? — спросил мюдир.

— Около пятидесяти.

— Куда они направились?

— Мы не видели. Я же сказал, что глаза у нас были завязаны, и мы связанные лежали в овраге.

— Довольно! — закричал бек сердито, прервав допрос мюдира. — Я понял. — Затем он обратился к купцам:

— Теперь идите и успокойтесь. Если разбойники окажутся из наших курдов, я постараюсь разыскать их, и ни соринки вашей не пропадет. Если даже они из другого края, то и тогда я могу их указать вам. Будьте покойны; я не позволю, чтобы на моей земле совершались подобные беспорядки.

Купцы поклонились и пожелали беку многие лета.

— Крпо, — позвал бек одного из слуг, — уведи этих людей в свою палатку и прими их, как приказал бог принимать гостей. Позови сейчас же знахаря, чтобы перевязал им раны. Поручаю их тебе, и если будет какая-нибудь жалоба, ответишь головой.

Купцы снова поблагодарили и, поклонившись, вышли.

— Видишь, уважаемый мюдир, какие бывают случаи! Иди теперь разыщи, какой сатана ограбил их! Я уверен, что это не из наших курдов. Я жестоко наказываю разбойников, а потому из страха никто не осмеливается на такие дела. Но очень часто приходят разбойничать в нашу сторону из Персии и из других мест. Кто может узнать перса, если он одет курдом? Это часто бывает и причиняет нам немало хлопот; однако я постараюсь изловить их, авось, удастся.

— Ахме, — обратился он к своему двоюродному брату, все время молча сидевшему в палатке. — Возьми с собой двадцать всадников из наших храбрецов и прежде всего отправляйся на место ограбления каравана. Разыщи там следы лошадей, расспроси соседних пастухов, — словом, сделай все, что нужно. Ты ведь не нуждаешься в советах, опытен в таких делах. Я не потерплю, чтобы на моей земле был грабеж. Это позорит мое имя.

Ахме сейчас же отправился в путь для исполнения приказания бека.

— У Ахме собачье чутье. Если разбойники не ушли далеко, то он их накроет, — сказал бек.

— Это видно... — заметил мюдир многозначительно.

Была уже поздняя пора. По приказу бека, подали ужин; наелись, напились, и бек, пожелав своему гостю спокойной ночи, отправился в свою палатку. Он не забыл сделать нужные распоряжения к отъезду мюдира.

Последний долго не мог уснуть и о чем-то думал.

Х

Палатка бека состояла из двух отделений. В одном помещались женщины, а другое служило приемной бека.

Устройство палатки было просто и мало отличалось от бедных палаток курдов пастухов; она была сшита из черной материи, сотканной курдианками. Войдя в приемную, бек приказал слуге, сопровождавшему его, опустить занавеси и уйти. Он сел и стал кого-то

ждать; фонарь, висевший на потолке, коптел и тусклым светом освещал палатку. На женской половине было тихо: видно, там все спали.

Вошел Крпо, тот самый курд, которому были поручены ограбленные купцы.

— Успокоились твои гости? — спросил бек, пристально глядя ему в лицо.

— Благодаря милости господина моего... — ответил лукавый курд. — Они поужинали, выпили и, благословив твое имя, легли спать. Авось, приснится им, что товары их найдены...

— «Мертвец не вернется из ада»... — сказал бек насмешливо. — Где спрятали награбленное?

— В нашей деревне, у хромого Ало.

— Хорошие вещи?

— Никогда бог не посылал нам такого добра, бек: золото, серебро, шелковые изделия — словом, найдешь все, что захочешь.

— Никто вас не видел, когда входили в деревню?

— Некому было и видеть — все крестьяне отправились со своими стадами на пастбище, осталось только несколько семейств армян, но и они, как слепые куры, как только смеркается, ложатся спать, боясь выйти из своих лачужек.

— Куда спрятали товары?

— Я сказал уже, в доме Ало. У этого старого волка в доме тысяча закоулков, в одном из них и спрятали добро... сам черт не найдет. Вот я и ключи захватил с собой, — сказал он, вручив беку пару ключей.

— Ну, это хорошо, — заметил бек, — Ало — верный человек, не первый раз он нам помогает.

Потом Крпо начал рассказывать, как они напали на караван, ограбили его и какую проявили отвагу.

— Дай бог тебе здоровья, Крпо, — ответил бек, — я всегда ценил твою смелость. Как только выпроводим этого негодяя (речь шла о мюдире), я разделю награбленное, — и каждый из вас получит заслуженную долю. Крпо поклонился и ничего не ответил.

— Но меня мучит одна мысль, — продолжал бек медленно. — Мне очень неприятно, что это дело случилось во время пребывания здесь этого человека.

— Ты о мюдире говоришь?

— Да, о нем.

— Не велика беда, — сказал Крпо улыбаясь. — Мы проводим мюдира-эфенди с подарками и почестями, чтобы он остался доволен нами. А вслед за ним пошлем двух всадников, которые, не доезжая до Эрзерума, отрежут ему голову и вернутся с нашими подарками. Тогда, конечно, мюдир-эфенди не сможет пойти к вали и рассказать ему то, что здесь видел... Хорошо ли я придумал?

Бек не сразу ответил; он задумался.

— Убийство совершится, конечно, за нашей границей, близ Эрзерума, — прибавил Крпо, — и никто не осмелится подозревать в этом деле нас.

— Не нужно, — ответил бек после минутного раздумья. — Если донесут вали о том, что у нас случилась, я сумею успокоить его другим средством.

В эту минуту Крпо, как бы вспомнив о чем-то, засунул руку за широкую пазуху и вытащил платок, в который была тщательно завернута серебряная шкатулка, украшенная красивыми камнями; он передал шкатулку беку, сказав:

— Этого я не мог оставить у Ало — вещь маленькая, могла затеряться.

Бек открыл шкатулку, в которой в симметричном порядке были разложены разные женские украшения; кольца, браслеты, ожерелья и прочие золотые вещи с драгоценными камнями.

— Это принадлежало одному еврею. Он говорил, что вещи были заказаны в Константинополе персидским принцем, который женится этой зимой, — сказал Крпо насмешливо. — Бедняжка невеста! Она лишилась своих украшений. Еврей кричал, пищал, умоляя возвратить ему коробку, но я успокоил его, и он замолк навсегда.

Успокаивать на языке Крпо значило убивать.

— Теперь можешь идти, Крпо, — приказал бек, — поухаживай хорошенько за гостями. Утром подумаем, как нам быть.

Читатель, вероятно, догадался, что Крпо был предводителем разбойничьей шайки, которая и ограбила ночью купцов из каравана. Шайка эта подчинялась Фаттах-беку, за помощью к которому обратились ограбленные купцы.

По уходе Крпо бек долго рассматривал вещи, лежавшие перед ним. Он и сам не понимал, почему эти блестящие камни так заняли его.

«Я пошлю эти драгоценности эрзерумскому вали, лучшего подарка я найти не смогу», — думал он.

Вдруг мысли его изменились, точно в этот момент предстал перед ним образ существа, которое для него было дороже всех на свете. «Нет, нет! Это прекрасное ожерелье должно украсить ее белую шею; эти сверкающие браслеты достойны только ее ручек, а для этих колец созданы ее пальчики», — шептал он с глубоким чувством.

Волшебная сила любви смягчила дикаря; он словно стал благороднее, человечнее.

«Эти украшения нужно оставить для нее, только для нее!» — Увлечшись, он не заметил, что последние слова произнес вслух, и не увидел, как поднялся занавес женской половины шатра, и кто-то, приблизившись к нему, стал как статуя, вслушиваясь в его восторженные слова... Это была его жена — Хуршид, славившаяся своей красотой в целом племени.

Смертельно побледнев от услышанного, она стала позади мужа, словно злой демон, готовый вырвать его душу, как вдруг бек оглянулся и, увидя ее, вздрогнул.

Несколько минут супруги глядели друг на друга молча, как два соперника, решающие, куда нанести удар.

Перед беком стояла шкатулка с украшениями. Жена бросила мимолетный взгляд на шкатулку и села на подушку. Эти вещи, способные свести с ума всякую женщину, в особенности курдианку, которая может, как ребенок, радоваться всяким побрякушкам, в глазах Хуршид были простыми стекляшками, которые, однако, подобно острому ланцету, врезывались в ее сердце.

Бек, заметив ее волнение, сказал:

— Что ты глядишь так сердито? Я уделю тебе часть вещей.

— Мне нужен только саван, ни в чем больше я не нуждаюсь, — ответила жена дрожащим голосом.

Тусклый свет фонаря падал прямо на ее бледное лицо.

— Что случилось, Хуршид? — спросил бек ласковым голосом. — Не приснилось ли тебе что-либо страшное?

— Не сны мне снятся, я вижу наяву, что совершается у меня на глазах...

Бек не сомневался, что не его преступные деяния — разбой и жестокие кровопролития — могли возмутить его супругу. Он знал, что Хуршид, как и всякая курдианка, не дала бы ему покоя, если бы он перестал разбойничать. Следовательно, было что-то другое, возбудившее гнев жены.

Хуршид была единственной женой бека, хотя, по магометанскому закону, ему не запрещалось иметь их несколько. Но, кроме принятого у курдов обычая единоженства, существовала и другая причина, по которой бек не мог иметь второй жены.

Хуршид была дочерью шейха, человека весьма сильного. Его духовная власть распространялась на все племена курдов; одно его слово могло лишить влиятельнейшего вождя занимаемой должности. Бек обязан был своим положением шейху, как единственный зять его. Взять другую жену, имея женой дочь шейха, было бы оскорблением для благородного рода Хуршид. Вот что занимало мысли бека, когда он увидел печальный и гневный облик жены.

Рассуждая практически, он считал невозможным изменить свои отношения к жене, так как она была дочерью шейха. Но когда глаза его опять остановились на блестящих женских

украшениях, то в воображении снова явился тот нежный девичий образ, которому минутой раньше он предназначал эти вещи.

Он понял причину гнева жены, и всем его существом овладела ярость влюбленного зверя.

— Хуршид, — сказал он звучным голосом, — чего ты хочешь от меня?

— Я уйду от тебя, — ответила она спокойным тоном. — С этого дня я тебе больше не жена. Завтра я должна ехать к отцу.

— Что за причина?

— Я не допущу, чтобы какая-нибудь поганка делила права жены с дочерью шейха!

— Она будет служанкой.

— У меня их и так много.

— Я люблю ее.

— Люби, сколько хочешь, но дорого обойдется тебе эта любовь...

— Что же ты сделаешь?

— Это мое дело...

— Ты угрожаешь мне, негодная?.. Я сейчас же растопчу тебя и уничтожу, как черепок.

— Ни шагу дальше! Видишь?.. — закричала она, направив на него пистолет и встав в угрожающей позе.

Бек испугался. Он не ожидал такой решительности. Рассудок взял верх над гневом и удержал его от злого намерения, хотя он уже схватился за рукоятку кинжала, висевшего у пояса.

С женской половины послышался плач проснувшегося ребенка. Это был голос мира, который укротил гнев супругов. Материнское чувство победило чувство женской ревности, и Хуршид поспешила к плакавшему ребенку, сказав:

— Я отомщу тебе...

XI

Жена старшины Хачо, родив последнего ребенка — Степаника, умерла. Хачо не женился во второй раз, несмотря на то, что крестьяне его лет очень редко остаются вдовцами. После смерти жены Хачо хозяйкой дома сделалась старшая невестка Сара, известная в семье как умная и деловитая женщина. Нередко сам старик обращался к ней за советами, а другие члены семьи почти всегда подчинялись ее авторитету.

Однажды утром, когда все в доме были заняты своим делом, одна из работниц, ходившая за водой, вернулась с кувшином на плече и, подойдя к Саре, шепнула ей на ухо: «Какая-то молодая курдианка зовет тебя».

— Позови ее сюда. Разве не видишь, что я занята?

— Звала — не идет; говорит, что имеет к тебе очень важное дело.

Сара вышла. У калитки стояла девушка высокого роста, сухоощавая, со смуглым, приятным лицом.

— Уйдем подальше, к тем деревьям, там никто нас не увидит, — сказала она, указав рукой вдаль.

При взгляде на горевшие глаза незнакомки в сердце Сары закралось невольное сомнение. Зачем звала ее эта дикарка вдаль, где никого не было? Какое дело могла она иметь к ней?

— Заходи к нам, — сказала Сара, взяв ее за руку. — Пойдем ко мне, если хочешь, чтобы нас никто не услышал; у нас найдется укромный уголок.

Незнакомка молча согласилась, и они пошли в другой конец двора, обсаженный тутовыми деревьями.

— Присядем здесь в тени, — сказала Сара. Они уселись рядом на густой траве.

— Теперь расскажи мне, милая моя, — продолжала Сара дружеским тоном, взяв ее за руку, — что ты хотела мне сказать?

— Джаво послана к тебе госпожой Хуршид; ты ведь знаешь ее. Джаво¹² каждый день благодарит бога за то, что он послал ей такую хозяйку, которая не бьет Джаво, любит ее и все старое, поношенное отдает ей; но кто скажет, что это старое? Видишь на мне это платье? Разве оно похоже на поношенное? Хозяйка меняет платье каждый день и раз надетое в другой раз не надевает.

И в самом деле, курдианка была одета довольно чисто, даже богато. Но из всего ее бессвязного рассказа Сара ничего не могла понять, кроме того, что ее зовут Джаво и что она прислуга Хуршид — жены знакомого их дому Фаттах-бека. Хуршид Сара знала давно, и ее очень интересовал вопрос: зачем послала та к ней эту глупенькую девушку? Однако, несмотря на свое крайнее любопытство, Сара, будучи знакома с характером диких курдианок, ждала, чтобы та по-своему передала ей то, что хотела сказать.

— Тебя зовут Джаво, да? Какое славное имя!

— Мама называла меня Джаваир, но хозяйка сократила мое имя, находя его очень длинным.

— Я тоже буду называть тебя так, как она. Джаво, деточка, что же сказала тебе госпожа, когда посылала ко мне?

Но Джаво уклонялась от прямого ответа; видно, мысли путались в ее голове, и она не знала, в каком порядке передать их; наконец она ответила:

— Госпожа Хуршид прошлой ночью поссорилась с беком. Ты не думай, что Джаво — ребенок, она хитра, как сатана. Когда хозяин поссорился с хозяйкой, она подслушивала их за занавеской. Ах, как злилась госпожа! Она рвала на себе волосы, платье, жаль было его — не досталось оно Джаво...

Заметив, что легкомысленная девушка очень любит одеваться, Сара проговорила:

— Джаво ведь умеет шить, сошьет и наденет.

— Как не уметь шить. Видишь эти пальцы, много раз колола их Джаво, когда мама учила ее шить.

— Вижу, что ты способная девушка. Расскажи теперь мне, из-за чего ссорятся твои хозяева?

— Хозяин мой говорил, что приведет новую жену, а хозяйка отвечала на это: «Нет не приведешь, а если это случится, то я повешусь». Разве это не грех? Зачем ему другая жена? Где он найдет лучшую?

Сара постепенно разгадывала темную загадку...

— Да, нет подобной Хуршид! — ответила она. — Но скажи мне, Джаво, какую жену он хочет привести?

— Хозяйка умрет, если это случится, и Джаво недолго проживет после этого, — сказала служанка, и глаза ее наполнились слезами.

— Скажи же, кого он выбрал в жены? — повторила Сара, потеряв терпение.

— Спроси прежде, зачем хозяйка послала сюда Джаво, тогда Джаво скажет, кого бек хочет привести.

— Хорошо. Зачем послала она тебя?

— После ночной ссоры, утром, хозяйка позвала Джаво и говорит: Джаво, ты пойдешь к нашему куму Хачо, поклонись Саре, опросишь, как она поживает и скажешь... Ах, я и забыла спросить о твоём здоровье!

— Не беда! Что же она сказала?

— Она сказала: позовешь Сару в уединенное место и скажешь... потому я и звала тебя под дальние деревья.

— И здесь не дурно: никто нас не услышит — что же дальше?

— Хозяйка сказала, чтобы вы поспешили увести Степаника в другую страну. Если у вас нет людей, то она обещалась дать своих, и они проводят его туда, куда захотите. Все это

¹² Курды часто говорят о себе в третьем лице.

госпожа сказала Джаво, когда чуть-чуть занималась заря. «Клянись!» — сказала она, и я поклялась никому не говорить об этом. Хозяйка пригрозила смертью Джаво, если она выдаст другому эту тайну. Джаво страшно боится: она может это сделать. Джаво сама видела, как госпожа убила одного слугу, а за что — этого Джаво не скажет...

Но несчастная Сара уже не слушала ее...

При имени Степаника она ужаснулась и едва не потеряла создания.

Наивная девушка, хотя и не поняла причины глубокой печали женщины, все же начала утешать ее.

— Пусть не горюет Сара! Пока жива хозяйка Джаво, она не позволит, чтобы из вашего дома увели девушку.

— Какую девушку? — спросила Сара, немного опомнившись. — У нас взрослой девушки нет.

— Беку известно, что Степаник не мальчик.

Во время этого разговора Степаник кормил свою козулю.

Солнце освещало его красивое лицо, и издали обрисовывалась его изящная фигура. Сара, указав на него, сказала:

— Вот Степаник! Всмотрись хорошенько, разве похож он на девушку? Кто это солгал твоему господину?

— Ему сказала одна из ваших работниц — жена пастуха Хило. Хозяйка говорила, что убьет ее за это.

— Жена Хило солгала. Мы ее поймали в воровстве и выгнали, вот она и отомстила.

Сара заметила, что Джаво, хотя и казалась наивной, была не так глупа, как можно было о ней думать. Увидев ее искреннюю преданность своей госпоже, свойственную полудиким слугам, Сара поручила ей передать кое-что Хуршид по секрету, предварительно поблагодарив ее и выразив ей душевный привет. Затем она попросила Джаво сообщить Хуршид, что слух о Степанике неверен, но все же, если она желает удаления его, то это будет исполнено. Наконец Сара изъявила желание лично повидаться с Хуршид, чтобы посоветоваться об этом деле, и чтобы Хуршид сама назначила место свидания. Окончив свои поручения, Сара спросила:

— Умница моя Джаво, ты можешь передать в точности то, что я тебе сказала?

— У Джаво хорошая память, Джаво не забудет ничего, — ответила она, повторив все, что говорила ей Сара, хотя не в должном порядке и несколько путаясь. Сара, указав на ошибки, заставила ее повторить несколько раз заданный урок.

— Теперь Джаво скажет так, как передала ей Сара, — проговорила курдианка. — Дорогой она еще повторит эти слова, чтобы лучше запомнить.

— Тебя могут подслушать, — заметила Сара.

— Джаво не так глупа: она будет повторять в уме.

Девушка взглянула на небо и, увидев, что солнце уже довольно опустилось, встала, сказав, что оставаться дальше не может, потому что путь к стану бека далекий.

— Подожди, Джаво, я принесу тебе подарок; ты славная девушка. — Сказав это, Сара ушла в комнату.

В это время Степаник, занятый во дворе своей козулей, увидев Джаво одну, подошел к ней.

— Ты уходишь? — спросил он ее.

— Видишь, где солнце? Скоро стемнеет, — ответила она, указав на небо.

— Ты пришла к нам в гости и уходишь, ничего не поев, — сказал Степаник.

— Эх, Джаво и забыла про свой голод. Она сегодня ничего не ела.

— Я принесу тебе чего-нибудь поесть.

Курдианка, тронутая добротой юноши, обняла и поцеловала его. Степаник побежал к себе в дом и принес хлеб, намазанный маслом и медом.

— Садись и ешь.

— Джаво будет есть дорогой.

Наконец пришла Сара, держа в руке красный шелковый платок, — самое лучшее украшение для курдианки. Увидев его, Джаво подпрыгнула, как ребенок, выхватила из рук Сары дорогой платок, обмотала им свою красивую головку и, как бы смотрясь в зеркало, обратилась к Степанику и Саре:

— Мила ли теперь Джаво?

— Очень мила, — ответили в один голос Степаник и Сара.

— Ну поцелуйте ее.

Сара обняла и поцеловала девушку.

— Иди и ты, Степаник. Он исполнил ее просьбу.

— Теперь и Джаво вас поцелует. Искренно расцеловав обоих, простодушная курдианка отправилась в свой стан.

XII

Только после ухода Джаво Сара по-настоящему осознала весь ужас того известия, которое сообщила ей курдианка.

Степаник стоял тут же, не подозревая, какая участь его ожидала. Он положил руку на плечо Сары и спросил:

— Почему все курдианки такие глупые?

— Они не глупые, дитя мое, — ответила Сара с материнской нежностью. — Их плохо воспитывают, и они растут, как дикие животные в горах.

— Как моя козуля, — прибавил Степаник. — Вот уже несколько дней я ее кормлю, обнимаю, ласкаю, а она не любит меня, стоит мне только подойти к ней, она сейчас же убегает.

Когда Степаник говорил это, Сара смотрела на юношу, и глаза ее наполнялись слезами. До сегодняшнего дня она ни разу не смотрела на его детски нежное лицо таким испытующим взглядом, никогда не замечала красоты его нежного, изящного сложения. Она отвернулась и отерла слезы, чтобы Степаник не заметил их.

А он, заинтересованный курдианкой, сказал:

— Она была голодная, с утра ничего не ела. Я принес ей хлеба с маслом и медом, но она не захотела есть здесь, а взяла с собой в дорогу, видно, очень торопилась. Так ведь, Сара?

— Да, торопилась. Идти ей далеко.

— До какого места?

— До тех синих гор.

— Ведь скоро стемнеет. Как же она пройдет одна по этим горам?.. Сара, неужели ей не страшно?

— Конечно, не страшно, они привыкли. Разве волчонок боится чего-нибудь?

Кто-то позвал Сару, и разговор был прерван.

Несчастная Сара целый день провела в мучительном раздумье. Она, точно пьяная или безумная, не знала, что делала; вместо нужного предмета брала другой, шла не туда, куда следовало, путалась, ошибалась и часто вздыхала.

В лихорадочном волнении она думала о Степанике, о своем любимце, который, рано лишившись матери, вырос на ее руках. Теперь ему угрожала опасность. Кому могла она рассказать слышанное от курдианки? Она знала, что это известие могло убить старика-отца. Он не пережил бы этого удара, так как давно уже носил в сердце неизлечимую рану... Между тем и скрывать этого было нельзя, да и опасно. Нужно принять какие-то меры и предупредить ожидаемое несчастье. Но кому открыться?

Весь день мучилась она и все же ни на что не решилась. Вечером, когда Сара осталась наедине со своим мужем Айрапетом, тот спросил:

— Сара, ты сегодня какая-то странная; уж не больна ли ты?

— Голова немного болит, но это пустяки, — ответила она, не желая огорчать мужа

сразу.

— Натри лоб уксуом, поможет.

— Я уже все пробовала.

Решившись сообщить мужу сегодняшнее известие, Сара старалась понемногу его подготовить, но не знала, с чего начать, пока он сам не пришел ей на помощь.

— Сегодня приходила к нам какая-то курдианка... Кто она такая? — спросил он.

— Это прислуга Хуршид, жены Фаттах-бека.

— Всегда, когда эта тварь или его люди переступают порог нашего дома, я чую что-то недоброе. Когда, наконец, эти негодяи перестанут ходить к нам?

— Но все, что мы терпели от них до сих пор, нужно считать милостью бога... — ответила жена загадочным тоном.

Айрапет побледнел. Заметив это, Сара продолжала:

— Какое бы несчастье и горе не послал нам господь, мы должны нести его терпеливо...

Несчастные люди! Во всяком горе находят утешение в боге, приписав все богу, одному только ему всякое страдание, — все то, что переносят в жизни; точно бог создал несчастья.

— Что такое? — спросил Айрапет с тревогой. — Что случилось?

Сара передала ему все слышанное от курдианки. Во время рассказа лицо Айрапета все время менялось: на нем появлялись то ужас, то презрение, то свирепый гнев, переходивший в печаль и сожаление...

— Я давно ожидал этого... — произнес он после минутной растерянности. — Бедный отец, он не вынесет такого горя...

— И я целый день думала о нем, — оказала Сара. — Он умрет, непременно умрет. Оба задумались.

— Отец не должен знать об этом, — заговорил наконец Айрапет.

— Но от братьев нельзя скрыть, — оказала Сара.

— Я им скажу.

— В таком случае нечего терять времени. Сегодня же объяви им — каждая минута дорога для нас. Что бы ни решили предпринять, делайте скорее. Как знать, что может случиться завтра.

Некоторые из братьев были дома, другие еще не возвращались с поля. Айрапет встал, приказав жене ничего не говорить невесткам, пока он посоветуется с братьями. Он позвал тех, которые были дома, и дорогой объявил, что должен сказать им нечто важное, и нужно, чтобы собрались все братья. Местом для разговора он выбрал глухую рощу недалеко от мельницы, опасаясь, что дома им могут помешать или их случайно накроет отец.

Когда все братья собрались, Айрапет объявил им услышанное от жены. Впечатление было ужасным. Все точно приросли к своим местам. Никто не мог промолвить ни слова. Так летним вечером стая сытых веселых воробьев, собравшись после дневной суеты на ветках деревьев, пищит, щебечет, наполняя воздух жизнерадостным криком — вдруг пролетает ястреб и... вся стая моментально замирает. Такое же действие произвели на братьев имя Фаттах-бека и весть о его злом умысле.

— Вот вам дружба курда, — заговорил один из них. — Бек считается приемным отцом наших детей и все-таки забывает наш хлеб-соль.

— Какая может быть дружба между волком и овцой, между лисой и курицей, — оказал Айрапет возмущенно. — Но мы хуже баранов и кур. У барана есть хоть рога, и он иногда ими дерется, у курицы острые когти, и она царапается ими... А у нас ничего нет для самозащиты. Мы — ничтожество. — Он произнес это с такой злобой, что братьям стало жутко.

— Что мы такое? — продолжал Айрапет. — Сильные и дельные работники, этим мы гордимся. Но и осел, лошадь, бык и буйвол сильнее нас и работают больше нас. Мы, как и они, рабочий окот, ничего больше... Копье курда совершает больше дел, чем наш трудолюбивый плуг; мы зарабатываем — они жрут; мы воспитываем красивых девушек — они берут их себе... Что красиво, что хорошо, — не для нас, мы его не заслуживаем. Нам

остается все безобразное, плохое...

Несколько дней назад я говорил об этом с отцом, и он старался убедить меня в том, что положение наше не так плохо, ссылаясь на наше богатство. Но для уничтожения его достаточно одного набега шайки курдов. Поди теперь скажи ему, что хотят вырвать из твоих объятий, увести любимое дитя, а ты не смеешь протестовать... И это называется хорошим положением. Это может терпеть только армянин! Попробуй вытащить из берлоги тигра его детеныша — он растерзает тебя на кусочки. Так же поступает и курд. А мы что такое?.. Ничтожество!..

Слова Айрапета так сильно разожгли сердца некоторых братьев, что они в порыве гнева решили сопротивляться до смерти, чтобы не отдать Степаника в руки курдов.

— Это ни к чему не приведет, — ответил рассудительный и опытный Айрапет, — мы умрем, а Степаника все-таки увезут.

— Уж лучше умереть и спокойно лежать в могиле, чем видеть бесчестие нашей сестры! — воскликнул Апо.

— Умереть из-за одной девушки, оставляя детей наших сиротами! Какие вы умники! — заговорил один из братьев, по имени Оган. — Я умываю руки в этом деле. Есть у нас сестра — пусть не будет ее, невелико горе. Из-за чего, спрашивается, мы должны жертвовать головами?

Ако, будучи человеком расчетливым, поддержал Огана.

— Я не вижу в этом большой беды. Совсем неплохо иметь зятем Фаттах-бека. Нас станут больше уважать и бояться. Вот наш сосед Мко — жалкий был человек, дома корки хлебной не нашлось бы, а как породнился с курдом — все стали бояться его. Попробуй перечить ему — сейчас же зятя на тебя натравит, а что тому стоит человека ночью в постели зарезать. Чем плохо иметь такого зятя?

Эти слова возмутили Апо.

— Иисус Христос, ты с ума сошел, Ако, подумай, что ты говоришь! Мы должны отказаться от нашей святой веры, отдать нашу сестру на поругание неверным курдам только для того, чтобы все уважали нас? Не нужно нам такое уважение! Может люди и станут выказывать нам уважение, но в душе они проклянут нас. Кто любит Мко? Другое дело, что бояться — но ведь и волков тоже бояться...

Другой из братьев, все время молчавший, стал возражать Апо, указывая на неизменные законы жизни, установленные богом.

— Чему быть, того не миновать, — сказал он. — Бог создал курда — курдом, армянина — армянином. Курду он дал в руки оружие, армянину — лопату; одно не может заменить другого; все зависит от бога. «Ворона очень желала бы иметь перья павлина, но кто ей даст их?». Бог сотворил одних так, других иначе.

— Ты забываешь, брат, — ответил ему Апо, — что ворона и павлин — разные птицы, а курд и армянин — оба люди. Курд не родится на свет с оружием. И причем тут бог? Разве он дал в руки курда оружие, чтобы тот убивал нас и уводил наших девушек? Разве он создал нас такими несчастными и трусами? Бог не вмешивается в эти дела. Он дал нам разум, чтобы мы выбирали то, что хорошо, что полезно. Если ты сейчас бросишься в реку, бог не спасет, ты сам, по своей воле, погубишь себя...

Айрапет в глубоком молчании слушал этот спор. Он готов был расцеловать Апо, но не делал этого, не желая обидеть других.

— Вот видите, — сказал он тихо. — Нас здесь шесть братьев, и мы не понимаем друг друга, — не можем найти общего языка. Как же привести к согласию весь народ! А до тех пор, пока у нас нет единодушия, участь наша будет такова. Нас будут бить, плевать нам в лицо, будут уводить наших жен и дочерей, грабить наше имущество, а мы вынуждены будем терпеть всякие бесчестия, мучения и, как волы, работать для счастья и благополучия нашего врага. И мы должны еще благодарить бога за то, что он щадит нашу жизнь и дает нам возможность ползать по земле, подобно ничтожным пресмыкающимся!..

Сказав это, Айрапет предложил удалить Степаника из дома и скрыть его в монастыре

св. Иоанна, пока не представится возможность провести его на русскую границу, где он будет в безопасности.

Оган и Ако не согласились и с этим предложением. «Скрыв нашу сестру, — говорили они, — мы вооружим бека против себя, и он в гневе отомстит нам». Они предложили оставить Степаника дома, повторяя: «Как предназначил бог, так и будет, волю бога человек изменить не может». Некоторые советовали объявить обо всем отцу, чтобы он, как глава дома, разрешил вопрос по-своему и сделал то, что признает нужным.

Так продолжали они спорить и не смогли прийти к какому-нибудь решению. Вдруг откуда ни возмись вмешалась в их спор зловещая сова; ее пронзительный крик, предвещающий несчастье, послышался из-за деревьев, и все невольно вздрогнули.

— Слышите, мы были правы, — воскликнули Оган и Ако, — сова подтверждает наши слова. Плохо нам будет, если мы удалим Степаника.

Айрапет и Апо остались при своем мнении. Совещание же не дало никаких результатов.

XIII

Но что это за загадка? Степаник — мальчик — сделался девочкой?

Разгадаем загадку. Ключ к ней в следующей маленькой и печальной истории.

Во дворе старика Хачо, в углу, под тенью четырех деревьев, находилась могилка. Над ней не было ни креста, ни плиты, ни надписи. Это был маленький холмик, чуть-чуть выступавший на поверхности земли. Нередко в ночную пору можно было видеть старика, поникшего головой над этой могилкой и проливавшего горькие слезы. Домашние тоже проходили мимо нее с чувством особенной грусти, точно здесь было похоронено счастье этой семьи.

У старика Хачо была когда-то дочь, по имени Сона, очень похожая на Степаника. Когда ей минуло шестнадцать лет, многие начали просить ее руки и не столько из-за богатства, сколько из-за красоты девушки. Отец долго колебался в выборе жениха, но несчастный случай навсегда разрушил ожидаемое счастье Сона.

Однажды она ушла в поле за овощами и не вернулась. Много было разных толков по поводу ее исчезновения. Одни говорили, что девушка утонула в реке; другие думали, что ее растерзали звери; суеверные приписывали это злым духам, и, наконец, некоторые прямо говорили, что ее похитили курды. Кто был прав, трудно сказать. Долго искали везде Сона, но все было напрасно. Никто не мог узнать хоть что-нибудь об исчезнувшей девушке, хотя отец ее обещал хорошее вознаграждение тому, кто принесет верную весть.

Через несколько недель пришел к Хачо какой-то курд, он вел за собою мула, на котором был привязан гроб. В гробу лежал труп Сона. Курд рассказал, что несчастную девушку похитил с поля один из курдских беков, хотя и не особенно знатного рода, но славившийся между своими как храбрый разбойник. Потеряв надежду спастись из рук этого негодяя, Сона дала старухе курдианке несколько золотых, пришитых к ее головному убору¹³, чтобы та достала ей яду. Старуха, соблазнившись золотом, исполнила ее просьбу, и Сона отравилась.

Курды не похоронили Сона на своем кладбище, так как покойная до последнего часа твердила: «Я христианка и не изменю своей вере». Нашелся курд, пожелавший воспользоваться этим. Он разузнал, кто была покойница, и привез ее труп отцу, надеясь получить за это вознаграждение.

Не менее фанатично поступила и армянская церковь. Ссылаясь на то, что Сона самоубийца и умерла в руках неверных, без исполнения христианских обрядностей, она не

¹³ В Турецкой Армении крестьянские девушки носят головной убор, целиком украшенный золотыми или серебряными монетами (Прим. автора).

позволила хоронить ее на армянском кладбище¹⁴.

И Сона была похоронена в доме отца: то, от чего отреклась церковь, приняла семья.

Но горе, причиненное семейству Хачо этим несчастьем, имело и более грустные последствия.

Мать Сона, Реган, очень ослабевшая после родов Степаника, не перенесла смерти дочери и, с каждым днем худея, зачахла и умерла. Трагическая смерть Сона повлияла и на судьбу Степаника: девочку одевали и воспитывали как мальчика. Настоящее имя ее было Лала.

Смерть Сона так потрясла старика, что он после появления Степаника, став очень суеверным, начал думать, что то же самое может случиться и с этой дочерью. В том краю были известны сотни примеров подобных похищений девушек магометанами. Поэтому Хачо решил выдавать Степаника до ее совершеннолетия за мальчика. С этим согласилась и мать ее, которой не суждено было вырастить своего ребенка. Семья Хачо строго хранила эту тайну, известную вне семьи еще троим: священнику деревни, крестному отцу и бабке, которой уже не было в живых.

Лала (мы должны теперь называть Степаника иногда настоящим именем) было шестнадцать лет — возраст, когда деревенские девушки обыкновенно выходят замуж. Отец думал уже о женихе, но на Лала все смотрели как на мальчика, и никто не просил ее руки. Кроме того, старик хотел найти жениха из другой страны, чтобы он увез дочь; ему не хотелось открывать тайну Степаника перед своими знакомыми, хотя подобная охрана девушек от курдов практиковалась нередко в этой стороне. Но где было найти такого человека?

Старик возлагал надежды на некоего Томаса-эфенди¹⁵, низенького, кругленького человечка, мошенника и болтуна. Откуда он был родом — неизвестно, сам он выдавал себя за константинопольского армянина и хвастался знатной родней. Братья Лала ненавидели этого урода за жадность и жестокость. Он совершенно сторонился общества армян: говорил всегда по-турецки и общался с мюдирами, каймаками и курдскими беками. Он хвастался этими знакомствами и угрожал ими армянам.

Томас-эфенди был мюльтезимом, то есть сборщиком казенных податей и налогов. В глазах крестьян мюльтезим был тем же, что ангел смерти или сатана для суеверных людей, в нем олицетворяется все, чего боится крестьянин. Но то, чего он боится, сильнее и почитает: если бы среди крестьян появился дьявол, они встретили бы его не с презрением, а с лестью. Человек всегда таков. В первобытной дикости он почитал одинаково как добрых, так и злых духов и приносил жертвы обоим; но удивительно, что на долю злого духа приходилось более жертв. «Добро принадлежит нам, — думал он, — а злу надо угодить, чтобы оно не творило зла»...

Поэтому нетрудно догадаться, почему Томас-эфенди был принят в доме старика. Хачо как один из почетных гостей. Старшина Хачо, как должностное лицо постоянно имел дело со сборщиком по поводу налогов, податей и десятичных сборов с крестьян. Эфенди часто посещал дом Хачо и нередко во время сборов податей оставался у него неделями.

«Ода» — приемная Хачо представляла собой нечто вроде трактира для подобных гостей. Каймакам, мюдир, мюльтезим, монах, полицейский служитель и даже последний нищий — все приходили к нему.

Наутро после ночного совещания сыновей Хачо в мельничной роще явился в деревню О... Томас-эфенди с двумя неразлучными с ним полицейскими.

Он приехал, чтобы назначить размер налога со скота и овец, так как с наступлением

¹⁴ С подобным фанатизмом мне приходилось сталкиваться нередко; удивительно, что и в этом вопросе народ согласен с мнением церкви. (Прим. автора).

¹⁵ Эфенди — господин.

весны скот угоняли на пастбище в горы. Окончив свои дела в деревне, Томас-эфенди со старшиной Хачо возвращались домой. Отправляясь по пятницам на молитву в мечеть Ая-София, султан не проходит по улицам Константинополя с такой гордостью, с какой шел этот маленький чиновник по улицам села О...

Выставив круглый живот, задрав нос, он искоса посматривал, кланяются ли все ему или нет. На нем множеством желтых пуговиц блестел мундир, будто бы присланный ему визирем.

Войдя в комнату, Томас-эфенди, не дожидаясь приглашения, приказал подать кофе и начал заказывать обед. Турецкий чиновник везде, куда бы он ни пришел, считает себя хозяином, и если домашние вздумают не исполнять его желаний, то он сумеет добиться своего...

Когда уселись, старик заговорил первым.

— Эфенди, ты напрасно приказал сегодня сечь этого несчастного крестьянина.

— Ошибаешься старшина, — ответил Томас-эфенди вкрадчивым голосом, — крестьянина надо сечь и сечь много. «Если осла не бить, он не понесет груза».

— Но ведь он не был виноват.

— Виноват или нет — это все равно. Сегодня не был виноват, а завтра может провиниться. Ты разве не слыхал известной басни Насрэддина. Однажды один из его ослов оборвал веревку и убежал. Мулла вместо того, чтобы изловить и наказать его, начал бить другого осла, стоявшего смирно на месте. Когда его спросили, за что он бьет ни в чем не повинного осла, мулла ответил: «Как это вы не понимаете простой вещи! Убежит ли после побоев этот осел, если и ему случится оборвать свою веревку?»

— Но я знаю, что крестьянин говорил правду. Мне хорошо известно, что большую часть его овец угнали курды, — оказал старик, не согласившись с тем, что за виновного осла следует наказывать не провинившегося.

— Мне тоже известно, старшина, что курды угнали часть его стада, — ответил спокойно сборщик, — но если я буду принимать подобные оправдания в расчет, то мне придется приплачивать казенные налоги из своего кармана. По прошлогодней описи у этого крестьянина числится сто штук овец, и я требую за сто. А если из них пятьдесят или шестьдесят украдены курдами, то при чем же тут я? Курды воруют каждый день. Если крестьяне — люди, пусть защищают свое добро.

— Надо говорить по совести, эфенди, — перебил его старшина. — Ты обязан требовать с крестьянина только за наличное число овец. Не может же он платить тебе за убитых, потерянных и украденных.

— Как же я могу удостовериться, что он обворован? — ответил сердито сборщик. — Крестьянин может скрыть своих овец и сказать мне, что они убиты, украдены и привести тысячу других оправданий.

Старшина ничего не ответил.

— Ты не видел еще нового султанского фирмана. Если б ты прочитал, что в нем написано, иначе бы заговорил.

С этими словами он достал из-за пазухи кучу бумаг и, осторожно перелистав их, вытащил большой, красивый лист, исписанный крупными буквами.

— Возьми и прочитай, — сказал он, отдав лист старшине.

Старшина смотрел на крупные буквы с удивлением (все большое поражает темный люд), но если б он умел читать по-турецки, то узнал бы, что этот красный лист представляет собою театральную афишу о бенефисе известной актрисы. Но Томас-эфенди заметил ему:

— Старшина, нельзя обращаться так неуважительно с фирманом султана. Когда его берут в руки, то прежде всего целуют, а потом уже читают.

Старик поднес лист к губам и возвратил его.

— Тысячу раз говорил я крестьянам про новый закон об увеличении налога, и все-таки они ничего не понимают и твердят свое, — заговорил сборщик податей с особенной горячностью. — Ведь и я — человек, выхожу иной раз из терпения и приказываю бить их.

Даже осел, если раз тонул в болоте, в другой ни за что не пройдет по этому месту, хоть ты его убей. Но у этих крестьян нет и ослиного ума. (Томас-эфенди очень любил брать примеры и сравнения из жизни ослов). — Послушай-ка, что я тебе расскажу. Ты ведь знаешь, Хачо, что многие деревни Алашкерта находятся в моих руках. Однажды один из крестьян кончил жатву, смолотил и, собрав чистый хлеб в амбар, попросил меня смерить и взять себе положенную десятую долю. Я не захотел взять хлебом и потребовал денег. У крестьянина денег, конечно, не оказалось, и он старался доказать мне, что я не имею права получать казенный сбор деньгами, а должен взять пшеницей. (Терпеть не могу, когда мужик — этот осел — начинает говорить о праве). — Ну, подумал я, задам же я тебе жару, увидишь ты у меня, что такое право! — Хлеба я так и не измерил и уехал. Пошли дожди, пшеница от сырости вся зацвела и сгнила. Тогда я приехал и потребовал пшеницы, сказав, что от своего права не отказываюсь. Но где он мог взять ее? Хлеб весь сгнил. — Уплати в таком случае деньгами, — сказал я. Денег опять не оказалось, и я, приказав высечь крестьянина, продал его волов и получил все, что мне следовало. После этого он сделался таким осторожным и ласковым, что на нем хоть воду вези. Завидев меня за версту, он снимает шапку и низко кланяется. Вот как нужно обращаться с людьми.

— Разве это справедливо, а совесть? — спросил старик Хачо тихим голосом, точно боялся, что эфенди его услышит.

— Что значит совесть? — ответил сборщик с презрением. — Власть и совесть две разные вещи. Ты вот сорок лет управляешь этим селом, но до сих пор не понял еще, как нужно управлять. Ты слышал сейчас басню ходжи Насрэддина об ослах, но я приведу тебе лучший пример. Однажды одного пашу назначают начальником губернии. Не успев принять должности, он сейчас же приказывает изловить несколько человек, арестовать их и казнить. Возможно, эти люди были невинны, но паше до этого нет дела — ему необходимо было казнить несколько человек, чтобы держать народ в страхе. Вот что значить власть! Если б я поступил иначе с тем крестьянином и не проучил его, то другие крестьяне перестали бы почитать меня.

Томас-эфенди рассказывал о своих поступках так же просто и спокойно, как курд хвалится своими разбоями. Какая же разница между этим армянином и Фаттах-беком? Только та, что один был низким хитрецом, а другой — смелым, надменным разбойником. С одним из них и должна была связать судьбу несчастная Лала. Любила ли она кого-нибудь, об этом ее никто не спрашивал.

XIV

Не закончив всех своих дел в селе О... Томас-эфенди должен был остаться у старика Хачо на несколько дней.

К Хачо заезжал каждое лето молодой человек из Араратского уезда, обычно покупавший у старшины овец, рогатый скот, шерсть и продукты для отправки в Александрополь и Эривань.

В обмен он привозил такие товары, каких здесь не было: ситец, холст, сукно, чай, кофе и разные мелочи. Такие мелкие торговцы имеют большое значение для деревень, подобно селу О... отстоящих далеко от города. Они дают крестьянину то, что ему нужно, а взамен берут те предметы, в продаже и отправке которых крестьянин встречает большие затруднения, в особенности в таких местах, где нет хороших караванных путей и из-за разбоев сношения с другими странами почти невозможны.

Каждое появление этого молодого человека в доме Хачо приносило большую радость. Он был у них своим человеком, и все обращались с ним, как с членом семьи. Прибыв в село О... он гнал свой маленький караван, состоящий из нескольких навьюченных лошадей, прямо к дому старика Хачо, снимал груз и гостил у них по несколько недель, до распродажи товара, а затем отправлялся в дальнейший путь.

Днем позже приезда Томаса-эфенди появился в деревне и этот молодой купец. Он

встретил сборщика у ворот дома Хачо, когда снимал тюки с лошадей.

— А! Ты здесь? — воскликнул молодой человек, подходя к эфенди и беспрестанно крестясь. — Тьфу! дьявола встретил; значит, опять мне не повезет... Во имя отца и сына!..

Эфенди громко расхохотался, взял за руку молодого человека и, глядя ему прямо в глаза, сказал:

— Чудак ты, хент! Тысячу раз говорил я тебе, что ты чудак. Скажи-ка лучше, привез ли ты для меня рому?

— Привез я тебе отравы, чтобы ты выпил и несчастные крестьяне избавились от тебя, — ответил он так же насмешливо.

Собралось несколько крестьян, которые помогли снимать тюки с лошадей. Эфенди, найдя неудобным шутить с чудаклом при крестьянах, поспешил удалиться, сказав, что торопится в село по делам и что обедать они будут вместе.

— С тобой хлеб есть грешно, — сказал молодой купец.

— Известно, что хвост у осла не убавляется и не прибавляется, точно так же и твой ум, — ответил сборщик. — «Веди осла хоть в Иерусалим, все останется ослом, никогда не будет паломником», — прибавил он злобно.

— Ну, начал ты свои ослиные басни, конца им не будет, — сказал молодой человек и отвернулся от сборщика.

Эфенди удалился.

Все в доме Хачо от мала до велика знали уже о приезде Вардана — так звали молодого человека — и с нетерпением ждали, когда он откроет тюки. Кто только не давал ему поручений. Не успел он притащить товары в комнату, как на него набросилась вся армия дома Хачо. — «Привез мне сапоги?» — спрашивал один; другой требовал заказанную шапку; словом, со всех сторон раздавались голоса, — всякий чего-нибудь ждал, даже дети — и те, схватив купца за полы платья, тормошили его с криком.

— Привез, — отвечал молодой человек, — всем привез, кто чего просил.

— Дай же, дай же, — слышались голоса.

— Ну чертенята! Дайте хоть немного отдохнуть, открою тюки — и каждый получит свое.

— Нет, сейчас, сейчас! — повторяли все в один голос.

В семье Хачо так привыкли к Вардану, что не стеснялись его, и теперь все, не обращая никакого внимания на его слава, бросились сами открывать тюки с товаром, а открыв первый, стали хватать вещи, которых требовали. Молодой человек стоял в стороне, любясь их радостью, и, добродушно улыбаясь, говорил:

— Чтоб вам добра не было! Даже курды не грабят купцов так, как вы.

Из всех присутствующих только один не подходил к тюкам. Это был Степаник, или теперь уже Лала. Она издали наблюдала, иногда улыбаясь. Молодой человек подошел к ней и спросил:

— Что же ты себе не выберешь чего-нибудь?

— Что же мне взять? — ответила она покраснев.

И в самом деле, что она могла взять? Ее ложное положение давно уже надоело ей, а выбрать вещь к женскому туалету она не могла.

Вардан понял ее мысль и еле слышным голосом оказал:

— Я привез тебе хороший подарок.

— Что такое? — также тихо спросила девушка.

— Отдам потом, но ты никому не показывай.

Лала снова улыбнулась и отошла в сторону.

Вардану было лет двадцать пять. Это был молодой парень высокого роста, крепкого сложения. Крупные черты его лица нельзя было назвать красивыми. Большие черные глаза сверкали диким огнем, а на толстых губах постоянно играла какая-то горькая усмешка. Его быстрые и ловкие движения в работе свидетельствовали о большой физической силе. Откуда он родом, какое все его прошлое, никто в точности сказать не мог. Болтали же много

дурного: его считали сорванцом, человеком, прошедшим огонь и воду. Некогда он жил монастыре как послушник и протодьякон. Был где-то и учителем, но никто не знал, почему оставил он школу и монастырь. Из его монастырской и школьной жизни рассказывали разные анекдоты, свидетельствовавшие о странностях его характера.

Однако достоверно было лишь то, что Вардан был известный в этом крае отчаянный контрабандист. Для такого занятия у него были все необходимые качества: храбрость, ловкость и изворотливый ум. В вечной борьбе с опасностями и приключениями у него выработались твердая воля и отвага.

Была еще одна черта у Вардана. Не один Томас-эфенди считал его чудачком, и в селе О... и в ближайших местах — везде он был известен под прозвищем «Хент».

В чем же заключалось его чудачество, или сумасбродство? Вардан не был глуп; он много читал и много знал. Он понимал людей и жизнь и, несмотря на молодость, уже испытал многое и перенес много несправедливостей. Его считали чудачком, сумасбродом, потому что он не мог лицемерить и шел против людских предрассудков. Вардан был слишком правдив: замечая дурное, он говорил правду в лицо.

Он не скрывал даже своих недостатков и рассказывал о них всем, а таких людей принято считать чудачками. Люди требуют, чтобы человек с виду был одним, а в душе другим, и презирают тех, кто говорит правду.

Многих из пророков и философов, и даже известных Пахлула и хаджу Насрэддина, при жизни считали чудачками, хотя в их чудачествах оказалась своеобразная мудрость. Вардан не был ни философом, ни мудрецом, но его суждения, понятия, склад ума и необычное обращение с людьми казались многим дикими и странными.

Сообщив Лала, что он привез хороший подарок, который вручит ей под секретом, Вардан на этот раз должен был изменить своей привычке быть откровенным. Какое-то непонятное чувство заставляло его поступить так, как будто в его сердце скрывалось нечто новое, заветное, что должно быть сохранено в тайне от всех. Он искал случая встретить ее в уединенном месте, чтобы никто их не видел. Наконец такой случай представился.

Уложив свои вещи, Вардан удалился в сад, чтобы отдохнуть под защитой тенистых деревьев.

Мы забыли описать расположение двора старика Хачо. Большая часть его была засажена густыми деревьями и кустарниками. Деревья и кусты росли так густо, что в нескольких шагах ничего нельзя было разглядеть.

Он чувствовал в сердце сладостное волнение. В такие минуты деревья и цветы говорят сердцу больше, чем люди. Вардан лежал на мягкой траве и сквозь густые ветви деревьев глядел на голубое небо, следя за быстро плывущими облаками, которые, набегая одно на другое, сливались в темные пятна. Это предвещало бурю. Нечто подобное совершалось и в сердце Вардана: неопределенные стремления, таившиеся в его душе, слились в то высокое чувство, которое зовется любовью...

Вардану давно было известно, что Степаник девушка, а не мальчик, знал он и причины, которые заставили ее родителей одевать и воспитывать свое дитя как мальчика.

Именно это и возбудило внимание и сочувствие впечатлительного юноши к несчастной девушке. Чувство жалости уступило место чувству любви. Но до этого дня оно было немо и таилось в сердце Вардана. Ни разу он не говорил Степанику о своих чувствах; никогда не относился к ней, как к девушке, напротив, держал себя очень осторожно, чтобы никто не догадался о том, что тайна Степаника ему известна. А Степаник, привыкшая к Вардану, несмотря на всю свою осторожность, иной раз невольно выказывала женские качества.

Долго лежал Вардан в саду, беспокойно поворачиваясь с боку на бок. Вдруг он услышал шелест и, обернувшись, увидел Степаника, идущего к нему. Сердце молодого человека встрепенулось и забилося, как никогда еще не билось это железное сердце. Степаник подошел и, нерешительно остановившись в нескольких шагах, сказал:

— Обед готов, отец зовет тебя.

— Эфенди там? — юноша поднялся и присел на маленький холмик, над которым

деревья образовывали нечто вроде беседки.

Степаник ответил с гримасой:

— Ах, чтоб его черти взяли, он там.

— И ты его не любишь, Степаник?

— Кто же его любит?

Вардан подумал, что настал удобный момент вручить привезенный подарок, и попросил Степаника подождать, пока сходит за ним. Он побежал в комнату, где был сложен его товар, и через несколько минут вернулся со свертком в руках. Войдя опять в беседку, он пригласил туда Степаника.

— Но отец ждет тебя, — сказала девушка.

— Успеем, посиди со мной, Степаник, рано еще к обеду. А я принес тебе то, что обещал.

Степаник, обрадованная, присела рядом с ним. Вардан вытащил из свертка шкатулочку из черного дерева, украшенную красивыми узорами. Он открыл ее ключиком, и Степаник увидела принадлежности женского рукоделия, расположенные в порядке; тут были ножницы, игольник, наперсток, — серебряные и изящные. В крышке шкатулочки было вставлено зеркальце, а внизу — органчик, который заиграл, когда Вардан повернул ключиком. Степаник пришла в восторг, она первый раз видела такую красивую вещь.

— Нравится тебе? — спросил Вардан, глядя ей прямо в глаза. — Бери, я дарю это тебе.

Лала, обрадованная подарком Вардана, вдруг опечалилась, точно вспомнила что-то, мешающее ей принять этот подарок.

— Что мне делать с ножницами, наперстком?.. Они годны для девушек... Лучше бы ты привез для меня что-нибудь другое... что интересно для мальчиков. Не девушка же я...

Она произнесла эти слова дрожащим, прерывистым голосом.

Вардан не ожидал от Лала такой скрытности. Он растерялся, но не в силах сдержать волнения, сказал:

— Ты ведь девушка, Лала!..

— Ах, тебе известно и мое имя!.. — сказала она и, вся вспыхнув, склонила голову ему на грудь.

Молодой человек обнял ее, и она взволнованно повторяла сквозь слезы:

— Да, я девушка, я девушка!..

В первый раз сорвалось с ее уст это признание человеку, которого она любила, но не смела говорить об этом никому...

Молодые люди, охваченные любовью, не могли заметить двух глаз, радостно смотревших на них из-за деревьев; это была Сара, привлеченная звуками органчика.

«Теперь Лала спасена»... — подумала она и удалилась.

XV

В приемной старика Хачо был уже накрыт стол. Хозяин дома и Томас-эфенди ждали Вардана; тут же сидели двое полицейских — два негодяя, помогавшие ему во всех его злодеяниях. Больше никого не было, потому что с такими почтенными людьми, как сборщик, сыновья Хачо не осмеливались присутствовать.

— Придет сейчас лаять и, наверное, отравит нам своим лаем обед, — оказал Томас-эфенди о Вардане.

— Хотя он иной раз шутит и резко, но у него доброе сердце, — заметил старшина.

— И я знаю, что он не злой человек, но язык у него ядовит, как у змеи. Нельзя же со всеми одинаково шутить. Не надо забывать, кто такой Томас-эфенди. Стоит мне кашлянуть — все дрожат. Ведь ты видел указ султана! Я тебе вот что еще скажу: вали Эрзерума всегда приглашает меня за стол, и я сажусь с ним рядом. Если не веришь, опроси у них, — указал он на полицейских.

«Лисице приказали назвать свидетеля, она указала на свой хвост». Эти два мошенника

были постоянными присяжными свидетелями Томаса-эфенди во всех его рассказах.

— Да разве я не верю? — ответил старшина.

Томас-эфенди был зол на Вардана не только за утреннюю обиду, но и за то, что Вардан, где бы ни встретил эфенди, всегда издевался над ним.

— Если я пожелаю, — сказал сборщик, — переверну вверх дном весь мир и тогда докажу этому негодяю, кто такой Томас-эфенди.

— Молод, — заметил мягкосердечный старик, — молодых людей строго не судят. Он не такой плохой человек, как ты думаешь.

Приход Вардана прервал их разговор. Он был бледен и задумчив. Томас-эфенди, разносивший его минутой раньше, как говорится, «поджал хвост» и с присущим ему лицемерием сказал:

— Милый человек, как долго заставляешь ты ждать себя! Ты ведь знаешь, что без тебя Томас-эфенди не съест и куска хлеба.

— Как не знать... — ответил молодой человек и, не глядя на него, сел на свое место.

Во время обеда Вардан говорил мало и выглядел грустным. Всегда веселое лицо его теперь точно потускнело. Любовь, рождающая радость и счастье и улаждающая горечь жизни, повергла этого человека в грусть. Он очень мало ел, но много пил, точно стараясь забыться.

Томас-эфенди по обыкновению болтал без умолку. Чего только не рассказывал он о своем прошлом. Все его рассказы должны были доказать, что Томас-эфенди личность весьма выдающаяся. Патриарх Нерсес всегда называл его «сыном». О Хримяне¹⁶ отзывался он не особенно лестно, так как Хримян человек простой и снисходит до бесед с носильщиками из Вана и Муша. Нубар-паша в письмах к эфенди всегда называет его «благородным другом». На берегу Босфора у него есть дворец, который в аренде у англичан, он пожертвовал много денег на Иерусалимский храм, в монастыре св. Иакова ежедневно совершается панихида по его умершей родне, и, наконец, между ним и известным Отяном-эфенди¹⁷ испортились отношения потому, что Отян хотел выдать за него свою дочь, а он, Томас-эфенди, не захотел на ней жениться... Вардан не слушал его, но зато старшина слушал с большим вниманием «Как счастлива будет моя Лала, — думал старик, — если выйдет за человека, отказавшегося от руки дочери Отяна, за эфенди, у которого на берегу Босфора есть свой дворец».

Затем Томас-эфенди начал говорить о политике. Это было время политических движений. Славяне Балканского полуострова боролись за свою свободу. В Константинополе проходила конференция для решения участи славян, и Митхад, этот известный дипломатический фокусник, обнародовал конституцию.

Томас-эфенди, сидя в деревенской ода, предрешал будущую судьбу армян. Говоря о «безумии» славян, осмелившихся восстать против такой добродетельной нации, как турецкая, Томас-эфенди обрушился на армян, — и между ними находятся подобные «безумцы», которые считают гнетом управление турок и мечтают о политической свободе и самоуправлении... Без турок армяне погибнут, так как они не способны сами управлять своей страной, — закончил свою речь эфенди. Тут уже Вардан не выдержал.

— Таким кровопийцам, как вы, всяким сборщикам и подрядчикам, конечно, на руку турок и его незаконное, несправедливое правление. Вы ловите рыбу в мутной воде, и вам противна правда. Вы любите мрак, потому что воры не любят света.

— Господин Вардан, — повысил голос сборщик, — не забывай, что возле тебя сидят двое полицейских.

— Этими полицейскими страдай ты бедного, несчастного мужика, который так глуп, что верит твоим басням вроде тех, что у тебя на Босфоре дворец, что ты отказался от руки

¹⁶ Хримян Айрик — крупный церковный и общественный деятель конца XIX — начала XX века.

¹⁷ Известный в свое время общественный деятель.

дочери Отяна и будто в соборе св. Иакова служат панихиду по твоей родне!.. Проклятия, только проклятия достойны подобные тебе. И ты, ничтожный деревенский сборщик податей, и важные амира¹⁸ при Высокой Порте — все вы продаете интересы нации из-за своих личных выгод, вы — причина разорения армян...

Томас-эфенди не умел сердиться, вернее он сердился только тогда, когда видел слабость противника, которого мог растерзать в клочья. Но он знал резкий, вспыльчивый нрав Вардана, поэтому, желая исправить свою неосторожность, постарался придать делу характер шутки:

— Видно, вино крепкое, чудак, зачем же пьешь его так много, коли не в силах?

Вардан искоса посмотрел на него и ничего не ответил. На лице его можно было заметить только презрение к этому низкому лицемеру.

Старик тоже молчал. Он чувствовал справедливость слов Вардана, но не одобрял его смелости, думая, что неосторожно говорить так с должностным лицом. Поэтому он очень обрадовался, когда обед кончился, не зная, что впереди новая ссора.

По местному обычаю, после обеда сейчас же подали черный кофе без сахара. Томас-эфенди просил Хачо, чтобы в то время, когда ему подают кофе, трубку набивал бы Степаник («так как трубка, приготовленная рукой Степаника, отдает приятным запахом»), подобно тому, как Фаттах-бек в гостях у Хачо требовал, чтобы кофе подавалась руками Степаника, говоря, что «кофе принимает другой вкус».

Когда вошел Степаник с длинной турецкой трубкой в руках, чтобы подать ее эфенди, Вардан совсем обезумел.

Он знал гнусное значение этого турецкого обычая, а потому схватил из рук юноши трубку и, выбросив ее за окно, сказал:

— Уходи, Степаник! Растерянный юноша вышел.

Эфенди рассвирепел, — точно трубкой треснули его по голове.

— Таких шуток я не люблю, — сказал он, — ты оскорбляешь меня.

— Такие люди, как ты, не имеют права говорить о чести.

— Я? Я, мюльтезим целого края? — закричал сборщик.

— Да, ты — разбойник целого края!

Сборщик зашевелился, делая вид, что хочет встать.

— Ни с места! Не то убью, как собаку, — закричал Вардан, схватив рукоятку шашки.

— Напрасно сердитесь, господин, — вмешался один из полицейских, — эфенди не говорил вам ничего обидного.

Вардан, не обратив на него никакого внимания, опять накинулся на сборщика:

— Нахал! Ты привык, как турки, врываться в дом каждого армянина, жрать за его столом, лакать его вино и требовать позорных услуг от его невестки, дочери и детей. Наглец!

Старик-хозяин стоял как вкопанный! Он точно онемел; изредка только он крестился и произносил имя бога.

Но эфенди был столь же труслив, сколько лжив и хитер.

Увидев дикую ярость молодого человека, он сообразил, что с ним нельзя обращаться, как с армянином из алашкертской деревни. Вардан был подданным [русского] царя и имел при себе шашку. Поэтому эфенди ласково произнес:

— И богу известно, что я не следую обычаю турок. Напрасно клеветешь на меня, Вардан!

— Я клеветшу?.. На тебя, который и с турками совершает намаз и в армянской церкви слушает обедню, чтобы заслужить расположение темного люда? Не ты ли выдаешь турецкому правительству лучших, благороднейших армян, думающих о благе своего народа! Не ты ли при турках называешь всех армян «гяурами», а при армянах ругаешь турок! Не ты ли, дружа с разбойниками, даешь на суде ложные показания против армян? Не ты ли,

¹⁸ Амира — высшее сословие чиновников.

наконец, женился в десяти местах и, оставив всех жен, хочешь жениться еще раз? Ты ли не следуешь обычаям турок? Но я тебе скажу, что турок в тысячу раз благороднее тебя, так как ты и ни армянин, и ни турок...

Последние слова Вардана о женитьбе эфенди поразили старика Хачо. Ведь он хотел выдать свою дочь за человека, у которого была знатная родня и дворец в Константинополе и который не захотел жениться на дочери Отыана... «Нет, нет, подумал он, Вардан клеветает на него, Томас-эфенди не лгун...»

Излив весь свой гнев, Вардан вышел из комнаты. Не успел он выйти, как язык у эфенди развязался.

— Я напишу султану! Я напишу и русскому царю и непременно добьюсь, чтобы этот негодяй погиб в Сибири... С Томасом-эфенди так шутить нельзя. «Пока не побьешь осла, он не будет знать своего места»...

Томас-эфенди, как мы уже заметили, имел привычку угрожать именами знатных людей, желая этим доказать свои близкие отношения с ними. Старик Хачо был человек не глупый, но в своей жизни столько перенес от мелких чиновников, что, подобно всем крестьянам, верил в их всемогущество. Поэтому, услышав последние слова эфенди, он обнял колени сборщика и начал со слезами на глазах умолять его:

— Ради бога, не губи его! Прости ему ради моих сединок, ты сам знаешь, что он чудак, хент...

Эфенди после минутного размышления ответил:

— Прощаю для тебя, так как я ел твой хлеб-соль.

XVI

Беда одна не приходит. Так случилось и с мирной семьей старика Хачо: несчастье сменялось несчастьем, и со всех сторон этому дому угрожала опасность.

Ссора Томаса-эфенди с Варданом произвела на всю семью Хачо тяжелое впечатление. Некоторые смеялись над трусостью Томаса-эфенди и хвалили Вардана, а другие осуждали последнего, называя его «хентом», который не умеет держать язык за зубами.

Больше всех возмущены были поступком Вардана двое из сыновей Хачо — Оган и Ако. «Как можно оскорблять должностное лицо!» — говорили они. По их мнению, должностное лицо не только во время исполнения своих обязанностей, но и в повседневной жизни сохраняло свое значение, свою силу, а потому противоречить ему было нельзя. Немало беспокоило это и старика. Он, хотя и не осуждал Вардана и считал его правым, все же находил поступок его неразумным. Старик Хачо хорошо знал эфенди. Он был уверен, что этот злодей будет стараться вредить Вардану, и если это ему не удастся, то выместит свою злобу на семье старика. Сборщик имел основательные причины для доноса на Хачо — старшину деревни, принимающего у себя такого известного контрабандиста, как Вардан.

Кроме того, старику Хачо приходилось расстаться со своей заветной мечтой. С тех пор, как он узнал, что Томас-эфенди был несколько раз женат, старик совершенно растерялся. Он рассчитывал выдать свою дочь за этого человека, и все его надежды рухнули. Но как доказать справедливость слов Вардана? Старик не считал Вардана лжецом, но кто его знает, мало ли что говорится во время ссоры?

Чем мог, однако, понравиться Хачо этот низкий, бесстыжий человек? Ему давно было известно, что Томас-эфенди — бессовестный, подлый грабитель, что для него нет ничего святого и что он может пожертвовать всем для своей выгоды. Но старик забывал все это из-за положения эфенди. В силу устарелого предрассудка он всегда поклонялся мундиру. По его понятию, мундир сборщика очищал, снимал всякий порок. Вот почему старика Хачо очень влекла надежда иметь такого зятя, перед которым все дрожало. Простой и справедливый, старик Хачо, как старшина и глава целой деревни, имел свои слабости. Ему не хотелось бы выдать свою дочь за простого крестьянина, тем более, что он вырастил ее при таких таинственных обстоятельствах. Выбирая Томаса-эфенди своим зятем, он имел и свои

цели: он был старшиной, и ему часто приходилось иметь дело с местным начальством, а эфенди мог быть его заступником. Теперь все его надежды рушились.

Если бы при всем этом Хачо знал еще о видах на Лала Фаттах-бека, то, пожалуй, не вынес бы всех этих бед. Но сыновья ничего не говорили ему. Тайное горе мучило и точило их сердца, в особенности сердца Айрапета и Апо, которые после неудачного совета с братьями не знали, как спасти свою сестру от гибели. Какая участь постигла бы несчастную Лала, если бы бек похитил ее! Могла ли она сделаться женой магометанина или бы кончила свои страдания самоубийством, как Сона?

В то время, как другие думали о ней и терзались, Лала чувствовала себя хорошо и была счастлива.

После объяснения с любимым человеком, мужской костью точно жег ее тело. Она хотела одеваться как девушка, хотела быть женщиной... Она еще чувствовала на своих губах следы горячих поцелуев Вардана, в ушах раздавались его ласковые слова. А с тех пор, как она увидела победу Вардана над эфенди — человеком, перед которым дрожали жители всего края, значение Вардана в глазах девушки еще более увеличилось. Почему-то женщины любят в мужчине силу, превосходство над, другими. Они восхищаются, видя в мужчине достоинства, не доступные женщине. Ее чувство переросло в обожание, когда она увидела, как Вардан силою своего превосходства подавил, уничтожил всемогущего сборщика, которого она ненавидела всей душой. Нередко приходилось ей терпеть пошлости этого негодяя, и каждый раз при его появлении она пряталась, но отец звал ее, чтобы она, приготовив трубку, доставила бы эфенди удовольствие.

Лала рассказала Айрапету о столкновении Вардана с эфенди.

— И прекрасно сделал, молодец, — ответил Айрапет. — Надо было избить этого мерзавца. Он привык мучить крестьян и думает, что со всяким можно поступать так же.

Лала хотела было броситься в объятия брата, признаться ему в своей любви и просить его, чтобы он поговорил об этом с отцом. Но Айрапет поспешно вышел, точно куда-то торопился.

Дело в том, что Сара должна была видаться сегодня с Хуршид, женой Фаттах-бека. Рано утром явилась Джаво и сказала, что у хозяйки ее захворал мальчик, и та, под предлогом данного обета, собирается в ближайшую от села О... старую часовню молиться, где и назначает свидание Саре. Эта часовня одинаково почиталась как армянами, так и курдами. Сара очень обрадовалась, узнав от Джаво о намерении Хуршид, так как она сама через Джаво просила этого свидания.

Расставшись с Лала, Айрапет поспешил к жене, чтобы узнать о последствиях свидания. Он вышел из деревни и на полпути сел отдохнуть под тенью большой скалы в нетерпеливом ожидании Сары, которая должна была вернуться из часовни этим путем.

Место, где сидел Айрапет, представляло очень любопытную картину. Это была подошва горы, покрытая обломками скал, срывавшихся с вершин в течение веков. Вся она заросла кустарниками и дикой травой; там и сям возвышались деревья. Внимание Айрапета привлекла яблоня, покрытая каким-то вьющимся растением, извилистые стебли его змееобразно поднимались до самой верхушки; казалось, это растение старалось задушить, уничтожить дерево, верхние ветки которого, лишившись соков и листьев, уже почернели и искривились.

Бывают минуты, когда и простой крестьянин начинает философствовать. «Вот прекрасный пример, — подумал Айрапет. — Это дикое растение живет как паразит и, не имея корней в матери-земле, обвиняет благородное и плодовитое растение, питается за его счет, жадно сосет соки и наконец, истощив его жизненные силы, убивает... Не так ли обращается с нами и курд, разве он не такой же паразит, живущий за счет несчастного армянина!...»

Айрапет был человек впечатлительный и умел мыслить. Если бы он не выезжал в чужие края, то, несомненно, был бы таким же ограниченным, как все его односельчане. Но судьба распорядилась его жизнью иначе — молодость свою он провел на чужбине. Между

ним и отцом, неизвестно вследствие каких причин, возникли недоразумения, поэтому, как это часто бывает в деревнях, он оставил отчий дом и пошел странствовать. Судьба забросила его в Константинополь — этот узел, связывавший Европу и Азию. Там он прошел большую жизненную школу, и хотя ничего основательно не изучил, но усвоил много светлых идей, незнакомых простому крестьянину.

Долго сидел Айрапет под тенью скалы в ожидании Сары. Солнце пряталось уже за горы, и последние лучи его красиво освещали их вершины.

Наконец показалась Сара. Ее сияющее лицо предвещало хорошие вести.

— Мальчик или девочка? — спросил Айрапет.

— Мальчик, — ответила она улыбаясь и села рядом с мужем отдохнуть.¹⁹

Сара вытерла пот с лица, отдохнула немного и, успокоившись, начала рассказывать мужу то, что слышала от курдианки. Хуршид передала ей, что бек пока не думает о Степанике, потому что очень занят. По предписанию эрзерумского вали, бек составляет сведения о численности мужчин своего племени, раздает оружие, деньги для покупки лошадей, платья и т. п. Для чего делаются эти приготовления, Хуршид не знает; но она все-таки советует удалить Лала или выдать девушку за кого-нибудь замуж, иначе бек рано или поздно приведет свое намерение в исполнение, то есть похитит девушку.

«Хотя, — прибавила Хуршид, — я говорила об этом уже с моим отцом, и он обещал обуздать бека, но я не верю, что бек сдержит свое слово, а может быть, дело дойдет до того, что я оставлю дом бека и разойдусь с ним».

Айрапет выслушал рассказ жены с глубоким вниманием и проговорил:

— Нельзя сказать, чтобы опасность уже миновала, но во всем этом хорошо то, что дело затянется, и мы. Выигрываем время для устройства судьбы Лала.

— Я тоже так думаю.

— Значит, что же нам теперь делать?

— Другого выхода нет, как обвенчать ее с кем-нибудь.

— Этим она не избавится от беды. Бек может и замужнюю женщину вырвать из объятий мужа и увести.

— Надо обвенчать ее с таким человеком, который увез бы Лала в другую страну.

— Хорошая мысль — ответил Айрапет, — но где же взять такого человека? Ты знаешь хорошо, что из наших крестьян никто не согласится на это, боясь, как бы бек не сжег его дом, не убил его родных, в случае, если он увезет отсюда Лала. Укажи мне человека, который согласился бы на такие жертвы.

— Есть такой человек, — весело ответила Сара.

— Кто это?

— Вардан.

Печальное лицо Айрапета оживилось радостью, когда Сара начала рассказывать ему, что она видела в саду, как Вардан и Лала в объятиях друг друга клялись в любви.

— Славу богу, — сказал Айрапет. — Только Вардан может спасти Лала.

Солнце уже скрылось, когда супруги поспешили домой. Дорогой Айрапет думал о приготовлениях курдов. «Для чего раздают оружие? Не готовится ли новая резня?» — спрашивал он себя.

XVII

Было уже совсем темно, когда Айрапет и Сара вернулись домой. Они узнали, что Томас-эфенди после столкновения с Варданом сейчас же ушел очень недовольный. Это очень беспокоило старика Хачо, так как он боялся, чтобы эфенди не навредил им.

¹⁹ В народе эти вопрос и ответ имеют значение хорошей или дурной вести, так как рождение мальчика считается радостью, а девочки — горем (Прим. пер.).

Однако внезапный уход эфенди объяснялся не только столкновением с Варданом. Эфенди довольно терпеливо переносил всякие оскорбления и презрение других к своей особе. Но сегодня он получил бумагу, в которой ему предписывалось сложить в амбары весь собранный в пользу казны хлеб и отнюдь не продавать его, так как он нужен правительству. Казалось, готовилось нечто таинственное: здесь запасают хлеб, а там, в лагере Фаттах-бека — оружие...

После отъезда Томаса-эфенди в доме старика Хачо появился новый гость. Это был стройный, худощавый молодой человек с бледным, интеллигентным лицом. Никто не знал, чем он занимается, известно было только то, что он константинопольский армянин, и старик Хачо считал своим долгом принять приезжего из столицы. Кроме небольшого дорожного сака, других вещей у него не было, а изношенное европейское платье выдавало в нем бедного человека. Проводник незнакомца уехал, и молодой человек долго блуждал по деревне, ища пристанища, пока не встретился с Варданом.

Говорят, что сердце сердцу подает весть. Два молодых человека, познакомившись, после краткого разговора подружились — и, точно два члена тайной секты, пожали друг другу руки, и Вардан привел его в дом Хачо.

Гость назвал себя Микаэлом Дудукджяном²⁰.

Старику Хачо не понравились ни фамилия гостя, произносимая с трудом, ни бледное лицо, ни лихорадочно блестящие глаза, ни замкнутый вид, возбуждающий подозрение. Но Вардан успокоил старика, шепнув ему на ухо: «Хороший малый. Когда узнаешь, полюбишь».

Идя в дом Хачо, незнакомец спросил Вардана:

— Можно ли им довериться?

— Можно... — ответил Вардан.

Как только зажгли огонь, сейчас же, по деревенскому обычаю, подали ужин. В этот вечер за столом старика сидели все шестеро сыновей, поскольку не было официальных гостей, вроде Томаса-эфенди. Вардана никто не стеснялся, а на нового гостя смотрели как на человека, который должен быть доволен и тем, что нашел ночлег и заснет, хорошо поев.

Ужин прошел очень скучно. Вардан и новый гость почти не говорили, а старик лишь изредка перекидывался словами с сыновьями. Каждый был чем-то озабочен. Старик думал о том, что сборщик ушел недовольный. Айрапет был занят мыслями о беке и участии Лала, вспоминал рассказ Сары и измышлял планы. Другие сыновья Хачо думали о завтрашних делах. У Вардана перед глазами мелькал образ прекрасной Лала, а новый гость размышлял бог знает о чем.

Когда убрали со стола, Степаник подала рукомойник с водой и, по местному обычаю, все умылись и благословили имя господне. Старик закурил трубку, а Дудукджян достал из изящного портсигара, совсем не подходившего к его бедному платью, дорогую сигару и, оторвав конец ее длинными ногтями, закурил. Комната наполнилась ароматом гаванской сигары. Видно было, что этот человек когда-то знал лучшие времена.

После ужина темой разговора сделался Томас-эфенди. Дудукджян кое-что уже знал от Вардана об этом человеке, а потому смысл разговора был ему довольно понятен.

Хачо вежливо заметил Вардану, что обращение его с эфенди было необдуманно.

— Я, как тебе известно, не отличаю тебя от семи сыновей, — сказал он.

Старик имел привычку клясться всегда семью сыновьями, считая и Степаника, не подозревая, что Вардану давно уже известна их тайна.

— Клянусь солнцем²¹ семи сыновей, я не лгу, — продолжал он, — ты тоже мой сын;

²⁰ Почти все фамилии турецких армян происходят от названия ремесла, которым занимался их отец или дед; отец Дудукджяна, вероятно, промышлял детскими дудками (дудук), свирелями (Прим. пер.).

²¹ То есть жизнью. (Прим. пер.).

дом мой все равно что твой. Двери моего дома всегда открыты перед тобой, но ты должен знать, что мы здесь в других условиях: у нас не то, что в ваших краях: здесь люди, подобные Томасу-эфенди, очень сильны. Чего бы ни захотели они, все для них возможно, поэтому надо оказывать им почтение и молчать об их недостатках и поступках. Что мы можем сделать! «Если не в силах отрубить руку разбойника, надо пожать ее и поцеловать», — говорит народная пословица. Эфенди, может быть, не сумеет повредить тебе, но мы из-за тебя страдаем. Слышал ты турецкую поговорку: «Напугал осел — досталось седлу».

Слова старика снова подняли улегшиеся страсти «безумца».

— В нашей стороне, — ответил он, — есть другая поговорка о турках; «Пока не побьешь турка, он не подружится с тобой». Я не отличаю Томаса-эфенди от турок и очень сожалею, что не избил его, хотя вовсе не желаю его дружбы.

Морщины на лице старика сдвинулись сильнее — ответ Вардана не понравился ему. Но лицо Степаника, стоявшего тут же, просияло, и это не ускользнуло от глаз Вардана. Он с нежностью взглянул на Степаника и подумал: «Вот единственное существо в этом доме, которое сочувствует мне».

— Вы сами позволяете таким низким негодяям чинить над вами насилие — продолжал Вардан разгораясь — потому что терпите все их злодеяния, стараясь их не замечать. Я еще могу понять турка и курда, когда они грабят и убивают армян — так поступали они веками, — для них это своего рода потребность, без которой они не проживут. Но если армянин поступает с соплеменниками хуже, чем турок и курд, это уж последнее дело. Все это я и сказал эфенди в лицо, и он не знал, что ответить.

— Я поступил был с ним похуже, — вмешался Айрапет, — но отец всегда советует нам молчать и быть осторожными... «Настанет день свободы... нужно терпеть», — говорит он. — Не знаю только, до каких пор терпеть?..

— До второго пришествия, — насмешливо оказал Вардан, — но, увы, до того времени не останется ни одного армянина, который мог бы видеть себя свободным; к тому времени все будет отуречено.

— Терпение — жизнь... — начал старик тоном проповеди. — Наши священники и монахи так учили нас. Настанет день, когда бог вспомнит своих заблудших овец... Надо терпеть, дети. Терпение — жизнь...

— Терпение — смерть, — раздался неожиданно голос Дудукджяна. Лицо его еще больше побледнело, и бескровные губы дрожали. — Терпение — смерть! — повторил он возмущенным тоном. — Человек привыкает к терпению только в могиле... Это терпение, свойственное также евреям, ведет нас к гибели. Евреи долго терпели всякие гонения в ожидании Мессии, который должен был возродить Иерусалим и вернуть ему былое величие — и они ждут его прихода до сего времени. Но у нас нет и такой надежды, так что непонятно, чего мы ждем!.. Наши священники и монахи проповедуют нам терпение... — продолжал он, — а между тем, кто, как не они, довели нас до этого рабского состояния! Если есть что-нибудь, что может спасти народ от эксплуатации и угнетения, так это протест, в каком бы виде он ни проявлялся. Недовольство и стремление к лучшей жизни — вот что может избавить нас от рабства. Но терпение душит, убивает все эти хорошие стремления.

Старик ничего на это не ответил. Вардан и Айрапет дружески пожали руку молодого человека. Остальные же сыновья Хачо, ничего не поняв, решили: «Еще один чудак»...

Хачо приказал приготовить для гостей постель и, пожелав им спокойной ночи, ушел вместе с сыновьями. Одна из невесток с закрытым лицом вошла в комнату и начала готовить постель для гостей.

В комнате горел еще огонь. Гости улеглись, но долго не спали. Дудукджян докуривал сигару. Вардан заметил ему:

— Друг мой, ваш язык для них непонятен. Едва ли здесь вам удастся что-нибудь сделать. Для того, чтобы говорить с народом, нужно знать сотни его басен и притч. Христос сделал больше своими притчами, чем проповедями.

— Да, я не изучил языка народа... — ответил Дудукджян и умолк.

XVIII

В приемной, где разместились гости, распространяя слабый свет, догорала свеча. Вардан долго не мог заснуть, так как был очень взволнован впечатлениями дня. Он вспоминал о равнодушии сыновей старика к своим словам и к словам нового друга; он удивлялся тому подозрению, с которым они отнеслись к благородному и пылкому гостю. Сердце его волновали два чувства: любовь к угнетенному крестьянину и любовь к Лала, бывшей тоже в нравственной неволе.

Он взглянул на спавшего Дудукджяна. Слабый свет догоравшей свечи освещал его бледное, страдальческое лицо, черты которого говорила о сильном характере. Спал он беспокойно. По временам его пересохшие губы шевелились и слышались отрывочные фразы на французском и армянском языке. «Крестьяне... час настал... Кровью своей вы должны купить свою свободу... настоящее. Будущее... принадлежит нам. Храбрецы, докажите, что железная палка турка... не совсем убила в вас жизнь и чувство свободы... Огнем и мечом должны мы добыть свое спасение... Вперед, храбрецы...»

— Несчастный! — сказал Вардан, покачав головой. — Видно, зачитался. В жалкой лачуге армянского крестьянина он воображает, что находится на парижских баррикадах и держит речь. Бедняга.

Вдруг Вардан услышал песню, печальными переживаниями звучащую в ночной тишине. Он узнал этот голос и вышел из комнаты.

В эту ночь в доме Хачо все опало крепким сном. Только Лала не могла уснуть. Она оделась и тихонько вышла из дома. Она осторожно, тихо прокралась через проходную комнату и очутилась во дворе. Собака залаяла. «Цыц», — сказала Лала едва слышным голосом, и та замолкла.

Свежий, холодный воздух весенней ночи освежил ее возбужденное лицо. Она прошла в сад и скрылась за деревьями. Здесь было темно, и никто ее не мог увидеть. Лала уселась на траву и стала глядеть на небо. Луны не было видно. «Где она? Спит, вероятно», — подумала девушка. Кругом царила глубокая тишина, даже листья на деревьях не шевелились. Все отдыхало — и ветер, шевеливший ветви деревьев, и река, притаившаяся в ночной тишине.

Лала вспомнила песню, слышанную от бабушка, и запела ее.

Дремлет тихо месяц на глубоком небе.
В гнездышке уютном птичка мирно спит,
Ласточка-певунья смолкла, утомилась,
И волной речною ветер не шалит.
Почему не в силах, матушка, уснуть я?
Не дается сон мне, все бежит он прочь!
Что меня так мучит, сердце что так гложет,
Что, скажи, волнует душу в эту ночь?

Окончив песню, Лала опустила голову на колени и, закрыв лицо руками, горько заплакала. Слезы полились ручьем из ее прекрасных глаз. Она сама не понимала, отчего ей так грустно. Быть может, вспомнилось ей, что она не знала матери, не слышала ни одного ее слова.

Слезы успокоили Лала. Она подняла голову, посмотрела вокруг, и взгляд ее остановился на могилке, защищенной четырьмя тенистыми деревьями. Это была могила сестры — Сона. Лала не знала сестры, но ее печальную историю слышала не раз. Покойница считалась святой среди невежественного населения, и очень часто на ее могилу приводили больных и страждущих. Каждую субботу, по приказу старика, здесь зажигали свечу. В эту ночь тоже мерцала свеча, бросая бледный свет на белую могилу.

Лала в ужасе смотрела на свечу. Разгоряченное воображение живо представило ей

печальную историю сестры. Вместо могилы она видела черный шатер курда в глухом ущелье гор. В шатре сидела Сона, лицо которой выражало ужас и отчаяние. В руках она держала чашу с ядом и то подносила ее к губам, то отстраняла. Долго выбирала она между смертью и жизнью. Вот подошел к ней курд — ее похититель; Сона поднесла чашу с ядом к губам, перекрестилась и выпила...

Глаза Лала были устремлены на белую могилу Сона, но воображение рисовало уже другую картину: перед ней предстали хитрое, наглое лицо Томаса-эфенди и дикое разбойничье лицо Фаттах-бека. Девушка задрожала всем телом. Знала ли она, что готовили ей эти люди? Нет, но она инстинктивно опасалась их.

— Нет! — громко вскричала она, — я не пойду к Сона, я боюсь смерти...

В этот момент чья-то рука нежно легла на ее плечо и послышалось ее имя: «Лала» Девушка не сразу очнулась.

— Лала, — повторил голос. — Я не пущу тебя к Сона... я спасу тебя...

Обернувшись, она увидела Вардана. — Да, спаси меня, — дрожа всем телом заговорила она, — спаси, уведи меня в другой край... здесь очень плохо...

Молодой человек сел рядом с ней. Оба молчали, от волнения не находя слов. Лала находилась еще под впечатлением созданных воображением картин, наведших на нее ужас. Вардана мучил вопрос, почему эта невинная, неопытная девушка так горячо умоляла увезти ее в чужой край, когда здесь ее так любили?

— Чем плох этот край? — спросил он.

— Плох, очень плох! — ответила она. — Видишь эту могилу? Знаешь, кто там лежит?

— Знаю...

— Известно ли тебе, какой смертью умерла она?

— Известно...

— Я не хочу умереть так, как умерла Сона. Вардан, я боюсь яда... боюсь могилы...

Глаза ее снова наполнились слезами.

— Лала, почему ты думаешь, что тебя ждет судьба Сона? — спросил молодой человек, взяв ее за руку. — Это был печальный случай, который бывает не со всеми девушками. Зачем думать, что то же самое ждет и тебя?

— Я об этом думала... всегда боялась и была настороже с того дня, как начала понимать, почему меня одели мальчиком... Здесь быть девушкой — значит быть наказанной богом, особенно, если девушка недурна... Послушай, Вардан, была у нас девушка соседка, славная такая, я ее очень любила. Мать постоянно била ее за то, что она родилась красивой и хорошела с каждым днем. «Ты, говорила ей мать, непременно принесешь несчастье на нашу голову». И Наргис, так звали ее, плакала каждый день. Мать не позволяла ей ни умываться, ни причесываться, и ходила Наргис совершенно ободранная. Но все-таки курды похитили ее. На днях я встретилась с ней. Ах, как она бедняжка подурнела... Она сказала мне: «Степаник, очень плохо быть женой курда», — и заплакала...

При этих словах заплакала и сама Лала. Потом, немного успокоившись, спросила:

— Вардан, ты ведь увезешь меня отсюда?

— Увезу, будь спокойна.

— Увези скорее. Бели пожелаешь, я хоть сейчас пойду с тобой, куда захочешь!..

— Потерпи несколько дней, лала, пока я поговорю об этом с отцом.

Сидя в темноте, они долго беседовали, пока печаль не уступила место чувству любви.

XIX

После бессонной ночи Вардан проснулся поздно. Его несколько бледное лицо сияло радостью.

Дудукджяна в комнате он не нашел, его дорожная сумка лежала в углу. «Куда он ушел?» — подумал Вардан. С первого же дня знакомства с Дудукджяном Вардан видел в нем неопытного юношу, которого нужно было беречь и опекать.

Сыновья Хачо ушли в поле. Сам он отправился вслед за ними. Женщины хозяйничали. Все были заняты делом, за исключением Айрапета, который хотел повидаться с Варданом. Он надеялся услышать от него что-нибудь относительно Лала и поговорить о ней. Другие же братья, кроме Апо, не думали больше о Лала и почти забыли об угрожавшей ей опасности. Они оставили сестру на волю судьбы, повторяя: «Что богом определено, то и будет». Отец же ничего еще не знал об этом и хотел лишь удостовериться в прошлом Томаса-эфенди, которого все еще считал будущим женихом Лала.

Когда Айрапет вошел в комнату, Вардан спросил его:

— Куда ушел мой новый друг?

Поняв, что речь идет о Дудукджяне, Айрапет ответил:

— Странный какой-то твой друг! Поднялся до восхода солнца, надел высокие сапоги и, взяв свой посох, ушел, даже не позавтракав. На наш вопрос, куда идет, он только кивнул нам головой.

— И куда же он направился? — спросил Вардан беспокоило.

— Да не знаю... Я видел его в деревне, он остановил оборванную босую девушку, которая шла за водой, и спросил ее, почему она так плохо одета. — «Ведь в твои годы непристойно так одеваться». Девушка ответила, что она дочь бедных родителей. Тогда Дудукджян вынул из кошелька золотую монету и отдал ей. Я думаю, это были его последние деньги.

— Вполне возможно, — ответил Вардан задумчиво. — А потом куда он пошел?

— Потом он подошел к группе крестьян, которые только вышли из церкви и говорили между собой о новых налогах. Дудукджян вмешался в разговор и начал объяснять им, что они платят правительству больше, чем следует, и что вообще они мало думают об общественных делах. Говорил он много о приходских школах для мальчиков и девочек, о каком-то товариществе, которое поможет крестьянину, о каких-то кассах, откуда всякий мог бы взять деньги за небольшой процент... Да о чем только он не говорил!

— Что же отвечали ему крестьяне? — спросил с любопытством Вардан.

— Крестьяне посмеялись над ним, побормотали что-то, и никто ничего не ответил. Один из них только заметил своему товарищу: «Чудак какой-то! Хент!».

— Слава богу, не один я чудак, — сказал Вардан смеясь. — Я думал, что только меня называют чудак. — Дальше?

— Потом один из крестьян пригласил его в трактир, на рюмку водки, Дудукджян принял приглашение, и они вошли в трактир. Там сидело много пьяных... Дудукджян начал угощать их всех, но сам ничего не выпил. Он заговорил опять о положении крестьян и о причинах их страданий — говорил отец горячо и много. Я даже расчувствовался от его слов. Но крестьяне слушали равнодушно. Один из них начал расспрашивать Дудукджян а — какую он занимает должность, какой имеет чин, и когда узнал, что он не служит, грубо заметил: «Чего же ерунду болтаешь!..»

— Да, чтобы повлиять на эту массу, нужно быть непременно мюдиром, каймакамом или же мюльтезимом, вроде Томаса-эфенди. Какое значение имеет в их глазах обыкновенный образованный человек!.. — сказал Вардан грустно. — Ну рассказывай, рассказывай... Это интересно.

— Я взял его за руку, — продолжал Айрапет, — и почти силой вывел из трактира, опасаясь скандала. На улице он мне сказал: «В таких местах скорее и ближе можно изучить народ, — пьяный бывает откровенен и легче открывает свою душу»... Мы продолжали идти по деревне. Через плечо Дудукджяна висела сумка с какими-то книжками; он раздавал их всем встречным. Некоторые из крестьян отказывались, говоря, что они неграмотные, а другие брали книжки, хотя тоже не умели читать. Одного из них я спросил, зачем он берет ее, если не знает грамоты. «Бумага пригодится дома, может понадобится матери на табак», — ответил он. Лицо Вардана стало еще печальнее.

— Нет ли у тебя одной из этих книжек?

— Есть, я взял две штуки.

Вардан взял одну из них, просмотрел и возмущенным тоном сказал:

— Распространять такие книжки среди темного народа — какая глупость!.. Куда же он пошел потом?

— Мы вместе вышли из деревни, но он попросил меня оставить его. Мы расстались. Дудукджян направился в ближайшую деревню. Я долго смотрел ему вслед. Он шел быстро, точно его там ждали. Клянусь, что он сам не знал, куда шел, и все время менял дорогу, — произнес Айрапет несколько насмешливым тоном.

— Он, дорогой Айрапет, — возразил Вардан, — может быть, незнаком с тропинками ваших гор, но зато, уверяю тебя, он опытный проводник в общественных делах.

— Я тоже так думаю, — ответил Айрапет, сожалея о своей насмешке. — Видно, он много читал и много знает.

— Кроме этого, он благороден.

Но Айрапета не очень интересовал незнакомый юноша: он искал повода поговорить с Варданом о своей сестре. После рассказа Сары о любви Вардана и Лала Айрапет все время ждал, что Вардан откроет ему свою душу, так как для Вардана в этом доме Айрапет был самым близким человеком.

Но Вардан в эту минуту как будто забыл Лала и после рассказа Айрапета о Дудукджяне погрузился в глубокую думу. Потом он поднялся, чтобы уйти.

— Куда спешишь? — спросил его Айрапет.

— Пойду разыскивать Дудукджяна, — ответил он, — ты напрасно оставил его, он неопытен и неосторожен. Они вышли вместе.

— Пойдем в конюшню, — сказал Вардан, — уже несколько дней я не видел моих лошадей.

Вардан и Айрапет направились к конюшне. Проходя через двор, Вардан заметил Лала, которая умывалась у ручейка, текущего через их двор. Видно, она только что встала.

— Доброе утро, Степаник, — сказал Вардан издали.

Лала ничего не ответила и только кивнула ему, как-то таинственно улыбнувшись.

В конюшне стояло три лошади: одна Вардана, а две другие — его слуг Сако и Его — двух дюжих молодцов, преданных помощников Вардана.

— Сако, — обратился Вардан к одному из них, — сегодня нужно подковать лошадей и приготовить все в дорогу. Мы недолго останемся здесь.

Отдав это распоряжение, он подошел к лошадям посмотреть, отдохнули ли они настолько, чтобы в одну ночь пройти трехдневный путь.

Затем он приказал оседлать своего коня, вскочил на него и спросил Айрапета;

— В какую сторону отправился Дудукджян?

Айрапет указал рукой, и Вардан погнал лошадь.

Когда он удалился, Айрапета охватили печальные думы.

«Зачем он велел подковать лошадей? Что за приготовления? Неужели он уедет, не поговорив о Лала? И, наконец, почему он так взволновался, услышав о ребяческих выходках Дудукджяна?» Возвращаясь домой, он встретил свою жену, которая шла со скотного двора, держа в руке кувшин для молока.

— Ничего не сказал тебе Вардан? — спросила Сара, остановившись и поставив подле себя кувшин.

— Нет, не сказал, — ответил Айрапет печальным голосом, — он теперь какой-то скрытный.

— Я все уже знаю, — весело сказала Сара, — садись, расскажу тебе.

Супруги сели на повозку, стоявшую посреди двора.

Сара рассказала мужу все, что поведала ей Лала о своем ночном свидании в саду с Варданом. Лала не скрыла ничего, сообщив все подробности этого свидания. Вардан обещал поговорить с отцом и, если он не согласится, тайком увезти ее.

— Так вот для чего он приказал слугам приготовить коней! — оказал Айрапет, прикусив палец.

— Что ж, пусть увезет, — ответила Сара. — Если он не увезет Лала, то ее похитит негодный курд.

— Я ничего не имею против Вардана, — ответил Айрапет.

XX

Целый день ходил Вардан по деревням, разыскивая Дудукджяна. На его расспросы отвечали, что видели молодого человека в высоких сапогах, в европейской одежде, в широкополой шляпе, с посохом в руках и сумкой через плечо. И все в один голос называли его «хентом».

Под вечер Вардан вернулся в дом Хачо, так и не разыскав Дудукджяна.

Один из пастухов Хачо рассказал Вардану, что он видел приезжего господина в соседней деревне, где его окружили крестьяне-турки и били. Узнав в нем гостя своего хозяина, он спас его от остервеневших турок.

— Я ждал этого... — проговорил Вардан тихо и спросил:

— За что же его били?

— Не понял я, в чем было дело, — ответил пастух. — Хотел было посадить его на осла и проводить домой, но он отказался, говоря: «И пешком дойду». — Как он дойдет, когда ему все кости переломали?

Это известие очень огорчило Вардана; он знал силу палки турецкого крестьянина, в особенности, если она обрушивалась на армянина.

— Где ты оставил его? — спросил он.

— На полдороге. Он шел, едва передвигая ноги.

Только зажгли огни в доме, как явился Дудукджян, усталый и в грязи с ног до головы. Вардан ожидал, что он сейчас же расскажет о побоях крестьян, но Дудукджян даже не намекнул об этом, только на лице его было написано глубокое отчаяние.

Дудукджян улегся в углу комнаты, подложив руку под голову.

— Не одолжите ли мне табаку? — спросил он Вардана, — у меня весь вышел.

— Сейчас, — ответил Вардан и подал ему табачницу.

Дудукджян дрожащими руками скрутил папироску и закурил.

— Настоящий сфинкс, чистая загадка этот народ! — говорил он словно сам с собою. — Как ни ломай голову, как ни изучай его, все же не узнаешь, каков он. Этот народ или не имеет истории или же уродливый продукт ее.

Он замолчал и начал пускать изо рта густые клубы дыма, точно хотел вместе с дымом рассеять тоску, давившую душу.

Вардан тоже молчал и смотрел на взволнованного юношу глубоко сочувствующим взглядом. Он напоминал Вардану бабочку, которая, кружась вокруг свечи, старается потушить огонь своими крылышками.

В комнату вошел Хачо, а вслед за ним собрались и его сыновья. Наступили сумерки. Все сели за ужин, Крестьянин ужинает рано, чтобы пораньше лечь и пораньше встать на работу.

За ужином Дудукджян немного выпил, и дурное расположение духа сменилось весельем. Он даже пропел известную песню Тагятянца²² «Господь, храни армян». А когда убрали со стола, обратился к старику:

— Прикажете запереть двери, чтобы нам не помешали. Я должен сказать вам нечто важное.

Старик удивился, однако приказал одному из сыновей запереть двери. Все замолчали, ожидая что скажет гость.

— Скоро начнется война между русскими и турками. Знаете вы об этом? — спросил он.

²² Месроп Тагятянец — армянский поэт начала XIX в.

— Нам ничего не известно, — ответили ему в один голос Хачо и сыновья.

— А я знаю, — сказал Вардан, — в нашем краю русские делают большие приготовления.

Это известие как громом поразило старика. В своей жизни он не раз был свидетелем битв между турками и русскими и не забыл еще их ужасных последствий для армян. Айрапет же понял теперь цель приготовлений Фаттах-бека, о которых недавно говорила Саре жена бека.

— Да, война будет, — с горечью проговорил Вардан. — «Конь и мул подерутся, а погибнет осел».

— Верно, — заметил Айрапет, — ужасы войны разнесут, уничтожат армян нашего края.

— Это я знаю... — сказал старик, и голос его оборвался.

— Послушайте, — начал Дудукджян (он старался говорить на более простом и понятном для них языке). — Эта война не будет похожа на те войны, какие бывали между турками и русскими. Затевается она совсем с другой целью. Вы не читаете газет, а потому, конечно, не можете знать, что творится в другой части света, на Балканском полуострове. Там тоже живут христиане, которые, как и мы, подданные турок, и так же, как и здешние армяне, веками страдают от их варварства. Но они не могли снести этого, как наши армяне; они восстали и вот уже больше года дерутся с турками, что бы свергнуть тяготеющее над ними иго. Сначала они побеждали, потом потерпели поражение, понесли большие потери, наконец вмешались русские и, во имя освобождения христиан, заступились за них. В Константинополе собрались представители европейских держав и подняли вопрос о свободе и правах балканских славян, но соглашение не состоялось, и собрание разошлось без всяких результатов. А теперь русские решились силой оружия принудить Турцию принять те условия, которых она не хотела принимать для освобождения подданных ей христиан.

Хотя весть об этой войне распространилась повсюду — здесь об этом слышали впервые, потому все слушали Дудукджяна с большим удивлением. Крестьянин не знает, что творится дальше своей губернии. Здесь только было известно, что турки с кем-то воюют, но с кем и почему — никто не знал. Да и об этом они знали лишь потому, что налоги и подати требовались строже и больше, чем прежде; сборщики то и дело повторяли: «Нынче правительство готовится к войне, вы должны помочь».

— Русские воюют теперь за свободу христиан — турецких подданных, — продолжал Дудукджян. — Не забывайте, что из всех христиан, подвластных туркам, наиболее угнетены, измучены армяне. Вам это лучше известно — вы на своей шкуре испытали варварства турок. Значит, пора, чтобы и армяне подумали о своем освобождении.

— Зачем нам думать об этом? — ответил старик Хачо, — сам же ты говоришь, что русские будут бороться за освобождение христиан. Помоги им господь! Они придут и спасут нас тоже.

— Так-то так, но не забывайте, что «пока дитя не заплачет, мать не покормит его», — вмешался Вардан. — Армяне своим молчанием, своим терпением и благими надеждами на будущее ничего не добьются. Армяне должны протестовать.

— Да, должны протестовать! — повторил Дудукджян, — и так, как это сделали христиане славяне...

— Хотите сказать, что и армяне должны бороться? — перебил его старик.

— Да, хочу сказать именно это. Теперь такой порядок в мире, да и всегда было так: кто не умеет владеть оружием, кто не способен проливать кровь и убивать врагов, тому говорят: «Ты не имеешь права быть свободным». Значит, если армяне желают добиться чего-нибудь и хотят быть свободными, то должны доказать, что и они не лишены храбрости, что и они умеют сражаться. А теперь самый удобный момент для этого.

Старик горько усмехнулся.

— Чудак! Чем же они докажут свою храбрость и способность сражаться? Ведь турки не оставили армянам даже ножа, чтобы зарезать курицу.

Дудукджян не знал, что сказать. Но старику ответил Вардан.

— Лишь бы были борцы, а оружия я достану, сколько хотите. Вам известию мое занятие: я контрабандист, Я знаю, откуда можно провезти оружие.

— Одного оружия мало, — заговорил старик, — можете ли вы дать здешним армянам то сердце, ту храбрость, какая есть у христиан, что дерутся теперь за свободу? Что может сделать оружие в руках порабощенного народа!

— Нельзя так судить о народе, старшина Хачо, — перебил его Дудукджян, — наш народ не потерял еще ни сердца, ни храбрости. Нужен только толчок, нужен момент, чтобы в нем проснулись силы. Теперь самое удобное время: русские будут воевать с турками, пусть восстанут и армяне. Тогда, я уверен, русские окажут нам всяческую помощь.

Сыновья Хачо молча слушали, никто не вмешивался в разговор. Наконец Аго, тот, который был не прочь выдать Лала за бека, для того чтобы приобрести в его лице сильного защитника, — Аго, слушавший с неудовольствием отца и молодого гостя, обратился к Дудукджяну.

— Братец, от тебя пахнет кровью... Мы не хотим ни твоего добра, ни твоего зла. Завтра же рано утром собери свои пожитки и уходи из нашего дома. Неровен час, ты втянешь нас в какую-нибудь историю...

Старик Хачо прикрикнул на сына, и, обратившись к Дудукджяну, сказал:

— Ты не обижайся на него. Он не понимает, что говорит. Слушай-ка меня. Я ничего не читал и не знаю, что делают другие народы в своих краях, но как земледелец скажу одно: мы, крестьяне, не сеем, пока не вспашем, не удобрим и не подготовим земли, — без этого семя не пустит ростка, не зазеленеет, а высохнет. То же самое говорил и Христос — я это слышал много раз в церкви во время чтения святого Евангелия. Теперь, сын мой, почва еще не готова, я хочу сказать, что народ не подготовлен. Нужно было двадцать, тридцать, а может и пятьдесят лет назад подготовить почву. Если б это было сделано, то теперь наши семена упали бы на благодатную почву, взошли бы, созрели и принесли сам — сто, сам — тысячу. А в один день ничего не может совершиться. Мы ведь знаем, что растение выносит и холод и тепло, пока созреют плоды: то ветер не дает ему покоя, то град или снег уничтожают его, а иногда достается ему и от палящих лучей солнца, одним словом, посев, только пройдя тысячи опасностей, дает обильный урожай... Вот так же семя, посеянное в сердце народа, должно еще полежать, пережить целый ряд невзгод, прежде чем дать плоды...

— Очень хороший пример! — воскликнул Дудукджян. — Я совершенно согласен с вами. Но есть еще одно обстоятельство, которое следует принять во внимание. Я тоже буду сейчас говорить с вами языком земледельца, так вам будет понятнее. Оставьте хоть раз без расчистки от бурьяна ваши посевы, и вы увидите, что дикие травы разрастутся, размножатся и, задушив посев, займут его место, а посеянные вами растения пропадут. Не есть ли это своего рода борьба, где сильный побеждает слабого? Во всякой породе растений замечается такая борьба, каждое растение старается уничтожить другое, чтобы обеспечить свое существование. Кто лишен способности соперничать в этой борьбе, тот лишается жизни. Эту способность иначе называют самозащитой. Учитель ее — сама природа. Она дала всем существам, имеющим возможность расти и размножаться, и способность к борьбе — конечно, одним больше, другим меньше. Все живое — деревья, травы, животные и люди имеют эту способность. Только камень, высохшее дерево и другие мертвые тела не могут защитить себя. Где жизнь, там и эта естественная борьба. Это борьба за существование, в которой всякое существо не только старается сохранить свою жизнь, но и стремится уничтожить своего врага, чтобы расти без всяких препятствий...

Теперь, я думаю, вы понимаете мою мысль, — продолжал молодой гость. — То, что совершается в мире растений и животных, повторяется и среди людей. Здесь та же борьба, но более сильная и многообразная. В зависимости от культуры и характера народа меняется и оружие самозащиты. (Говоря оружие, я не имею в виду только меч и ружье; ремесла, науки — то же оружие, посредством которых один народ соперничает с другим). Дикие народы имеют только одно оружие — меч. Этим оружием борются с нами курды и турки. Закон

самозащиты велит нам отвечать неприятелю тем же оружием, которым он убивает нас. Было бы глупо с моей стороны требовать большего — того, к чему не способен наш народ. Я не желаю этим сказать, что мы должны взять в руки оружие для уничтожения курдов и турок, чтоб на земле наших дедов жили только мы одни. Я говорю лишь то, что мы должны учиться самозащите, чтобы враги нас не уничтожили. В этом есть значительная разница.

— Я понимаю все, что ты говоришь, — перебил Хачо Дудукджяна, — но все же должен повторить то, что сказал раньше: наш народ не может сразу сбросить с себя ярмо рабства, изменить свой характер и взять в руки оружие. Такие перемены совершаются не в один день. Вы, жители столицы, должны были начать это дело давным-давно, вы должны были научить нас бороться, а теперь, во время этой христианской войны, собирать плоды посеянных семян. А вы не подготовили нас. Вы спокойно сидели в Константинополе, а теперь пришли и говорите, чтобы мы взялись за оружие и защищали себя от турок и курдов. Кто вам поверит, что это возможно?

— Вы правы. Мы, константинопольцы, были ленивы и беззаботны, мы не подготовили вас, — ответил Дудукджян спокойным голосом. — Но я говорю не о том, что армяне потеряли чувство свободы, свою честь и гордость. Воспитать эти качества была задача наша, константинопольцев. Я говорю только о самозащите, а для этого не нужно обладать культурой и развитием. Чувство самозащиты присуще даже животным и растениям. Так неужели армяне своей неподвижностью подобны камню и дереву!

XXI

По уходе старика Хачо и его сыновей Вардан и Дудукджян остались одни.

— Действительно, почва не готова... — заметил Вардан, глядя на бледное и грустное лицо константинопольца.

— Кто же виноват в этом? — спросил Дудукджян с горечью, и в сердце его точно что-то оборвалось от сильного волнения. — Старик очень умен. Он гораздо умнее нас, глупых книжников. Он верно заметил, что подготовка народа была обязанностью константинопольцев. Но что же мы сделали? Ничего... Мы вовсе не заботились об этом, не интересовались современной Арменией и ее трагедией, а восхищались только ее исторической славой. Мы не знали настоящей Армении и не думали об этом. Мы знали ее только по описаниям древних историков и воображали, что на этой земле титанов живут еще Тиграны, Арамы, Ваагны, Варданы и великие Нерсесы²³. Воображение рисовало нам многолюдные города, где процветают ремесла и торговля, где армянин пользуется всеми благами природы, добывал их своими руками. Мы думали, что в Армении есть богатые деревни, устроенные рукой земледельца армянина, и его хлебные поля наполняют амбары своими продуктами. Мы были уверены, что большинство населения страды составляют армяне, которые живут спокойно и счастливо на своей родной земле. Но мы не знали, что целые армянские провинции опустели от армян — они либо погибли в нужде, либо насильно обращены в магометанство. Мы не думали, что вместо живого армянина найдем живые трупы или обширные кладбища. Нам неизвестно было то, что религия — эта основа национальной жизни, по нашему мнению, — разрушена, и остались только жалкие развалины великолепных церквей и монастырей. Мы не знали, что наш язык, святое наследие предков, исчез с уст армянина, который теперь говорит по-курдски и по-турецки. Нам было также неизвестно, что большая часть храбрых, диких курдов, которые ныне божья кара и напасть для армян, лет пятьдесят — сто назад были нашими братьями по крови, говорили на нашем языке и молились в наших церквах. Одним словом, мы ничего не знали и о нынешней Армении имели самое смутное понятие. Нам неизвестно было и то, что жалкие обломки нашей нации в силу печальных условий жизни под тяжелым гнетом рабства так

²³ Армянские цари и исторические герои.

измельчали, изуродовались, что, потеряв свои хорошие качества, приобрели низкий, малодушный, трусливый и мстительный характер...

Вардан слушал с любопытством. Дудукджян продолжал:

— Между тем в наших руках были все силы; мы могли совершить большие дела. У нас был патриарх — глава народа, который думал только о спасении души. У нас происходили совещания представителей национального собрания²⁴, которое занято было пустяками и интригами. Наша учащаяся молодежь оглашала песнями берега Босфора в годовщину национального собрания, вовсе не думая о том, что в это время на их родине проливалась кровь. Мы имели прессу, которая не обращала внимания на судьбу своих соотечественников, а всегда была занята интересами других народов. У нас были школы, которые не дали Армении ни одного дельного учителя. У нас был театр, который не показал нам ни одной картины из жизни несчастных армян, а потчевал общество отбросами произведений французской стряпни. Наши национальные вожди лицемерили перед требованиями Высокой Порты²⁵ и думали только о своей славе. У нас была финансовая сила, но золото украшало дворцы амира, а на благосостояние народа не расходовалось ни гроша. Одним словом, мы держали в наших руках руль прогресса нации как бы для того, чтобы вести нацию к гибели.

Только теперь мне стало ясно, что наши намерения — одно только донкихотство, — продолжал Дудукджян. — Можно ли было ожидать иное? Целые десятилетия в бездействии сидеть в Константинополе, не исследовать жизни Армении, не знакомиться с нуждами и требованиями народа, не готовить его для лучшего будущего и вдруг явиться к нему и предложить оружие для самозащиты — это едва ли могло привести к чему-нибудь! Все же я не падаю духом; вера моя еще не пошатнулась. Быть может, я и мои товарищи погибнем в тяжелой борьбе, но эта гибель откроет путь нашим последователям, они пройдут вперед по нашим трупам...

Вардан, взволнованный до глубины души, бросился к Дудукджяну, обнял его и, расцеловав, сказал:

— Такое дело требует жертв... Честь и слава тому, кто будет в нем первым!

Было уже за полночь. Постели друзей были постланы, но они долго не могли уснуть. Дудукджян продолжал осуждать константинопольскую молодежь за беспочвенные мечты, критиковал духовенство.

— Если б десятая доля затрат на церкви и монастыри была отдана на устройство школ, то Армения была бы спасена...

Вдруг кто-то тихо постучался в дверь. Вардан открыл дверь. В комнату вошли Айрапет и Апо — два брата, не похожие на остальных сыновей Хачо.

— Мы явились в такое позднее время, чтобы нас не заметили, — сказал Айрапет усаживаясь. — Не помешали вам?

— Нисколько, — ответил Вардан, — мы не могли уснуть и разговаривали. У вас, никак, все спят?

— Все, — ответил Ало. — Только отец что-то кашляет и ворочается в постели, а когда он кашляет, значит, думает о чем-то.

И Вардан и его товарищ догадались, что братья пришли в такой поздний час не даром, и ждали, чтобы те высказались.

— Мы не могли говорить с вами при отце и братьях, — начал Айрапет серьезным тоном. — Мы хотим вам сказать, что сочувствуем вам и готовы служить во всем, в чем вы найдете нас пригодными.

²⁴ Армянское национальное собрание, утвержденное турецким правительством в мае 1860 года, состояло из духовных и светских представителей народа; усмотрению собрания подлежали вопросы церковные и народные. (Прим. пер.).

²⁵ Высокая Порта — турецкое правительство.

Холодное лило Дудукджяна просияло радостью. Так радуется миссионер, когда ему удастся приобрести новых верующих, и он видит в них первых овец будущего стада обращенных.

— Не надо думать, — продолжал Айрапет, — что у здешних армян нет сердца и души и никаких стремлений к свободе. Но есть у них одна плохая черта. Каждый армянин в отдельности осторожен, рассудителен, нерешителен и не имеет своей воли. Он всегда ждет примера и пойдет за тем, кто его покажет. Пример, и особенно пример удачного дела, оказывает на него громадное влияние. Но он не интересуется жизнью людей чуждых ему стран и не следует их примеру, а непременно ждет его от армян. Значит, мы будем первыми, и я уверен, что за нами последуют многие. Я знаю хорошо наш народ; он так сильно исстрадался, что при первой возможности готов растерзать турка и курда. Сердце его переполнено тайной ненавистью к ним.

Вардан и Дудукджян с радостью слушали Айрапета. Это был голос народа.

— Счастлив народ, который умеет ненавидеть! — воскликнул Дудукджян восторженно. — Тот, кто не умеет ненавидеть, не может и любить.

— Отец мой говорит, что почва не готова, — продолжал Айрапет. — Он человек не глупый и очень добрый, но его умные советы и осторожность доходят до крайности. Своим терпением он довел нас до отупения, и мы закоснели в неподвижности... По-моему, в нашем положении смелость, самоуверенность и дерзость, пусть даже сумасбродство, сделают больше, чем холодные и глубокие размышления.

— Да, «пока умный думает, хент переходит реку», — ответил Вардан смеясь.

— Это верно, — подтвердил Дудукджян. — Очень часто умных подводит их собственный ум, и они тогда только понимают свою ошибку, когда видят, что сумасброд и безумец опередили их. Было время, когда наши рассудительные константинопольцы считали более удобным и выгодным для армян находиться под управлением невежественных турок, чем под властью какого-нибудь цивилизованного правительства. Они думали, что цивилизованное государство своим высшим культурным развитием может поглотить и уничтожить армян, между тем как армяне при своем уме могли бы пользоваться глупостью турок, соперничать с ними в борьбе за существование и выйти победителем. Этот вывод теоретически верен, но лучшие философские теории очень часто оказываются неверными в применении к жизни. История имеет свои неправильности.

— Если великая цивилизованная нация уничтожает мелкие народности, — продолжал Дудукджян, — то же самое может сделать относительно своих подданных и нецивилизованная. Разница только в способах борьбы: одна убивает варварскими средствами, другая — культурными. Скажу яснее. Никто из нас до сих пор не понимал тайной политики турецкого правительства в отношении армян. Каждый из нас с недалекостью ребенка повторял: «Будущность наша в Турции». Мы смотрели на совершающиеся несправедливость, беззакония и варварства как на явления случайные, вовсе не подозревая, какая дьявольская махинация скрывалась за ними. Мы видели только, как эксплуатировали, убивали нас, заставляли силой принять магометанство и как соседними варварскими племенами совершались другие злодеяния. Мы не знали, что все эти безобразия совершались по тайному наущению, не знали, что все это делалось с высшего разрешения. Мы обвиняли правительство только в слабости и беззаботности, в неумении сдерживать страсти своих диких подданных. Но мы не понимали, что сами чиновники правительства возбуждали варваров против армян, чтобы уничтожить христианский элемент в стране. «С какой целью?» — спросите вы меня.

— Турция хорошо поняла, что если в один прекрасный день она лишится своих европейских и азиатских владений, то причиной этому будут местные христиане. Она поняла, что раз в ее владении будут находиться христиане, то это всегда даст повод другим государствам вмешиваться в ее дела и снова поднимать «восточный вопрос». Вследствие этого, дабы не лишиться своих владений и оградить себя от вмешательства других христианских держав, Турция принуждена уничтожать христиан, из-за которых она потеряла

уже некоторые провинции в Европе, и вот-вот отымут у нее и остальные. Что же касается азиатских владений, то там уцелела только лишь Малая Азия, в которой единственная христианская нация, угрожающая спокойствию Турции — армяне. Следовательно, чтобы успокоить европейские державы, нужно показать им, что в Армении нет армян. Для исполнения этого плана Турция избрала удобнейших палачей — курдов и черкесов.

— Если собрать все факты, совершившиеся в течение последних двадцати-пятидесяти лет, то можно убедиться в справедливости всего, что я сказал. Мы увидим, что гнет, преследования, грабежи армян, словом, все варварства — не случайные явления. Мы убедимся, что за ними крылась заранее обдуманная политика, цель которой — систематическое ослабление армянского народа, ведущее к окончательному его уничтожению. Я укажу только на некоторые факты. Чтобы лишить армян возможности самозащиты, Турция связала им руки — отняла у них оружие и вручила его врагам армян. Однако, увидев, что эта мера не способна обессилить армян, как народ трудолюбивый, предприимчивый, способный соперничать со своими врагами и сохранить свое существование материальной силой — богатствам, правительство прибегло к другим мерам, чтобы обессилить, убить его экономически. И вот увеличили налоги; изъяли из употребления бумажные деньги (без предварительного объявления об этом), словом, пустили в ход всякие финансовые хитрости с тем, чтобы деньги, оставшиеся в руках народа, потеряли цену, и он не мог платить налогов. Этим хотели заставить его продать казне за долги самый необходимый в хозяйстве инвентарь и лишить его таким образом средств к обработке земли. Однако и это не привело к желаемой цели: неугомонные армяне, увидев, что на родине нет заработка, отправлялись в чужие края и, приобретая там деньги, возвращались домой. Что же оставалось делать правительству? Турция решила сразу иссушить все источники жизни армян, издав хитроумные земельные законы, в силу которых армянин лишался права землевладения. Принадлежавшие армянам земли перешли в руки курдских беков, черкесов, муфтиев, кадиев и другого невежественного духовенства. Они сделались хозяевами, а армяне, трудолюбивые и деятельные армяне, обратились в рабов, обрабатывающих земли этих варваров. Все земельные споры между армянами и турками в Армении или остаются без всякого внимания со стороны правительства или же разрешаются непременно в пользу магометан. Тому тысячи примеров. Достаточно расследования одного из этих процессов для доказательства того, что правительство не желает оставлять земли в руках армян. Они хотят, чтобы армяне, лишившись наследства прадедов, покинули свою родину, усилив таким путем переселение армян. Освободив Армению от армян, Турция заселит ее курдами и черкесами.

— Теперь вы видите, что все эти злодеяния связаны друг с другом, и под ними скрывался адский замысел? Я считаю лишним указывать на такие факты, как искусственно созданный голод в провинциях, населенных армянами, — это было изобретением местной администрации для убийства армян, спасшихся от оружия курдов и черкесов. На подобное изуверство, на такое чудовищное убийство способен только безжалостный, бессовестный турок. Ослабить экономически народ, лишить его последних средств к существованию, довести до крайней нищеты — вот то оружие, которое избрал он теперь для уничтожения армянского народа. Турок знает по опыту, что всякое другое оружие бессильно для убийства народа, сила которого заключается в трудолюбии, энергии и в материальной обеспеченности. У зейтунцев²⁶ нет плодородных земель. Главные источники их существования — железные рудники; они сами обрабатывают руду, делают оружие или продают сырье в ближайшие провинции, покупая на эти деньги все, что им нужно. Правительство сделало несколько попыток отнять у зейтунцев эти рудники, и только отчаянное сопротивление храбрых горцев спасло их единственный источник существования. Большой пожар в Ване подтверждает очевидность подобных политических махинаций. В этом городе армяне приобрели солидную материальную силу; вдруг в одну ночь все их богатства предали огню. Армяне протестовали,

²⁶ Зейтун — провинция в Турецкой Армении.

просили правительство расследовать это дело, чтобы открыть имена преступников, но просьба их осталась без внимания — не могло же правительство назначить следствие над самим собой.

Мы всегда удивлялись, почему власти лицемерят перед предводителями курдов и черкесов, перед шейхами и другим духовенством, которые иной раз причиняют немало забот и правительству, не платя налогов, совершая большие набеги на те или другие провинции. Неужели, думали мы, правительство не может усмирить этих разбойников? Теперь мы уже понимаем, что Турции необходимо иметь таких союзников. Цель — ясна...

Казалось, Дудукджян старался в эту ночь сразу излить всю горечь, накопившуюся в его душе. Страдания народа, трагическая судьба его и печальная будущность, представ перед ним в мрачных красках, наполнили душу его справедливым негодованием.

— Жизнь заставляет человека обращаться с подобными себе так, как другие обращаются с ним — платить за зло злом. Иного средства нет. Среди всех тварей человек наиболее жесток в обращении с себе подобными... Зверь, по крайней мере, одним ударом убивает свою жертву. Но человек действует постепенно. Он мучит, давит, терзает нравственно и физически и, постепенно высосав из своей жертвы жизненные соки, убивает. Это — ужасное убийство. Так способен убивать только человек. И подобное убийство совершается над целыми народами. Оно грозит и нам. Разве не эту же цель преследуют турки, курды и черкесы? Разве не вследствие этой причины опустела от армян большая часть Армении?

Вардан слушал Дудукджяна с большим вниманием. Наконец Вардан произнес с горькой усмешкой:

— Удивительный народ — армяне! Убить его — если не сказать невозможно, то очень трудно. Он похож на сказочного многоголового змея, у которого вместо отрубленной головы вырастает новая, более сильная. В течение веков армянин до такой степени выкован молотом всемирной кузницы, что получил крепость стали. Не легко сломить его, он очень гибок... Армянин перенес и вытерпел варварства великих монголов, по сравнению с которыми современное поколение турецких монголов просто ничто. Через землю армян прошли Манкул-хан, Тамерлан, Чингис-хан, Гулавуни и подобные им изверги и тираны. Они пронеслись как поток, как буря, но сами они исчезли, а армяне остались. Нынешняя Турция монголов, стараясь убивать таких подданных, как армяне, которые наполняют ее казну, не сознавая того, убивает самое себя. Теперешнее истощение финансов Турции объясняется этим убийством. Прежняя Турция лучше понимала значение армян, поддерживавших силу и прочность правительства. Она не только заботилась о спокойствии трудолюбивого земледельца, но даже отдавала всецело в руки капиталистов-армян управление финансовыми делами государства; не раз наши сарафы²⁷ в самые критические минуты спасали государство.

Уже рассветало, но наши собеседники еще не разошлись. Они начали говорить об организации восстания и приготовлениях к нему. Когда совещание кончилось, Дудукджян достал из кармана три визитных карточки и, отдав их своим товарищам, сказал:

— Я вам вполне доверяю: вы теперь можете знать, кто я такой и как мое настоящее имя.

На карточках мелкими французскими буквами было написано: «г. Л. Салман».

Отец Левона Салмана Торос-челепи²⁸ был армяно-католик, перешедший в магометанство. Долго рассказывать, что заставило его принять ислам; скажем только, что Тороса обвинили в преступлении за связь с молодой турчанкой, и он под страхом смерти принужден был принять ислам и жениться на прекрасной Фатьме (так звали девушку). После

²⁷ Сарафы — банкиры (турецк.).

²⁸ «Челепи» — так называют армянских и греческих купцов (Прим. автора).

рождения Левона Фатъма умерла, и ребенок остался на попечении отца, которого страшно мучила мысль, что сын его должен воспитываться в ненавистой ему религии. Торос-челепи покинул свою родину Ангару и поселился в Константинополе, где его никто не знал. Здесь он устроил своего сына в братстве фреристов, а сам исчез, неизвестно куда. Маленький Левон вырос в католическом монастыре и двенадцати лет был отправлен в Италию. Первоначальными воспитателями его были иезуиты. Он несколько лет пробыл в Венеции, в монастыре св. Лазаря, потом перешел в монастырь мхитаристов в Вене, но нигде не получил основательного образования. Наконец любовь к женщине вырвала его из удушливой атмосферы монастыря и бросила в жизненный хаос Парижа. Там он сначала вел жизнь пустую, полную удовольствий; переходя от одной партии к другой, участвуя в различных обществах, он, собственно говоря, не был ничем занят. Когда же опустел кошелек его любовницы, нужда заставила его работать, и он писал для газет статьи о востоке, чем и жил. Но как только возник «восточный вопрос», он оставил свою любовницу, Париж и поспешил в Константинополь.

XXII

За месяц до появления Салмана в провинции Багреванд Хаджи Мисак, известный перевозчик грузов из Эрзерума, навьючил своих мулов и отправился к Эрзеруму.

Звали его Хаджи²⁹ потому, что он два раза ходил в Иерусалим по данному обету, и если б богу было угодно, то намеревался пойти и в третий раз — такова уж сила заветного числа. Вообще он был добрый христианин, и набожность его доходила до фанатизма.

Во всех городах, находившихся в этом районе, во всех деревнях и постоялых дворах знали Хаджи Мисака: более двадцати лет он путешествовал с мулами по Малой Азии и Армении.

Хаджи Мисак был человек плотного сложения, маленького роста, с быстрыми движениями. Трудно было определить черты его лица, так как их закрывали густые волосы, из которых торчал большой нос. В огромных блестящих его глазах можно было прочесть ясное выражение душевной доброты.

Куда ни приходил караван Хаджи Мисака, всюду приносил он радость. Кто только не давал ему поручений! Купец ожидал получения заказанного товара, женщины — писем от своих странствующих мужей, крупные и мелкие чиновники, служившие в глуши, — съестных припасов, одежды. Нередко какой-нибудь странник, измученный долгой ходьбой, ожидал прихода Хаджи Мисака, надеясь, что тот из человеколюбия возьмет его с собою и доставит на родину.

Любезность Хаджи Мисака и готовность его помочь всякому сделали его всеобщим любимцем. «Хаджи Мисак, захвати, пожалуйста, на обратном пути несколько фунтов табаку». — «Хаджи Мисак, кофе у меня вышло, привези кофе». — «Купи для нас масла», — к нему обращались с такими и подобными просьбами, и он исполнял все, не взяв вперед денег и нередко даже приплачивая из своего кармана.

Благодаря такой популярности правительственные чиновники обращались с Хаджи Мисаком не особенно строго. Караван его проходил через таможи довольно свободно, и никто из служащих не стеснял его.

На востоке перевозчик грузов, в особенности же известный, пользуется большим доверием. Ему поручают тюки с самыми дорогими товарами, золото, серебро, и без всяких расписок или документов, так как все, полученное им, доставляется в целости к месту назначения.

Во всех городах знали время прихода Хадаш Мисака. Движение его каравана совершалось так аккуратно, что если не случалось особого препятствия, то он не опаздывал

²⁹ Хаджи — паломник.

ни на один час назначенного времени. Но на этот раз караван Хаджи Мисака двигался довольно медленно, потому что, несмотря на незначительную величину тюков, они были тяжелые. Большая часть груза состояла из четырехугольных длинных ящиков, скрепленных железными обручами; на ящиках стояли английские надписи: «Персия», «Тегеран». Караван шел большей частью ночью. Хаджи Мисак объяснял это тем, что он не хочет изнурять мулов дневной жарой.

Сопровождал караван еще один человек, по имени Мелик-Мансур; этот купец, как он сам говорил, был родом из Персии.

В течение последних двадцати-тридцати лет персидское правительство в вооружении своей армии провело много преобразований по образцу европейских. Это обстоятельство открыло новое поле деятельности для армянских купцов; они начали доставлять необходимое правительству оружие.

Мелик-Мансур был из этих купцов, и нагруженные на мулов груз принадлежал ему. В таможенных на эти ящики не обращали особенного внимания, потому что товар, идущий транзитом в Персию, пропускаться свободно. Такая перевозка товаров из Трапезунда через Эрзерум и Баязет практиковалась издавна.

Мелик-Мансору можно было дать лет тридцать шесть. Обаятельная внешность, веселый характер и остроумие придавали особую живость его бесконечным беседам с Хаджи Мисаком. Тот с любопытством слушал рассказы о приключениях Мелик-Мансура в далеких странах, как например рассказ этого армянского Агасфера о том, как в одной схватке с туземцами в Индии отрубили ему три пальца на руке, а также многие другие. Такие разговоры рассеивают скуку долгого и медленного караванного пути.

Мелик-Мансур говорил на многих восточных и европейских языках и, общаясь со всякого рода людьми, хорошо изучил человеческую натуру и знал, с кем как обращаться. Однако он никогда ни с кем не откровенничал. Хаджи Мисак относился с особым уважением к этой таинственной личности не только по обязанности быть с ним почтительным, как с грузовладельцем, а потому, что в нем было нечто, внушавшее уважение.

При каждой остановке в караван-сараях и гостиницах содержатели их всегда оставались довольны Мелик-Мансуром — он был очень щедр и везде сыпал золотом.

— Вы их портите, — замечал ему Хаджи Мисак, — в следующий раз нам трудно будет выпросить и стакан воды у этих разбойников.

— Не беда, — отвечал он смеясь, — блеск золота ослепляет людей...

Караван благополучно прошел через Эрзерум и спустя неделю дошел до провинции Баязет. Здесь груз Мелик-Мансура начал постепенно меняться: по ночам ящики, которыми были нагружены мулы, исчезали, и взамен их появлялись новые тюки с другим товаром. Такие перемены происходили в то время, когда караван останавливался в армянских деревнях.

Иногда к Мелик-Мансору являлись какие-то неизвестные люди и, поговорив с ним на каком-то непонятном языке, снова исчезали.

Наконец караван перешел персидскую границу — но пока он до нее дошел, из ящиков с надписями «Персия, Тегеран» не осталось ни одного и сам Мелик-Мансур — мнимый купец — тоже исчез...

XXIII

Обычный порядок жизни в доме Хачо несколько изменился. Салман, которого здесь звали по-прежнему Дудукджяном, очень часто уходил вместе с Варданом из дома. Нередко он отлучался из села О... на несколько дней. Айрапет и Апо сделались необщительными. Для остальных же братьев эти двое чужеземцев — их гости — стали невыносимы, и их «сумасбродства» совсем не нравились им. Сам старик был очень занят делами сельского общества, которые с каждым днем становились все запутаннее и причиняли ему немало забот. Поэтому ода старика пустовала, и с некоторого времени не слышно было в ней

прежних оживленных споров.

Перемены не замечалось только в жизни женской половины дома. Там по-прежнему текла патриархальная, однообразная жизнь, оторванная от жизни мужчин. В армянской семье женщина ведет обособленное, замкнутое существование, не принимая участия в разговорах и беседах мужчин.

Кроме хозяйства и домашних забот, никакая другая мысль не занимала этих женщин; никто из них не знал о совещаниях, происходивших в ода старика. Этот маленький клуб был недоступен для женщин.

— Необходимо притянуть к делу также и женщин, — говорил часто Салман, — тогда, несомненно, удача будет на нашей стороне.

— Рано еще, — отвечал ему Вардан, — нужно прежде подготовить их к этому.

— Нельзя изменить жизнь народа без участия женщин. Если наш народ коснеет в невежестве, то это отчасти и потому, что женщина не играет в обществе никакой роли. Эта сила, эта жизненная энергия, будучи втиснута в узкий круг семейной жизни, пропадает у нас даром. Дело образования в нашем народе надо начинать с женщин. В этот приезд я объехал всю Армению и везде наблюдал армянку; сведения, добытые мною, оказались утешительными. Насколько мужчина измельчал под влиянием турок, потерял свою национальную самобытность, настолько женщина сохранила неиспорченность и нравственное целомудрие. Нет худа без добра. Если запертая в четырех стенах женщина не сделалась общественным человеком, то в этом заключении она сумела сохранить дух нации. Это — великое дело. Таким образом, поддерживается постоянное равновесие: то, что теряет мужчина, восполняет женщина. Наблюдать это можно на самых мелочах. Ненависть женщины к магометанству доходит до фанатизма; все, что исходит из рук магометанина — противно; она не ест мяса животного, зарезанного турком, не ест сыра и хлеба, приготовленного рукой мусульманина. Мужчины не знают такой брезгливости. Мне рассказывали о многих случаях, когда похищенные магометанами армянки старались убежать, если это удавалось; если же нет — то кончали самоубийством. Есть еще одно очень важное обстоятельство: во многих местах, в особенности в городах, турецкий язык сделался обыденным для армянина, но я не видел ни одной армянки, которая говорила бы по-турецки или хорошо знала бы этот язык. Женщина сохранила наш родной язык и вложила его в уста детей. Это отразилось на курдах, служащих в армянских домах: все они говорят по-армянски. Женщина дала нам язык, национальность и сохранила основы нашей семьи. Армянка — чистый, неиспорченный материал в наших руках, из которого можно создать чудеса.

Салман часто говорил на эту тему. Но несмотря на его хорошее мнение о женщинах, женщины в доме Хачо ему не сочувствовали. Они не могли понять и оценить его умственных и душевных достоинств, хотя и внешность Салмана могла привлечь на себя внимание. Но женщина каждого сословия, смотря по тому, насколько она развита, имеет свои вкусы, которыми и руководствуется при оценке достоинств мужчины. Поэтому неудивительно, если невестки Хачо отдавали предпочтение Вардану.

Как-то в послеобеденное время все они сидели в большой комнате за работой: одни занимались чисткой шерсти, другие пряли; кто ткал на станке цветной ковер, кто шил платье для работ, словом, у всякой была работа. Говорили о Салмане.

— Сара! — обратилась жена одного из младших братьев, молоденькая Паришан. — Зачем толчется в деревне этот человек, что он думает делать?

— Говорят, хочет открыть школу.

— Но ведь он не дьячок, — допрашивала Паришан, понятие которой об учителе не шло дальше.

— Нет, дьячок, константинопольский дьячок, — ответила Сара.

— Почему же он не ходит в церковь читать псалмы?

— Он дьячок особого рода, — сказала Сара, не найдя другого ответа.

В разговор вмешалась жена Апо, красивая Маро.

— Муж мой говорит, что будут учить и девушек. Слова Маро вызвали смех.
— На что девушке учиться! Ведь не будет же она потом учителем!.. — сказали все в один голос.

Одна из женщин обратилась к маленькой Назлу:

— Слышишь, Назлу, с нынешнего дня ты будешь ходить в школу учиться.

— Назлу, дочь Айрапета, довольно смело ответила:

— Ну и что же, буду учиться; потом стану ходить и в церковь петь с мальчиками.

— Провались ты сквозь землю! Этого еще не доставало! — заметила наивной девочке Паришан, начавшая этот разговор, и продолжала:

— Учит же наших детей дьячок Симон, к чему нам другой учитель? Не может быть, чтоб этот господин был умнее дьячка.

— Конечно, он менее учен, — ответила Сара. — Дьячок Симон читал много, но у него есть недостаток — он любит пить и бьет детей. Помните, как сильно он побил сына нашего соседа Каспара, и его принесли на руках домой? Мальчик и двух дней не прожил.

— Чем виноват дьячок Симон? Если не бить ученика, — чему же он научится?

Разговор этот возник не без причины. Салман предлагал открыть в селе две школы — для мальчиков и для девочек. Он уговаривал крестьян, обещал пригласить учителей и не брать платы ни за учебу, ни за учебники и письменные принадлежности.

Крестьянин смотрит на все даровое с подозрением, а потому Салману стоило большого труда уговорить сельчан, которым особенно не нравилась мысль об открытии женской школы. Народ, привыкший учить своих детей у попов и дьячков, считал не только странным и диким, но даже греховным поручать воспитание своих детей человеку, который не ходит в церковь, не читает псалмов и, как говорят, даже не соблюдает поста.

Старик Хачо, во многом не соглашавшийся с Салманом, в вопросе школы был с ним заодно. Как старшина и глава села, он сумел повлиять на крестьян, и они отвели место, где Салман нашел удобным построить здание школы. Дело уже пошло, начали копать землю, как вдруг среди крестьян поднялось какое-то волнение и они, собравшись, в одну ночь засыпали яму. Наутро никто из них не вышел на работу, хотя Салман увеличил поденную плату.

Мы знаем из разговоров женщин, что в селе был дьячок, по имени Симон, который учил детей грамоте. Он собирал их зимой в сарае и учил читать псалтырь и другие церковные книги, а весной, когда начинались полевые работы, распускал их, — ученики его к будущей осени забывали все, что выучили зимой. Дьячок был женат на дочери приходского попа — отца Марука. Был он пьяница, и увидев, что новая затея подорвет его заработок, уговорил своего тестя Марука помешать этому делу.

Достаточно было одного слова попа, чтобы возбудить предубеждение крестьян и прекратить дело в самом зачатке. Отец Марук так и сделал: в церкви в своей проповеди он объявил, что Салман «фармасон», то есть не признает бога и всех детей может сделать еретиками. Затем он прибавил, что учить девушек грамоте — грех, что мудрый Соломон проклял женщин, ибо по желанию женщины отсекли голову Иоанну Крестителю. Привел он и еще несколько примеров из святого писания смерть пророка Самсона, в которой была замешана женщина, указал на Еву, из-за которой Адам был изгнан из рая. Словом, приведя много таких фактов, он доказал вред грамоты для женщин. Конечный вывод его проповеди был таков: ученая женщина — дьявол.

Вообще сам дьячок Симон пользовался большим уважением среди женщин: он писал им заклинания, гадал, предсказывал будущее. После этого не удивительно, что женщины настроили своих мужей против постройки школы и заставили их помочь дьячку, чтобы он не лишился куска хлеба.

Поп и дьячок Симон, поднявшие волнение против Салмана, нашли поддержку в лице Томаса-эфенди, этого большого врага школ и ученья. Кроме того, дьячок был даровым секретарем Томаса-эфенди; он писал его счета и во время молотьбы обходил с его жандармами местных крестьян для сбора десятины.

Вся эта история причинила много забот старику Хачо, но не пошатнула решимости Салмана. Вечером, придя домой, он сказал Вардану:

— Я решил обращаться с этими негодьями так, как поступают миссионеры. Те, куда бы ни проникли, встречают первых соперников в лице духовенства и местных грамотеев. Спустя некоторое время эти самые господа делаются первыми последователями миссионеров, так как миссионеры поручают им разные дела, хотя те ничего не делают и получают только хорошее жалованье. Таким образом, ярые гонители миссионеров впоследствии превращаются в горячих поборников их ученья.

— Это верно, — ответил Вардан, — но что ты думаешь предпринять?

— Нужно быть практичным, — сказал Салман с самоуверенностью. — Надо уметь привлекать людей. Я хочу узнать, сколько получал этот глупый дьячок от их учеников. Предложу ему вдвое больше, чтобы он находился при школе и ни во что не вмешивался. Увидишь, что после моего предложения он завтра же первый явится с киркой и лопатой строить школу.

— Я тоже так думаю, — согласился Вардан, — но надо подкупить и попа.

— И это будет сделано.

Несмотря на неприятности этого дня, Салман казался веселее обыкновенного. Неудача пробудила в нем энергию, и надежды на светлое будущее наполнили его воодушевлением.

— Знаешь, Вардан, какую широкую будущность обещает нам школа? Она даст нам все, о чем мы мечтаем. Только она исцелит наши вековые раны и вырастит новое поколение для здоровой и обновленной жизни. Бездеятельность предков причиняет нам немало забот — нам многое предстоит сделать. Они не облегчили нашего теперешнего положения. Но не беда. Можно еще надеяться, что будущее принадлежит нам. Нужна лишь серьезная практическая работа. Я думаю, недостаточно только развивать ум и облагораживать душу ребенка, надо воспитать его и физически. Ты не заметил, как неуклюжи и медлительны здешние дети? Надо укрепить их нервы и развить мускулы; гимнастика должна входить в программу нашей школы, только тогда дети вырастут здоровыми и крепкими телом и душой...

— Да, должен сообщить тебе приятную новость. Сегодня я был у курдов и говорил с ними о школе и пользе учения. И представь: они изъявили готовность посылать своих детей в армянские школы. Как видно, они и сами не особенно довольны тем, что их дети превращаются в разбойников. И в самом деле, чем виноват этот народ, что остался диким и должен добывать себе хлеб разбоем и убийством? Виноваты мы, что не смогли воспитать их, когда и наши личные выгоды требовали этого. Если мы хотим избавиться от жестокости зверей, то должны приручить их. Нужно стремиться к тому, чтобы курды привыкли к мирной, цивилизованной жизни. Турция нисколько не заботится об их просвещении, и это понятно: в дикости курдов правительство усматривает известную выгоду. Но мы обязаны позаботиться о курдах, потому что вред, который приносят они, ложится на нас. Не будем касаться их веры, а только займемся их воспитанием — и тогда все устроится само собой...

XXIV

Уже начинались открытые приготовления Турции к войне. Признаки этого были особенно заметны в пограничной с Россией провинции Багреванд.

С крестьян требовали недоимки и взыскивали подати не только текущего, но и будущего года. Вздохам и недовольству народа не было границ. Кто не мог платить деньгами, у того продавали домашние вещи, животных, не щадя ни волов, ни буйволов, необходимых земледельцу как средство для обработки полей и перевозки грузов. Не довольствуясь этим, на крестьян наложили заготовление тысячи пудов сухарей и отобрали все припасы: пшено, полбу, лапшу, масло, сыр, крупу и т. д. На все мольбы, слезы и рыдания крестьян давался один ответ: «Государство готовится к войне»...

Новое и широкое поле деятельности открылось для Томаса-эфенди. Как государственный чиновник он был обязан собрать подати и ускорить приготовление

продовольствия для армии. Перед ним лежала обильная жатва, и его острая коса энергично работала.

Эфенди получил от правительства открытый лист, по которому мог держать, вместо двух, столько жандармов, сколько ему понадобится.

Все эти поборы падали исключительно на армян, так как магометане собирались на войну, и от них ничего больше не требовалось. Несчастных крестьян грабили, лишая их имущества, приобретенного многолетним трудом. Но страшнее надвигающейся нищеты были носившиеся вокруг слухи. В среде мусульман пробуждалась дикая свирепость к христианам, ко всем «гяурам». Везде слышалось страшное слово — «джагат»³⁰. Муллы, мюфты, кадии и шейхи возбуждали фанатизм масс, говоря, что скоро в Константинополе подымут «санджак шериф»³¹ и объявят священную войну, и тогда все мусульмане должны поднять меч против христиан...

Салман был очень встревожен этими слухами, ибо хорошо знал значение этих ужасных движений и их последствия для армян.

— Скоро здесь начнется резня, как в Болгарии, — сказал он однажды утром Вардану. — Надо спешить подготовить народ к самозащите.

— Да, и мне так кажется, — ответил Вардан.

Занятые этой беседой, они вышли из дома Хачо и направились к отцу Маруку, с которым решили покончить вопрос о школе, то есть, как говорил Вардан, хотели сегодня же, чтоб тот не мешал делу, «замазать ему рот». Что же касается дьячка, то его решили нанять пока надзирателем над рабочими при постройке школы, обещав в будущем и должность при ней.

Вдруг им послышался голос коробейника, который шел по улице села, выкрикивая названия своего товара и приглашая покупателей.

— Милые девушки, красивые невесты, приносите мне денежки, я вам дам иголки, цветные ниточки, золотые наперсточки...

Коробейник был высокий мужчина, одетый с ног до головы в лохмотья. Большой короб, висевший у него на спине, производил впечатление маленького сита, повешенного на горб верблюда. Коробейник сильно хромал на правую ногу, и каждый раз, когда он наклонялся вправо, казалось, что этот Голиаф вот-вот упадет. Но он удерживал равновесие, опираясь на огромный посох.

Услышав его голос, Салман вздрогнул, словно почувствовав в сердце отзвук чего-то близкого, родного.

Коробейник продолжал еще распевать названия своих товаров, идя тяжелым неровным шагом по узким улицам села, когда Салман прошел мимо него, и глаза их встретились. Они не промолвили ни слова, но взглядами сообщили друг другу многое... Вардан ничего не заметил.

— Нашел тоже время продавать свои иголки и нитки! У несчастного мужика и так гроша нет, на какие же деньги он станет покупать? — сказал Вардан с усмешкой, когда они несколько отделились от коробейника.

— Короб его, милый мой, как ящики фокусников, имеет два отделения, — ответил Салман, — в нижнем находятся такие товары, в которых именно теперь чувствуется большая потребность...

Вардан не обратил особого внимания на эти загадочные слова. В эту минуту его мысли были заняты другим: он думал о Лала.

Внезапная перемена обстоятельств и всеобщее волнение сильно беспокоили его, и он не знал, что делать, куда скрыть Лала, когда он сам не сегодня-завтра принужден был взяться

³⁰ Джагат — священная война.

³¹ Санджак шериф — священное знамя.

за совершенно новое предприятие...

— Хорошие иголки, цветные нитки, блестящие бусы! — опять послышался издали голос хромого корабейника.

Вардан и Салман, продолжая путь по деревне, неожиданно наткнулись на Томаса-эфенди. Он был окружен группой крестьян, которым давал какие-то приказания; рядом с ним стояла его красивая лошадь, и он готовился сесть на нее. Увидев молодых людей, эфенди отделился от крестьян и с сатанинской своей улыбкой направился им навстречу.

— Я давно хотел видеть вас, господин Дудукджян (ему не было известно настоящее его имя), — если бы вы знали, как я счастлив, что встретил дорогого земляка. Вы, вероятно, не знаете, что я из Константинополя?

Лицемерие Томаса-эфенди неприятно поразило Салмана, вызвав отвращение к этому человеку, которого он видел в первый раз. Салман ничего ему не ответил. Эфенди же, не выпуская его руки, продолжал:

— Надеюсь, вы позволите обнять, расцеловать вас как земляка; я осмеливаюсь просить вас об этом потому, что хочу этим несколько разогнать тоску по родине.

Вардан издали молча наблюдал эту сцену.

Салман же не знал, как выйти из затруднительного положения. Тогда эфенди обратился к Вардану:

— Подойди ко мне, мой безумный друг. Ты ведь знаешь, что я, как ребенок, не злопамятен. «Курд никогда не похулит своей похлебки». Хорош ли ты, плох ли, ты мой друг. Дай руку.

Вардан о труде сдержал гнев, но подумав, что эфенди не без цели выражал ему свою дружбу, подошел к нему и протянул руку.

Эфенди вторично обратился к Салману.

— Я очень сердит на вас, господин Дудукджян, — начал он серьезным тоном. — Слышали ли вы турецкую поговорку: «Прежде чем грабить деревню, повидайся со старшиной». Томас-эфенди — здесь первый человек, если б вы с самого начала обратились к нему, то ваши проекты были бы приведены в исполнение, и вы не встретили бы никаких трудностей... Эх, молодежь, молодежь! Доброе у вас сердце, но вы не знаете, как начинать дело. Правду ли я говорю?

— Я, право, не понимаю, о чем вы говорите, — ответил Салман.

Эфенди притворился, будто не расслышал слов Салмана и, повернувшись к ожидавшим его крестьянам, сказал:

— Ах, ослы вы, ослы! Когда же поумнеете? Затем, опять обратившись к Салману, он продолжал!

— Возможное ли дело, чтобы человек сам лишил себя глаз? Вот они, мужики, из таких. Я сегодня слышал их разговоры, и, клянусь, волосы у меня стали дыбом. Мы стараемся, чтобы у них была школа, чтобы они учились, чтобы не остались слепыми и умели бы отличить добро от зла. Но они и понять этого не хотят — «гонят своего осла, да и только»...

«Мы стараемся...» — повторил про себя Салман, — но кто это — «мы»?

Эфенди продолжал:

— Я очень обрадовался, услышав о ваших намерениях, господин Дудукджян, а потому выражаю вам свою благодарность. Наш народ находится во мраке; нужно просветить его. Это может сделать только школа. Пусть не смущают вас беспорядки последних дней. Не надо падать духом: начало всякого доброго дела бывает горько. Во мне, как в земляке, вы найдете сочувствие и поддержку; примите же мои маленькие услуги. Я сейчас еду по делам в соседнюю деревню, а утром, как только вернусь, сам лично заставлю крестьян рыть фундамент. Здесь никто не посмеет ослушаться Томаса-эфенди.

— Благодарю вас, эфенди, — ответил Салман. — Но вы так заняты, что я не хочу отнимать у вас драгоценное время.

— Пустяки, — самодовольно произнес сборщик, — для доброго дела всегда найдется

время.

Он полол руки молодым людям и удалился.

— Нахал!.. Мошенник!.. — сказал ему вслед Вардан.

— Иногда приходится пользоваться услугами и таких людей, — сказал Салман.

— И ты ему поверил? Кто знает, какие у него дьявольские замыслы!..

Молодые люди подошли уже к дому отца Марука.

— Хорошие иголки... цветные ниточки... славный бисер... — послышался голос коробейника, проходившего по соседней улице.

— Вардан, отложим до другого раза визит к попу, — сказал вдруг Салман.

— Почему?

— Мне надо купить кое-что у этого коробейника. Вардану показалось смешным неуместное желание товарища.

— Идем, есть одно дело... — сказал Салман таким тоном, что Вардан молча последовал за ним.

Молодые люди свернули на соседнюю улицу и стали издали наблюдать за коробейником. За ним бежала куча ребятишек, крича: «Дай нам кевы³², дай нам кевы». Он достал из короба немного кевы и раздал ее детям.

— Я видел этого коробейника с неделю назад в ближайших от Вана деревнях, — сказал какой-то крестьянин своему соседу.

— Да эти коробейники бродят всюду, — ответил ют. — Но какое у него страшное лицо, смотри, Григор. Не хотел бы я встретиться с ним ночью! Точно дьявол!

Хромой коробейник долго блуждал по улицам села. Иногда его звали в какой-нибудь дом, чтобы купить разной мелочи, и держали целый час. Случалось, он открывал короб на улице, и толпа крестьянок, окружив его, долго с ним торговалась. Но как только стемнело, коробейник вышел из села. Сойдя с проселочной дороги, он направился к оврагу, довольно глубоко изрытому весенними ливнями. Шагал он, как раньше, медленно, — очевидно, короб его был очень тяжел, но не хромал, как днем. Коробейник сошел в овраг, опустил свою ношу на землю и, приложив два пальца правой руки к губам, несколько раз свистнул. (Кстати заметим, что остальные пальцы на этой руке были отрублены). Через несколько минут спустились в овраг Вардан и Салман. Последний кинулся к коробейнику и долго не выпускал его из своих объятий.

— Теперь сядем, — начал Салман, — ну, расскажи, как торговал?..

— Очень хорошо! — весело ответил коробейник. — Весь Васпуракан наводнил своим товаром...

— Конечно, бесплатно?..

— Ну да, я раздаю этот товар даром... Вардан слушал их с удивлением.

— Теперь ты понимаешь, — спросил его Салман, — что ящик моего друга имеет два отделения, как ящики фокусников?

— Интересно знать, что хранится на дне этого секретного ящика? — спросил Вардан.

— Оружие...

Вардан понял наконец, кто был этот коробейник, так как несколько дней назад Салман говорил о нем намеками. Вардан тоже обнял его.

Этот человек был Мелик-Мансур.

XXV

Даже великие люди имеют свои слабости. Томас-эфенди хотя и не принадлежал к числу великих, но в провинции Алашкерт считался большим человеком, — «где нет льва, там и лиса крупный зверь». При всей его практичности и расчетливости, Томас-эфенди имел

³² На востоке в обычае жевать мастику и смолу, которые называются кевой. (Прим. пер.).

и свои маленькие слабости. Проводя дни в исполнении служебных обязанностей, он любил кутить по ночам. Подобно турецким чиновникам, он напивался и, окружив себя музыкантами, заставлял плясать девушек и мальчиков. Куда бы он ни являлся, двери любого дома были для него открыты. Кто мог не принять такого важного гостя! Напротив, каждый крестьянин считал себя честью, если у него гостил Томас-эфенди, угождал, прислуживал ему, и хотя это было связано с расходами, он радовался уже тому, что Томас-эфенди станет после этого благосклоннее относиться к гостеприимному хозяину.

Как-то вечером явился в дом одного бедного крестьянина сельский десятник с вестью, что Томас-эфенди собирается к нему в гости. Хозяин дома, плотник, занимался починкой разных сельскохозяйственных орудий, а потому часто уходил в другие деревни на заработки. И в этот раз его не было дома. Жена ответила десятнику, что без мужа она не может принять гостя.

— Мужа нет дома, но дом-то ведь стоит на месте! — грубо ответил десятник.

Эти десятники для крестьян настоящие бичи небесные. Служа должностным лицам, они, подобно охотничьим собакам, имеют прекрасное чутье и знают, как разыскивать добычу.

Жена плотника растерялась и не знала, что сказать.

Десятник, не дожидаясь ответа, повернулся уйти и уже на ходу бросил:

— Эфенди пожалует, когда зажгутся огни.

Бедная женщина стояла убитая, не зная, как ей быть. Принимать гостя-мужчину, когда мужа не было дома; считалось для женщины позором. Наконец, подумав немного, она пошла к своему соседу Ого.

— Брат Ого, — начала она, — сельский десятник известил меня, что Томас-эфенди придет к нам в гости сегодня вечером. Мужа моего нет дома, я прошу тебя, ради бога, приходи ко мне и прими его, как следует.

— Что это такое? — воскликнул тот сердито, — разве в селе нет другого дома?

— Я тоже не понимаю, — ответила женщина с горечью, — десятник передал такой приказ.

Сосед Ого обещал прийти и принять гостя.

Томас-эфенди был хорошо знаком с этой местностью и умел выбрать дом, где удобно остановиться на ночлег. В этом отношении он был довольно разборчив. Ему хотелось бы, чтоб хозяин дома был беден и глуповат, а если не глуховат, то, по крайней мере, чтоб любил выпить (два качества, мало отличающиеся друг от друга), а самое главное — в доме должна быть красивая женщина, глядя на которую эфенди мог бы наслаждаться.

Сегодняшний выбор ночлега, казалось, не вполне отвечал этим требованиям: хозяин дома, мастер Петрос, был скромным и трудолюбивым ремесленником, человеком неглупым и пить не любил. Однако в главном эфенди не ошибся: хозяина дома не было, жена его была лицом недурна, взрослая же сестра ее по красоте считалась первой на селе.

В лачужках загорелись огни. Жена Петроса, Сусан готовила ужин, сестра ее, молоденькая Варварэ, жарила на масле цыплят. Сосед Ого отдавал им распоряжения, чтобы все было в порядке для приема почетного гостя.

Все было готово, когда явился эфенди в сопровождении десятника. Полицейских он оставил где-то в другом месте.

Сосед Ого принял его с должной почтительностью, и гость важно занял предназначенное ему место.

— А где мастер Петрос? — спросил эфенди, осматриваясь вокруг, — мне хотелось бы его видеть, у меня к нему важное дело.

Сосед Ого ответил, что мастер отправился в соседнюю деревню работать.

— Жаль, очень жаль, что не увижу его, а дело ведь нужное, — повторил эфенди и начал объяснять, что для перевозки продовольствия войск ему нужно много подвод, и он хотел бы нанять постоянного плотника для ремонта этих подвод. Не найдя никого лучше мастера Петроса, он хочет сделать ему «добро», доставить выгодную работу на несколько

месяцев.

Эфенди знал заранее, что хозяина дома нет, да ему вовсе и не нужен был мастер, так как для перевозки продовольствия брались подводы даром, и крестьяне должны были ремонтировать их сами. Говорил он это с иной целью.

Жена бедного мастерового обрадовалась, подумав, что из посещения эфенди можно извлечь пользу, хотя и этот неожиданный приход был ей неприятен. Эфенди заметил это и хотел расположить к себе хозяйку.

В комнате сидел только гость. Сосед Ого стоял и ждал, когда эфенди пригласит его сесть. Прислуживал десятник, потому что в доме прислуги не было, а ученики мастера ушли вместе с ним. Хозяйка и сестра ее не показывались, они находились в другом конце комнаты, отделенном перегородкой наподобие ширмы.

Но они должны были выразить почтение гостю, а потому Сусан и Варварэ вышли к эфенди и, сложив руки на груди, издали ему поклонились. Это означало: «Добро пожаловать».

— Живите долго, — сказал эфенди, краем глаза взглянув на них.

У хозяйки лицо было закрыто, но у девушки оно оставалось открытым. Поклонившись, они вернулись к себе и занялись приготовлением ужина.

В лачужке наступила глубокая тишина. Все ждали, что скажет эфенди.

— Чем ты теперь занят? — спросил он соседа Ого.

— Без дела я, ага, — ответил тот, почесав затылок. — В один год нагрянуло на меня несколько несчастий. Бог наказал меня: старший сын мой умер, скотина погибла, и плуг не работает — остался вот без всякого дела.

— Жаль, очень жаль, — сказал эфенди сокрушенно. — Ты хороший человек, Ого, я тебя знаю давно, я найду тебе работу. Мне нужны теперь люди.

Радости Ого не было границ.

— Вы только дайте мне работу, ага, и вы увидите, какие руки у мастера Ого?

— «Чем трудолюбивее осел, тем больше ячменя ему дают».

— Истинная правда, ага!

Томас-эфенди был из тех людей, что могут возгордиться и напыжиться настолько, что и в большие ворота не пролезут, а иногда и стать такими маленькими, что влезут и в игольное ушко. В крестьянских домах эфенди иногда держался так развязно, как ведут себя мужчины в домах известного рода, с несчастными обитательницами которых они позже стесняются раскланиваться на улице...

Надо было задобрить соседа Ого, пообещав ему что-нибудь, потому что он исполнял сегодня обязанности хозяина дома.

Наивный крестьянин поверил ему и, обрадованный, сказал:

— Да продлит господь ваши дни, пусть он не отнимает руки своей от вас!

Настал час ужина. Варварэ принесла принадлежности для умывания и поставила перед эфенди, тот стал мыть руки. Затем она накрыла на стол, нарезала хлеба и подала все, что было приготовлено для ужина. Не трудно было заметить за гибкостью движений девушки страх и стыдливость, развившиеся вследствие замкнутой жизни; притом ей не часто приходилось бывать в обществе незнакомых мужчин.

— Дитя мое, — обратился эфенди к молодой девушке, — как зовут тебя?

Она покраснела, растерялась и начала глядеть по сторонам вместо того, чтобы ответить на вопрос. Сосед Ого выручил ее, сказав, что девушку зовут Варварэ.

— Какое славное имя, право, очень хорошее имя, — повторил эфенди восхищаясь, — мою сестру зовут так же.

На лице Варварэ показалась улыбка, точно она обрадовалась, узнав, что сестру такого важного человека, как эфенди, зовут так же, как и ее. В действительности же у эфенди никакой сестры не было, но он хотел чем-нибудь расположить к себе и Варварэ.

За ужин сели только эфенди и Ого — женщины в этих краях не садятся за стол с мужчинами.

— «Мельница без воды не мелет муки», — заметил эфенди и послал десятника за водкой. Ого извинился, что не подумал об этом, а хозяйка сделала жест, говорившей, что пошлет за водкой она (при эфенди ей не полагалось разговаривать).

— Нет, — ответил эфенди, — всегда, где бы я ни обедал, водка и вино покупаются за мой счет. Это мое правило.

Эфенди говорил правду. Всегда, когда он бывал в таких бедных домах, он сам покупал водку и вино. Но затраченные на это деньги он вносил потом в общий расход по своим делам в деревне. При том же, покупая сам водку, он мог пить ровно столько, сколько ему было нужно...

Скоро вернулся десятник и принес большой штоф водки.

— Теперь сядь, — приказал ему эфенди, — ты будешь нашим виночерпием.

Десятник сел, поставив возле себя штоф с водкой. Он помнил приказ, данный ему эфенди раз и навсегда:

Если бываешь в чьем-либо доме и хочешь хорошо провести время, нужно прежде всего «смочить вату хозяина», что значило одурманить его мозги, или иначе говоря, напоить его. В этом доме хозяина заменял сосед Ого, поэтому виночерпий часто подносит чашу ему.

Нужно сказать, что сосед Ого любил выпить, в особенности после постигших его несчастий — смерти сына и гибели скота; с тех пор сосед Ого предавался пьянству, стараясь в вине потопить свое горе. Все чарки вначале подносили ему, и он выпивал до дна. Наконец, водка и щедрые обещания эфенди так разгорячили и развеселили Ого, что он совершенно забыл о своем горе и даже начал распевать песни...

— Так дело не пойдет, — сказал эфенди и послал десятника за музыкантами.

Музыканты были из местных армян, они играли на восточных инструментах и пели.

Пришли музыканты, поклонились и расселись вокруг стола, что заставило хозяйку подумать об ужине и для них.

Эфенди изволил справиться о здоровье музыкантов.

— По вашей милости, мы все здоровы, — ответили ему.

Когда все наелись и напились, пришла Варварэ и начала убирать со стола. Но штоф она не тронула. Он уже не раз путешествовал в кабак и обратно. Чарка с водкой обходила всех по очереди. Напились и музыканты.

— Теперь начинайте, — приказал эфенди.

Маленькая лачужка ожила от шумной азиатской музыки. Эфенди был в отличном расположении духа.

Через несколько минут дом и двор мастера Петроса окружили женщины и девушки. Одни заглядывали в окна и двери, другие смотрели с крыш соседних домов. Ничто так не радует крестьянку, как музыка, которую ей приходится слышать редко — только когда удастся побывать зимой на чьей-нибудь свадьбе.

Постепенно все развеселились. Пьяные голоса смешались со звуками музыки, поднялся такой шум, что, как говорится, «даже собака не узнавала своего хозяина». Головы кружились у всех. Один только эфенди был трезв, так как пил немного. Мало-помалу женщины, стоявшие во дворе, осмелели и одна за другой начали входить в комнату и садиться рядом с Сусан и Варварэ, чтобы лучше слышать и видеть.

— Пляску, пляску, — закричал эфенди, хлопая в ладоши, — я хочу пляски.

Услышав это, сосед Ого, едва державшийся на ногах, поднялся, и взяв за руки двух девушек из толпы, почти силой потащил их на середину комнаты.

Музыканты заиграли местный танец, и девушки, конфузясь и краснея, начали танцевать.

— Шабаш³³, шабаш! — кричали музыканты, заиграв веселее. Эфенди положил в руку

³³ Шабаш — денежный подарок, получаемый танцующими от гостей на вечеринках или свадьбах. Эти деньги по окончании танцев передаются музыкантам (Прим. автора).

каждой танцующей по серебряной монете.

Танцы, как всегда, начались девочками, за которыми стали выступать и взрослые. Первая пара, устав танцевать, бросала платок второй — так передавалась очередь; одна за другой являлись все новые и новые пары Эфенди щедро дарил им серебряные монеты, а музыканты играли со все большим воодушевлением.

Настала очередь и Варварэ. Красивая девушка превзошла остальных: в каждом движении ее замечалась грация, которой она обворожила всех.

— У нас, у армян, — сказал эфенди, — существует хороший обычай: танцующая девушка по окончании танцев становится перед почетным гостем, кладет голову на его колени и остается в таком положении до тех пор, пока не получит от него подарка.³⁴

— Это прекрасный обычай, — подтвердили музыканты, — надо бы применить его и теперь.

— Варварэ, ты должна первая показать пример, — сказал ей эфенди, — ну-ка подойди, деточка.

Варварэ от стыда совершенно растерялась и стояла как вкопанная. Она скорее провалилась бы сквозь землю, чем согласилась подойти к эфенди. Но ее начали уговаривать: «Иди, не стыдись, авось получишь что-нибудь». Наконец ее насильно подвели к эфенди, и Варварэ принуждена была склонить свою красивую головку на его колени. Эфенди погладил ее пышные волосы и вложил ей в руку два золотых.

Во время этого веселья в комнату вошел один из жандармов эфенди и шепнул ему на ухо: «Человека, о котором вы говорили, нашли».

— Берите его и держите со всей предосторожностью, пока я не сделаю утром распоряжения, — приказал едва слышным голосом эфенди.

Жандарм удалился. Никто не понял, о чем они шептались.

Было уже за полночь. Лачужка мастера Петроса опустела. Музыканты ушли. Соседа Ого пьяного унесли домой. Толпа разошлась.

В доме остались только эфенди и десятник, который так напился, что ничего не соображал. Сусан приготовила постель для эфенди. Огонь погасили, и все разошлись по своим местам.

Что случилось в эту ночь, одному богу известно. Однако на следующий день Варварэ выглядела очень грустной, и еще несколько дней девушка не переставала плакать.

На рассвете того же дня в деревне произошло еще одно печальное происшествие: какого-то юношу в кандалах отвели к военному чиновнику, который прибыл в этот край специально для военных распоряжений.

Из жителей деревни никто не видел этого. Один только Томас-эфенди, следя за удалявшимися в ночном мраке фигурами, с радостью шептал:

— Иди теперь и свисти в свою дудку, сколько можешь.

Этот молодой человек был Дудукджян, или Салман.

XXVI

В доме старика Хачо никто не знал о случившемся с Салманом, но все очень беспокоились, что он не пришел ночевать. Особенно опечалились Вардан, Айрапет, Апо, точно они предчувствовали несчастье, постигшее их товарища. Утром все трое отправились в деревню с надеждой что-нибудь услышать о нем.

В полдень неожиданно явился Томас-эфенди. Приход его без слуг и полицейских старику Хачо показался очень странным, — он привык видеть его всегда со свитой. Эфенди взял за руку старика и отвел в сторону, как будто хотел сообщить ему какую-то тайну.

³⁴ Нигде в Армении нет такого обычая. Только у азиатских цыган девушки и парни прибегают к таким приемам соблазна, чтобы выманить побольше денег. (Прим. автора).

— Послушай, — начал он насмешливым тоном, — молодого человека, который «свистел в дудку», арестовали и отвели в «лоно Авраамово»...

Старик, поняв о ком идет речь, пришел в ужас.

— Крепись, — продолжал эфенди, — еще и не то услышишь.

И он рассказал ему, что будто бы передали ему о Дудукджяне. Салман прошлой ночью собрал в соседней деревне в доме одного крестьянина молодых парней, которым говорил «о человеческих правах», «о труде крестьянина», выражал протест против «насилия», «деспотизма», рассказывал, какими способами люди добиваются «свободной и счастливой жизни». Кто разберет его, о каких еще «сумасбродствах» толковал он. И вдруг нагрянула полиция и арестовала его. Администрация давно уже ловила этого «безумца», а некоторые его товарищи были уже арестованы. Теперь попался в ловушку и этот мышонок.

Томас-эфенди рассказал это, умолчав только о том, что Салмана выдал он.

— Теперь послушай новую сказку, — сказал он с усмешкой, точно хотел глубже ранить сердце несчастного старика. — Скоро придут полицейские обыскивать твой дом. Я как друг твой пришел предупредить...

Слово «друг» он произнес с особенным ударением. Старик задрожал, услышав о полицейских и обыске.

— Но еще есть время для спасения, — продолжал эфенди более холодным тоном. — Ты только скажи мне, осталось ли после него что-нибудь в твоём доме?

Как ни ужасна была весть, сообщенная старику, он все же немного успокоился, увидев, что такой человек, как эфенди, готов дружески помочь ему.

— Остался дорожный мешок, — ответил он, со страхом оглядываясь кругом, словно боясь, как бы кто не услышал его.

— Поди теперь вытащи этого осла из грязи... — пробормотал эфенди. — Только мешок остался!.. Подумаешь, какие это пустяки!..

И впившись в старика своим сатанинским взглядом, он прошептал:

— Каждая минута дорога для нас, идем скорее, спрячем этот мешок, пока не явились полицейские.

Старик, не сомневаясь в искренности эфенди, повел его к себе и указал на дорожный мешок Салмана.

— Запри двери, — приказал эфенди, а сам, открыв мешок, начал в нем рыться.

Там были письма с разными поручениями и адресами, векселя, выданные различными лицами, по которым Салман мог получать деньги, какие-то программы, инструкции и тому подобное. Было также несколько брошюр, из тех, которые он раздавал крестьянам, — словом, одни бумаги.

Эфенди с глубоким вниманием рассматривал все это и таинственно покачивал головой.

— Если хоть одна из этих бумажек попадет в руки правительства, тебя и твоих сыновей поднимут на виселицу и конфискуют все твоё имущество.

Старик стоял точно окаменелый и не мог выговорить ни слова.

— Все это надо сжечь, — сказал эфенди и снова вложил в мешок вынутые бумаги.

— Я уже ничего не понимаю и не соображаю, — ответил старик дрожащим голосом, и на его глаза навернулись слезы.

Вдруг в голове эфенди мелькнула мысль: «Зачем жечь? Нужно просмотреть все бумаги, авось, они понадобятся мне, зачем уничтожать?» — и он спросил старика:

— Нет ли в твоём доме тайника, куда можно было бы временно спрятать все это?

— Есть, — ответил старик.

В его доме действительно были потайные углы, куда в минуты опасности старик прятал свое ценное имущество, но так как в тех краях почти всегда было неспокойно, то некоторые из тайников были заняты, остался только один, который можно было показать эфенди.

Они взяли опасный мешок и отправились в чуланчик, где держали масло, вино и разные продукты. Пол чулана был устлан тонкими каменными плитами. Старик поднял две

плиты, под ними оказалась маленькая железная дверь. Хачо достал из кармана ключ, вложил его в замочную скважину, повернул два раза, и дверь отворилась. Они спустились по узкой лестнице в подвал.

В мрачной пустоте подвала нельзя было ничего различить. Воздух был очень тяжел и удушлив. Оставив там мешок, они поспешно вышли. Старик запер дверь и прикрыл пол плитами так, что никому и в голову не пришло бы, что под ними скрывается тайник.

— Дай мне ключи, — сказал эфенди, — я спрячу; теперь у тебя нет друга вернее меня.

Хачо, не долго думая, отдал ему ключи. Он так перепугался, что готов был пополнить любое приказание эфенди.

— Мне нужно о многом поговорить с тобой, старшина, но теперь не время: того и гляди явится полиция с обыском, — сказал он торопливо. — Пока я дам тебе несколько советов: никто не должен знать о нашем свидании; все, что мы сделали, должно остаться тайной, о ней не должны знать даже твои сыновья и домашние. Когда грянет полиция, постарайся держаться как можно спокойнее и притворяйся наивным. Пусть ищут, где хотят! Опасный мешок мы уже спрятали, сам дьявол не найдет его. Не отрицай того, что этот «свистун» жил у тебя, только скажи, что его знать не знаешь и ни тебе, ни твоим сыновьям не известно, почему он скитается в этих краях.

Окончив свои наставления, он вышел из чуланчика.

— Теперь укажи мне другой выход, откуда я мог бы улизнуть незаметно.

Старик повел его через задние ворота, ведущие к скотным дворам.

— Прощай. Я вернусь, когда кончится обыск, и как-нибудь улажу дело, ты не беспокойся.

Эфенди удалился. Дорогой он несколько раз повторял про себя: «Теперь жизнь твоя в моих руках, старшина Хачо, что захочу, то и сделаю»...

Был первый час. Вардан, Айрапет и Апо еще не возвращались, остальные сыновья работали в поле. Женщины заняты были приготовлением обеда. Крестьяне обычно обедают в поле, а потому никто из домашних не знал о случившемся.

Старик Хачо с нетерпением ждал полиции, как приговоренный ждет смерти, зная ее неизбежность.

Он скрыл все от домашних, не желая пугать их заранее.

Наконец явился офицер с толпой полицейских.

Хотя домашние ничего не знали о происшедшем, все же приход солдат не удивил их: им не впервые было принимать таких гостей, которые приходили, оставались по несколько дней, ели, пили и потом уходили. Появление турецких солдат в домах армян крестьян, в особенности в доме старшины, было обыкновенным явлением.

— Мне приказано произвести обыск, — сказал офицер, обратившись к старику Хачо.

— Дом мой к вашим услугам, где хотите осматривайте, — ответил старик, стараясь сохранить хладнокровие.

Офицер предварительно приказал запереть все двери и, расставив везде часовых, начал обыск. Прежде всего осмотрели ода, затем перешли к другим комнатам и, заглянув во все углы и щели, перебрали все предметы, но ничего подозрительного не нашли.

Женщины поняли, что случилось нечто необыкновенное, и подняли вопль. Но старик велел им молчать. Он успокоил их, сказав, что ничего опасного нет.

Покончив с обыском, офицер начал допрос.

— Жил ли в этом доме молодой человек, по имени Микаел Дудукджян?

— Он провел здесь несколько дней, — ответил старик.

— Знали ли вы его раньше?

— Я видел его впервые.

— В таком случае, почему же вы приняли его?

— Я старшина этой деревни. Вы ведь знаете местный обычай, по которому дом старшины что-то вроде караван-сарая или гостиницы, где всякий чужестранец и незнакомец находят ночлег. Как могу я знать, кто приходит или кто уходит отсюда?

- Не оставил ли он у вас каких-нибудь вещей?
- Ничего не оставил.
- Вам не известно, с какой целью бродил он в этих краях?
- Он ничего нам не говорил. Знаю только то, что он учитель.
- С кем он виделся или совещался?
- Учитель виделся со многими, чтобы приискать себе учеников.
- А вы знаете, где он теперь?
- Нет.
- Он арестован.
- Тем лучше, если он плохой человек. В эту минуту постучали в калитку.
- Не впускать никого, — приказал офицер. Слуга доложил, что это Томас-эфенди.
- Он может войти.

Вошел Томас-эфенди и, увидев офицера с солдатами, притворился удивленным, точно не знал, почему они явились в дом Хачо.

— Добрый день! В чем дело, что случилось? — спросил он, изобразив на лице крайнее удивление.

Офицер объяснил цель своего прихода. На лице эфенди появилась притворная улыбка, и он, взяв за руку офицера, сказал:

— Ручаюсь головой, что вы не найдете ничего подозрительного в доме Хачо. Вы не знаете еще, какой он добрый и честный человек.

Эфенди отвел офицера в приемную, а солдаты и полицейские остались сторожить ходы и выходы.

— Старшина, — обратился эфенди к старику, — эти люди голодны, прикажи приготовить для них обед. Нужно, чтобы водки было побольше, ты понимаешь?

Последние слова он произнес по-армянски. Старик вышел из приемной совершенно успокоенный, думая, что опасность миновала.

Но все еще было впереди. Турки и не думали так легко выпустить из рук старика. Хотя в доме его не нашлось никаких улик против него, достаточно было и того, что Хачо был армянин, и притом армянин богатый, а это — сытная дичь для турецкого чиновника.

Томас-эфенди сам начал это дело, это он выдал Салмана властям, направил офицера с обыском в дом старика, и ему ничего не стоило спасти несчастного от подстроенной ловушки. Но чтобы достигнуть своей коварной цели, эфенди, наоборот, старался еще больше осложнить дело.

Когда Хачо вышел из комнаты, чтобы распорядиться насчет обеда, офицер обратился к Томасу-эфенди:

— Эфенди, как вы думаете? По-моему, этот человек невиновен.

— Вам известно, бек, — ответил хитрец, — что не в правилах Томаса-эфенди выводить так скоро свое заключение. Для меня дело это слишком темное. Я думал, вы найдете здесь что-нибудь подозрительное, что показывало бы, насколько эти люди сочувствовали планам арестованного. Но странно, что не нашлось улики. Однако у нас, у армян, есть тайна, которая называется «исповедью» — я должен «исповедать» этих людей. Больше всего я подозреваю двух сыновей старика и одного чужестранца, который гостит у них.

— Кто этот чужестранец? — спросил офицер.

— Молодой парень из России. Нужно вам сказать, он слишком опасный человек и большой враг нашего правительства. Он скитается в этих краях под видом купца, но на самом деле это русский шпион.

— Если он русский подданный, то арестовать его будет немного трудно, — ответил офицер.

— В военное время всегда можно арестовать его как шпиона, а как вам известно, война будет скоро объявлена.

— Да, я знаю...

— Об этом молодом человеке я говорил уже с, его превосходительством военным

генерал-прокурором. Разве он не дал вам никаких приказаний?

— Паша приказал мне только исполнить все ваши распоряжения.

— Прекрасно, — сказал эфенди с радостной улыбкой, — я сделаю все, что нужно, а потом скажу вам что-то по секрету.

— Говорите сейчас, я не люблю ждать, — ответил офицер.

— Тогда я скажу вам на ухо.

Офицер подставил ухо, хотя в комнате, кроме них, никого не было, и эфенди прошептал:

«Старикашка довольно богат! Надо содрать с него как можно больше».

Хорошо зная турецких чиновников, Томас-эфенди был уверен, что они интересуются не столько сущностью дела, сколько возможностью содрать с обвиняемого побольше денег. Эфенди на этом строил свои расчеты.

Поэтому он обрадовался, когда офицер немедленно спросил:

— Следовательно, что же нам теперь делать?

— У вас с собой достаточно людей, господин офицер, установите надзор за стариком и его сыновьями — Айрапетом и Апо. Кроме того, прикажите арестовать русского шпиона Вардана.

Офицер записал имена Апо, Айрапета и Вардана.

— Ваши сегодняшние обязанности ограничились обыском, — продолжал эфенди, — но следствие еще не окончено. На основании этого вы должны взять этих людей под надзор, пока окончится допрос у паши.

— Понимаю, — ответил офицер.

— А я должен играть роль посредника, притворяясь защитником обвиняемых, чтобы узнать от них побольше тайн, понимаете?

— Понимаю... — ответил офицер.

XXVII

В то время как Томас-эфенди и офицер строили свои планы, во дворе между солдатами происходил такой разговор.

— Мухамуд, — спросил один из них своего товарища, — если останемся здесь ночевать, какую из невесток этого армянина ты выберешь себе?

— Мне очень понравилась та маленькая, краснощекая, — ответил он.

— А меня совсем свела с ума эта черноглазая, — сказал первый.

Во время обыска в женской половине дома солдаты, видно, обратили внимание больше на женщин, чем на обыск. Где женщина, там магометанин забывает все.

Впрочем, были и такие, которых скорее заинтересовало богатство Хачо.

— С каких пор грызет меня жена, чтобы купил ей медный котел для молока, просто покою не дает, — сказал пожилой солдат, — а здесь я как раз наткнулся на такой точно, какой ей нужен. Когда буду уходить — непременно унесу.

— А я заметил красивый коврик, — вмешался другой, — хорошо бы отдохнуть на нем после сытного обеда и курить кальян, приготовленный рукой женушки.

Пожилой солдат, человек практичный и религиозный, заметил:

— Такие коврики более удобны для намаза³⁵. Другой солдат, видно более завистливый и злой, сказал:

— Отчего это у гяуров должны быть такие красивые жены, такой богатый дом? А у нас дома нет и куска старого ковра, чтобы детям было на чем спать... Гяур должен быть подпоясан старым тоненьким кушаком, который при кашле может разорваться на десять кусков.

³⁵ Намаз — молитва.

Эта обыкновенная поговорка магометан. На Востоке владелец толстого и роскошного кушака считается богачом и почетным человеком. По мнению мусульман, армянин, или гяур, должен быть так беден, что кроме старого кушака, который не выдержит даже малейшего напряжения от кашля, у него ничего быть не должно... Армянин не должен иметь и красивой жены, потому что он гяур; все ценное, красивое должно быть собственностью мусульманина.

Некоторые из солдат вышли в густой, тенистый сад, заботливо выращенный Хачо и его невестками. Солдаты ломали ветки деревьев, срывали зрелые плоды, а зеленые бросали на землю и топтали ногами. Старик видел все это, и сердце его разрывалось на части. Он вспомнил старинную персидскую поговорку: «Если начальник возьмет у садовника яблоко, то его солдаты вырвут все деревья с корнем». Турок способен на такое варварство. Кто не имеет жалости к живому растению, тот не может чувствовать жалости и к людям. Турок съест плод, а само дерево уничтожит. Турок отнимет у человека деньги, добытые трудом, а его самого убьет... Как безжалостно уничтожил он прекрасные леса на своей земле, так же безжалостно убивает он и своих подданных других наций...

Старик вошел в кухню, где шли приготовления к обеду. Несчастный человек! Он был уже арестован в собственном доме и, находясь в тюрьме, исполнял святой долг гостеприимства по отношению к своим тюремщикам.

— Что это за люди? Чего они ищут? Зачем разрушают наш дом? — спросила Сара со слезами на глазах.

— Бог их знает... — печально ответил старик и приказал скорее подать обед.

Женщин охватил ужас: они скрывались в комнатах от наглых взоров солдат. Для них было ясно, что случилось что-то особенное, позволявшее солдатам относиться к их дому с таким неуважением, тогда как раньше при наезде таких же гостей честь дома старика Хачо была всегда уважаема.

Айрапет и Апо, ушедшие утром с Варданом на поиски Салмана, еще не возвращались. Остальные сыновья Хачо, услышав о безобразиях, творимых турками в их доме, сейчас же прибежали с поля домой.

Они были очень разгневаны, но не на турок, а на отца: люди с рабской психологией всегда оправдывают поступки тирана, считая их естественными, и обвиняют себе подобных за то, что те «разгневали своего господина»... Сыновья Хачо возмущались отцом, и упрекам их не было конца. Они обвиняли его за то, что он оказал гостеприимство таким опасным людям, как Вардан и Салман, и готовы были пойти и рассказать офицеру все, что знали, думая расположить его этим в свою пользу.

— Ты сам своими руками разрушил свой очаг, — говорили они отцу.

— Пусть рушится он... — ответил глубоко возмущенный старик, — раз в нем живут такие недостойные дети, как вы... Вы заслуживаете проклятия и гибели, если у вас нет мужества и чести. Мои настоящие сыновья — это те, против которых вы сейчас говорили. Мне не жалко, если из-за них я потеряю все, что у меня есть...

Последние слова старика еще более ожесточили сыновей. Но рассудительный старик, опасаясь, чтобы они не сболтнули лишнего или не сделали какой-нибудь глупости, постарался успокоить их тем, что ничего опасного нет и что можно подкупить турецких чиновников несколькими золотыми, тем более, что Томас-эфенди обещал помочь. Это несколько успокоило сыновей старика. На подобных людей имена «всесильных» оказывают громадное впечатление — Томас-эфенди обещал, следовательно, он мог сделать все.

В эту минуту в дверях показался сам Томас-эфенди и закричал:

— Старшина Хачо, поторопись, надо накормить этих хищников!

— Обед готов, эфенди, — ответил старшина, — сейчас подадут.

Сыновья старика стали накрывать один стол в приемной, а другой для солдат, которые становились все несноснее. В таких случаях турок в доме армянина слишком нахален: он начинает требовать таких блюд и напитков, о которых знает только понаслышке. Каждое слово — «нет», произносимое хозяином дома, встречается руганью. И хотя в доме старика

Хачо всего было приготовлено вдоволь, все же сыновья старика измучились, удовлетворяя требования бесстыдных гостей.

Офицер и Томас-эфенди обедали в приемной, старик в знак особого уважения к гостям сам прислуживал им.

Сыновья Хачо прислуживали солдатам. Увлечшись напитками и вкусной едой, гости на время успокоились. Воспользовавшись этим, старик, подзвав к себе Сару, шепнул ей на ухо:

— Дочь моя, вот тебе ключи, поспеши спрятать все ценное, что есть в доме; ты ведь знаешь, куда нужно прятать.

— Знаю... — ответила несчастная женщина, и глаза ее наполнились слезами; она поняла, что предупреждение старика говорило о близкой опасности.

— Слушай и не падай духом, — продолжал старшине, — наш дом не впервые переживает подобные несчастья. Бог даст — все минет, нужно только терпение. После того как спрячешь вещи, невесток с детьми отправь в деревню к родителям, а вы с Лала идите к куму Зако. Оставайтесь там, пока выяснится, чем кончится эта история.

Некоторые из невесток Хачо были из села О... а остальные из ближайших деревень, поэтому им не трудно было скрыться на некоторое время у своих. Одна только Сара была издалека, ее родители жили близ Баязета, поэтому старик предложил ей отправиться к куму Зако, живущему в той же деревне.

— Да, вот еще что, Сара, — продолжал стариц Хачо. — Айрапет, Апо и Вардан отправились с утра искать Дудукджяна и, вероятно, не знают, что здесь творится, пожалуй, еще вернутся домой и попадут в ловушку. Пошли сейчас же кого-нибудь за ними и вели сказать, чтобы они скрылись где-нибудь и ждали моих распоряжений.

Последние слова старика совсем убили бедную женщину. Значит, ее любимому мужу тоже грозит опасность. В чем он провинился? Что он такого мог сделать!.. Сара была достаточно умна, чтоб не знать некоторых намерений своего мужа, от которых постоянно ожидала дурных последствий.

— Кого же послать? — спросила она печально.

Вопрос этот был задан Сарой не напрасно: если в минуты опасности даже брат отрекается от брата и идет против него, то как же положиться на чужих?.. Братья были сильно возмущены Айрапетом, и Сара только что слышала, как они ругали его.

Старик Хачо понял, что хотела сказать Сара, и с грустью ответил:

— Я знаю, Сара, что никто не пойдет... Я знаю, что все покинут нас во время опасности... Но слуги Вардана — Сако и Его — здесь, они смелые ребята и очень ему преданы. Поспеши сообщить им, в чем дело, и они вмиг разыщут Вардана с товарищами и сделают все нужное. Пусть скажут им об аресте Дудукджяна, об обыске. Остальное они поймут сами.

Старик вышел из женской половины дома, уверенный, что рассудительная и умная Сара исполнит все согласно его желанию.

Проходя через двор, старик увидел, что представители власти и закона, насладившись щедрыми дарами стола крестьянина, напившись досыта вина и водки, устроили настоящее столпотворение. Он прошел мимо, не желая видеть их наглости и нахальства, против которых ничего не мог поделать.

Турки-чиновники не особенно придерживаются религиозных запретов. Употребление спиртных напитков для них приятная привычка — запретный плод всегда сладок. Пьяный магометанин превращается в зверя. От опьянения он приходит в неистовство. Великий Магомет был прав, когда запретил им употребление водки.

Между тем в ода было тоже весело. Офицер выпил много, и беседа его с эфенди приняла более интимный характер.

— Сколько у тебя жен? — спросил офицер. Эфенди улыбнулся:

— «Осла спросили, сколько у него жен, он указал на весь табун».

Если эфенди начинал выражать свои мысли анекдотами об ослах, то это значило, что

он находится в хорошем расположении духа.

— Но христианам, кажется, запрещено иметь больше одной, — заметил офицер.

— Магометанам тоже ведь запрещено пить водку и вино, между тем вы пили не меньше меня, — сказал эфенди, довольный своим удачным ответом.

Разговор их прервал хозяин дома, который принес рахат-лукум и свежий измирский инжир. Поставив угощение на стол, он проговорил:

— После обеда приятно закусить сладким, — и поспешно вышел.

— Видно, добряк этот старик, — сказал вслед ему офицер. — Удивляюсь, как это он принял в своем доме таких людей, как этот русский шпион и константинопольский бунтовщик.

— «У осла длинные уши, да ум короток», — ответил эфенди. — Если есть на свете глупые люди, так это «добряки». Старик из таких.

Турецкий офицер оказался добрее армянина эфенди.

— Я думаю, — произнес он с некоторым сожалением, — наш паша здорово обдерет этого беднягу.

— Еще бы!.. Дурак тот, кто не постарается извлечь пользу из такой дойной коровы... — заметил эфенди.

— Ты его знаешь? Что он за человек — паша? Я его видел только раз.

— Очень даже хорошо знаю, — самоуверенно ответил эфенди. — Я знаю его еще с того времени, как он был каймакамом Тигракерта. Там он разбогател и, вернувшись в Константинополь, сделался пашой.

— А какой он человек?

— «Ищет дохлых ослов, чтобы снять с них подковы».

В то время как эфенди и офицер были заняты подобными разговорами, а пьяные солдаты пели, кричали и плясали, невестки Хачо, взяв за руки своих детей, вышли черным ходом из дома и отправились к своим родным. Все плакали — им казалось, что их ведут в плен и они не вернутся больше в этот дом, где так их любили и где они были так счастливы.

Одновременно с ними из ворот дома выехали вооруженные Сако и Его. Несмотря на свою дьявольскую хитрость, Томас-эфенди не догадался арестовать этих двух удалцов, которые были правой рукой Вардана и могли расстроить злые намерения эфенди.

XXVIII

Томас-эфенди еще не достиг своей цели, главное было впереди. Он знал, что Степаник — девушка; это сообщил ему священник, крестивший Степаника, — отец Марук, который однажды во время обеда, выпив лишнее, выдал тайну, хотя был связан клятвой не выдавать ее никому.

С того дня Томас-эфенди полюбил Лала. Но что значила любовь для этого развратника — такое же чувство, как голод и жажда! Наелся, напился и прошла потребность. Эфенди не были доступны возвышенные, идеальные стороны любви. Всегда живя среди турок, он в совершенстве усвоил их нравы: для турка красивая женщина, молодая девушка так же привлекательны, как для детей игрушки. Ребенок развлекается, радуется своей игрушке, пока она не надоест ему, а потом ломает ее, бросает в сторону и требует другую.

Томас-эфенди смотрел на женщину, как на вещь, которую брал для временного удовольствия; но, увидев другую, более красивую, готов был ради нее бросить первую. Последний выбор его пал на Лала. Но зачем старался он достигнуть своей цели такими темными и нечестными путями? Разве он не мог прямо просить руки Лала?

Эфенди действовал последовательно: когда он шел к какой-нибудь цели, у него всегда была своя тактика.

Томас-эфенди был по натуре притеснителем, а такие люди никогда не идут к цели прямой дорогой, они ищут окольные пути. Это — охотники, устраивающие засады, ставящие ловушки и капканы. Желая завладеть невинной девушкой, эфенди старался поставить отца

Лала в такое безвыходное положение, чтобы тот был вынужден выдать за него свою дочь. Эфенди смотрел на Лала как на собственность отца и, желая овладеть ею, поступал так, как поступает арендатор, чтобы отнять у крестьянина продукт его труда. Зная хорошо, что крестьянин не отдаст добровольно своей собственности, он старается измучить его и лишить всякой возможности сопротивления.

Таким образом, Томас-эфенди, опутывая старика, завязал такие узлы, распутать которые мог только сам.

Донеся на Хачо и его сыновей как на политических преступников, соучастников бунтовщиков и укрывателей шпионов в военное время, Томас-эфенди преследовал двойную цель: во-первых, оказывая такую услугу турецкому правительству, показать ему свою преданность, а во-вторых, как бы предупредить Хачо: «Смотри, если не отдашь мне Лала, то вместе с сыновьями умрешь на виселице, дом твой будет предан огню, а богатство конфисковано. Лишь я один могу спасти вас и только за такое вознаграждение: прекрасная Лала должна быть моей»...

Все это он в состоянии был сделать, имея в руках доказательства, которые легко могли подтвердить основательность его доноса — наполненный бумагами дорожный мешок Салмана, спрятанный в подвале, ключ от которого находился у него в кармане.

Однако эфенди еще не желал доводить своего злого умысла до конца, так как надеялся, что старик согласится на его предложение. Но он видел перед собой сильного соперника в лице Вардана. С того дня, как Вардан вырвал из рук Степаника трубку, приготовленную для эфенди и с гневом выбросил за окно, с тех пор как Вардан из-за Степаника набросился так свирепо на эфенди, он убедился в том, что Вардан и Степаник любят друг друга. Кроме того, Томас-эфенди знал хорошо, каким уважением пользовался Вардан в семье старика и что все с радостью согласилось бы выдать Лала за Вардана, если бы он попросил ее руки. Но не будь даже такого согласия, то довольно и любви Лала к Вардану. Контрабандисту ничего не стоило бы поступить с ней так же, как с запрещенным товаром, то есть похитить в одну прекрасную ночь и увезти. У Вардана хватило бы на это и храбрости и умения. Вот о чем думал эфенди. Следовательно, ему нужно было что-то предпринять, чтобы разрушить план молодого человека. Необходимо было под каким-нибудь предлогом удалить его из этого края, и удалить под конвоем, чтобы он не имел возможности взять с собой Лала.

Вот причина, побудившая Томаса-эфенди выдать Вардана властям как русского шпиона.

Но зачем приказал он из сыновей Хачо арестовать только Айрапета и Апо? Разве ему было известно, что они стояли за Салмана? Он не мог подозревать их в этом, потому что не мог допустить и мысли, чтобы армянин крестьянин был способен думать о свободе. Он знал только, что дети старика покорны как «ослы», за исключением Айрапета и Апо, которые, как он давно заметил, ненавидели его всей душой и могли помешать ему жениться на Лала. Поэтому, чтобы заставить их замолчать, эфенди приказал арестовать их.

Вот в какой неизвестности находилась судьба Лала! Ее любили трое, и все они старались разными средствами завладеть ею. Курд Фаттах-бек, этот известный бесстрашный разбойник, хотел открыто напасть на свою добычу, подобно хищному орлу, который спускается с небес и хватает козленка, пасущегося на высоких скалах. Армянин откупщик Томас-эфенди думал, подобно удаву, обвиться вокруг своей жертвы и придушить ее. Вардан, самоуверенный и дерзкий контрабандист, решил похитить Лала, если не пожелают отдать ее добровольно.

Но курдский бек, будучи очень занят военными приготовлениями, забыл на время о Лала. Вардан был удручен заботами о Салмане, и оставался один только Томас-эфенди, который все устроил так, что вполне мог надеяться на удачу.

После обеда напившийся офицер лег спать. Солдаты его оцепили дом. Апо и Айрапет еще не возвращались, и Томас-эфенди нашел очень удобным поговорить сейчас же со стариком относительно Лала. Он оставил уснувшего офицера в комнате и вышел. «Начал — надо и закончить... — сидеть верхом на осле стыдно, но падать с него еще стыднее»...

Эфенди нашел старика усталым и печальным. Хачо сидел у стены двора и грелся на послеобеденном солнышке. Солдаты нагло смеялись, гоготали и отпускали грубые шутки. Они хватали за платья служанок-курдианок, заставляя их болтать, шутить с ними, или били проходящих мимо работников, которые не слушали их...

Старый патриарх видел все эти бесстыдства в своем доме, где всегда сохранялась семейная святость, где не оставалась безнаказанной даже двусмысленная улыбка чужого мужчины. А теперь перед его глазами толпа развратников распорядилась, как в собственном доме. «Что это за унижение! — думал старик. — Зачем жить нам?.. Почему не разверзнется земля и не поглотит нас?.. Почему не рухнет небо и не придавит нас?.. Что это за жизнь. Видеть свое бесчестье и молчать. Для кого же приготовил господь муки ада? Для кого гроза небесная? Почему не наказывается негодяй?» Так роптал старик, обращая к небу глаза, полные слез. Небо безмолвствовало.

Вдруг он заметил, что солдаты таскают из комнат разные вещи, а Сара, которая, проводив остальных женщин, оставалась еще в доме, старается отнять у одного солдата большой медный котел. Солдат хватил кулаком по груди женщины, и несчастная свалилась на пол. «Мое имущество делят между собою без разрешения хозяина! — подумал старик. — За что? В чем я виноват? Не тем ли, что принял в свой дом гостя, который протестовал против притеснения бедных крестьян и расхищения их имущества? Меня наказывают за то, что я дал приют человеку, который восставал против насилия, бессовестного грабежа и зверской жестокости; который проповедовал нам о том, что надо сохранить землю прадедов наших, самим управлять делами и свергнуть власть турок... Что наводит нас на такие мысли, как не их бесчинства? Если б нас оставили в покое, если б не бесчестили наши семьи и не расхищали нашего добра, если б обращались с нами как с людьми и не терзали как животных, то мы были бы довольны. „Притеснения и несправедливость рождают к свободе“, говорил Дудукджян, и я теперь хорошо понимаю смысл этих слов. Деспот сам готовит себе врагов... Если бы турок обращался с нами иначе, то мы даже полюбили бы его, хотя он и не нашей крови».

Так рассуждал старик, и сердце его наполнилось горечью. Но что мог сделать ослабевший лев с такими волками! Старик чувствовал весь ужас своего положения, но не смел и думать о борьбе. «Одному бороться невыносимо, — рассуждал он. — Если бы все крестьяне думали так, как я, то тогда нашелся бы выход».

Томас-эфенди застал старика в этом подавленном настроении и, желая усилить его муки, издали закричал:

— Дело плохо, старшина, очень плохо: «Уж если осел влезет в болото, то его не вытащишь».

Старик не расслышал его слов, но, заметив эфенди, встал.

— Садись, — сказал ему эфенди, положив по-дружески руку на его плечо, — и я присяду, лучшего места нам для беседы не найти. — Они сели на завалинку, прикрытую куском войлока.

— Когда уйдут эти люди? — спросил старик, указав рукой на солдат, не перестававших безобразничать.

— Куда они уйдут и зачем? Чего им недостает тут? Едят, пьют вволю, — ответил эфенди, беззаботно смеясь.

Смех этот причинил нестерпимую боль старику. Заметив это, эфенди принял серьезный вид.

— Не горюй, старшина Хачо; пока жив Томас-эфенди, он не допустит, чтобы ты лишился хоть одного волоса.

— Как же не лишиться?.. — ответил Хачо возмущившись, — разве не видишь, как разрушают мой дом на моих же глазах, как делят мое имущество между собой, а я не смею запретить этого.

— Это их привычка. «Собака, вошедшая в мясную лавку, хоть косточку да унесет», — ты сам ведь хорошо знаешь, что турок, войдя в дом армянина, не выйдет с пустыми руками.

Но это еще не беда, нужно благодарить бога, что опасность грозит имуществу, а не жизни человека...

При этих словах старик задрожал всем телом. Он находился в таком возбужденном состоянии, что каждое слово эфенди страшно раздражало его.

— Что?.. Что такое?.. — закричал он, выйдя из терпения, — если есть что-нибудь, скажи скорее, за что мучишь меня? Если я должен умереть, то пусть умру скорее.

— Скажу, все скажу, старшина Хачо, имей терпение, — ответил эфенди спокойным, торжественным тоном.

— «Осел не должен лягаться об копьё, если не желает ранить своей ноги»... Армяне должны быть осторожны и не сопротивляться туркам, в особенности в военное время.

И сославшись на пожар в Ване, он начал доказывать, что не подчиняться туркам — великое сумасбродство. Турки подожгли и ограбили несколько тысяч армянских домов и лавок, потому что местные армяне служили шпионами русских. «Пусть армяне не ждут ничего хорошего от русских в этой войне», — прибавил он. Затем, повторив сказанное раньше относительно верноподданства, он начал доказывать, что турки вовсе не так плохи, как мы думаем, что судьба армян связана с турками, поэтому всякая мысль о возмущении — «сумасбродство»... Вследствие этого эфенди считает поступок Салмана сумасшествием и несколько не был бы огорчен, если бы Салмана наказали строго.

— Жаль только будет, — добавил он, — если из-за него подвергнутся наказанию еще несколько человек...

— Кто? — перебил его старик, побледнев.

— Ты, твои сыновья — Апо и Айрапет, и твой другой гость — Вардан, — ответил эфенди.

Удар был настолько силен, что мог сразу убить несчастного старика. Но жизнь, полная страданий, постоянная опасность так закалили его, что он выдержал этот жестокий удар и, сохраняя спокойствие, спросил:

— В чем мы провинились?

— Блаженный! Ты задаешь такие наивные вопросы, что даже ребенку непростительны. Точно не знаешь сам, чем виноваты, — ответил эфенди с горькой усмешкой. — Чем виноват здоровый человек, если его считают больным только потому, что он приехал из местности, зараженной чумой или холерой, желая этим спасти свою жизнь? Но ведь его хватают, запирают подальше и окуривают так, что бедняга еле выживает.

— Значит, и нас запрут? — спросил старик, и его морщинистое лицо так передернулось, что можно было ожидать страшного взрыва гнева.

— Да, — ответил эфенди хладнокровно.

Томас-эфенди сознательно мучил бедного старика. Он старался поставить Хачо в такое безвыходное положение, чтобы тот уверился, что лишь от одного эфенди можно ждать опасения. Эфенди думал вырвать согласие старика на брак с Лала, так как после того, как Вардан рассказал при всех о его многоженстве, которого он тогда не отрицал, эфенди уже не надеялся на добровольное согласие старшины.

Наконец поняв, что хватил через край и что не стоит доводить старика до крайнего отчаяния, эфенди стал утешать его.

— Вас арестуют на несколько дней, но это только для формы. Томас-эфенди устроил дело так, что никакого вреда вам не будет.

Старик ничего не ответил. Он почувствовал, что эфенди говорит с ним вовсе не так, как утром, и в его сердце закралось смутное подозрение.

XXIX

Вардан, Айрапет и Апо, ушедшие утром, ничего не знали о случившемся, о махинациях Томаса-эфенди, об обыске и безобразиях солдат.

Они побывали в нескольких деревнях, разыскивая Салмана, расспрашивая о нем, и

наконец нашли дом, где он находился последнюю ночь. Хозяин этого дома, добрый крестьянин, рассказал им, что гость провел вечер в обществе молодых крестьян, беседуя с ними, а как только они разошлась, поужинал и лег спать. Рано утром его уже не было, и никто не видел, когда он ушел, так что сам хозяин решительно не может сказать, куда девался несчастный молодой человек.

Вардан с товарищами вошли в комнату, в которой ночевал Салман. Там на полу они нашли клочок бумажки, на котором было написано: «Я арестован. Л. С.».

Вардан прочитал и, передав бумажку Айрапету, сказал:

— Я этого ожидал.

Все трое были потрясены таким известием. В нем они видели две беды, во-первых, их молодой, благородный друг сделался жертвой своей неопытности, во-вторых, его арест мог бы обнаружить и провалить их планы, для исполнения которых они поклялись пожертвовать всем.

Хозяин дома с удивлением глядел на них, не понимая, почему клочок бумажки мог так огорчить их.

Простояв несколько минут, они вышли.

Был вечер. Стада возвращались с пастбищ, оглашая воздух блеянием; весело прыгали ягнята и телята, и от общего топота пыль стояла столбом. Крестьяне шли с полевых работ веселые, смеясь и шутя друг с другом. Никого из них не интересовало, что в этой деревне в минувшую ночь совершилось два злодеяния: был арестован юноша и обесчещена молодая девушка... И оба эти преступления совершены одним и тем же лицом, который носит имя армянина и пользуется почетом среди армян.

— Крестьянин — взрослый ребенок, — сказал вдруг Вардан. — Ребенок споткнувшись, падает и плачет, но как только пройдет боль, он забывает о ней и как ни в чем ни бывало продолжает свою игру, снова веселясь... Очень трудно иметь дело с подобными взрослыми детьми. В течение веков они получают одни и те же удары, терпят постоянное угнетение, но забывают все, что случилось вчера. Они так же веселы, так же беззаботно трудятся, вовсе не думая о том, для кого работают и чему радуются. Томас-эфенди хорошо определяет этот народ, называя крестьян «ослами», а тех, которые заботятся о них — «сумасбродами»... Поди-ка растолкуй этим мужикам, что юноша, еще вчера говоривший им о человеческих правах, толковавший о труде и средствах его обеспечения, в настоящую минуту под арестом и что, возможно, завтра очутится на виселице. От всех только одно и услышишь: «Он был безумец, хент»... Но сейчас меня интересует другое — я думаю, что в доносе на Салмана непременно замешан Томас-эфенди.

— Я тоже того мнения, — согласился Айрапет.

— Надо удостовериться в этом, — сказал Вардан. Смеркалось. Старики и старухи возвращались из церкви после всенощной. Вардан с товарищами поспешили удалиться из этой деревни.

«Хорошие иглы... цветные, нитки... красивый бисер»... — раздался знакомый голос коробейника.

Коробейник шел с противоположной стороны улицы, прихрамывая, как и несколько дней назад. За спиной у него висел большой короб, а в руках он держал тяжелый посох под стать самому Геркулесу. Завидев Вардана и братьев, он сказал:

— Добрые господа, купите чего-нибудь, к вечеру дешево отдам.

— Что у тебя есть? — спросил Вардан.

— Все, что вам угодно... — ответил коробейник опустив с плеч короб.

Вардан, осматривая вещи, между тем незаметно сунул в руку коробейника бумажку, найденную на месте ареста Салмана. Коробейник взглянул на бумажку, и едва слышным голосом сказал:

— Да, я знаю...

— Что нужно предпринять?

— Увидимся — потолкуем.

— Где?..

— Уходите, я вас найду...

Они обменялись фразами совершенно незаметно, так что братья, стоявшие тут же, ничего не слышали.

Коробейник снова взял свою поклажу и направился к ближайшему дому, пробормотав:

— Сегодня торговал недурно, надо теперь отдохнуть...

Вардан и братья продолжали свой путь. Всюду в домах зажглись огни. Они подошли к дому мастера Петроса. В дверях своего дома стоял сосед Петроса Ого.

Крестьяне армянских деревень при виде проходящего вечером мимо их дома незнакомца приглашают его к себе, говоря: «Будь гостем». Так многие обращались и к этим молодым людям, но те благодарили и шли дальше. Однако у дома Петроса они остановились, но не из-за приглашения соседа Ого, а потому, что услышали крики и мольбы о помощи. Они вбежали в дом, но крик раздавался из хлева. Апо схватил свечу, и все кинулись в хлев. Взору их предстала такая картина: в петле висела девушка; схватив за ноги, ее поддерживала женщина, чтобы не дать ей удавиться.

— Пусти, пусти... — хрипела девушка.

— Варварэ, Варварэ, — жалобно умоляла женщина.

Быстро перерезав веревку, они освободили девушку из петли. Если бы они пришли минутой позже, все было бы кончено, так как руки женщины устали настолько, что она не в силах была уже спасти несчастную.

Варварэ внесли в дом и положили на постель. Она была без памяти. Ее посиневшее лицо по временам передергивалось, и сквозь сжатые губы слышалось одно и то же слово: «Пусти»... Сусан плакала и проклинала кого-то, не называя его имени. Несколько раз несчастная подходила к девушке и, обнимая ее красивую головку, говорила: «Милая моя Варварэ, дорогая, зачем ты хотела убить себя?.. В чем твоя вина?.. Пусть господь накажет подлеца!»...

Вардан и его товарищи поняли, что здесь скрывается какая-то тайна, но узнать ее было нелегко — сама Сусан ничего не говорила, а кроме двух мальчиков, в доме больше никого не было. Айрапет был знаком с мужем Сусан, плотником Петросом, который нередко приходил к старику Хачо работать, но жену его встречал в первый раз (а женщины в этих краях не вступают в разговор с незнакомым мужчиной). Сусан поблагодарив их, попросила послать кого-нибудь за мужем.

— Где он сейчас? — спросил Айрапет.

— Ушел в соседнюю деревню работать, — ответила Сусан.

Молодые люди собрались идти за плотником Петросом, как вдруг Варварэ открыла глаза и попросила напиться. Сусан подала воды, и больная напилась. Посиневшее лицо девушки теперь побледнело, а глаза покраснели от прилива крови. Она снова склонила голову на подушку и закрыла лицо одеялом, из-под которого послышались глухие стоны. Печальная картина и рыдания несчастной девушки терзали сердца присутствующих, но все же они были рады, убедившись, что жизнь ее спасена.

Выходя со двора, молодые люди дали встречному мальчику несколько копеек и послали за мастером Петросом. Сосед Ого все еще стоял у своего дома. Завидев Вардана с товарищами, он попросил их к себе.

— Чудаки, куда вы идете в такую темноту? Если бы вы знали, как весело провел я ночь; вот и сегодня устроили бы пирушку!

— А что была за пирушка? — заинтересовался Айрапет.

Сосед Ого с увлечением начал рассказывать, что Томас-эфенди гостил у мастера Петроса, куда приглашен был и он сам, Ого, что там играла музыка и девушки танцевали, что много было еды, питья, словом, веселились на славу.

— Клянусь богом, — воскликнул он, — прекрасный человек этот Томас-эфенди! Водки было так много, хоть плавай.

— Конечно, он напоил вас всех, не так ли? — спросил Вардан.

— Чудак, как же не напиться, если пить так много, как пили мы... В том-то и веселье!

— Хозяин был дома?

— Нет. Я заменял его.

— А когда ты напился, то твое место занял эфенди, так ведь?

— Я ничего не помню: меня, говорят, унесли на руках.

Оставив Ого, молодые люди удалились. Дорогой Вардан сказал Айрапету:

— Я понимаю теперь, почему эта девушка хотела повеситься...

— А я догадываюсь, кто выдал Салмана, — заметил Айрапет.

— Нет сомнений, что сделал это Томас-эфенди, — сказал Вардан. — Он такой хитрец, что не мог не понять намерений Салмана и, чтобы выслужиться перед властями, донес на него. В ту ночь эфенди был здесь и сделал распоряжение об его аресте, в этом не может быть никакого сомнения.

Все замолкали. Продолжая медленно путь, каждый про себя думал, как спасти арестованного Салмана.

— Вардан, все, что ты говорил, верно, — нарушил молчание Айрапет. — Но что нам теперь делать?

— Я хорошо знаю турецких чиновников: они беззаботны, неаккуратны и невнимательны в исполнении своих обязанностей, а потому, я думаю, нам не трудно будет спасти Салмана. У меня двое слуг, храбрость которых вам известна; лошади наши готовы, и мы сегодня же отправимся по их следам, а если нельзя будет спасти Салмана другими средствами, то отобьем силой. Я знаю, какие трусы турецкие стражники.

— Мы готовы идти за тобой, — сказали братья. — Одного тебя не пустим.

— Нет, — ответил Вардан, — это будет не только излишне, но и опасно.

Затем, вспомнив о коробейнике, он решил подождать его и обратился к товарищам:

— Сядем здесь, на ходу трудно говорить или думать.

Вардан выглядел усталым и измученным. Точно горе и печаль придавили его своей тяжестью — на душе у него было тревожно...

Они сошли с дороги и укрылись в шалаше, устроенном возле огорода. Здесь никого не было, так как работы еще не начались. Подобные шалаши нередко служат убежищем для уставшего путника; там он находит покой и защиту от палящих лучей солнца и сильных дождей, которые часты в этих краях.

Ночь была ясная, хотя и безлунная. Вдали виднелись огни лачужек села О... и по временам слышался глухой, далекий лай собак.

Вардан продолжал прерванный разговор. Он сказал, что нужно сделать все для спасения Салмана, иначе его казнят. Но это предприятие рискованное, и он считает опасным участие в таком деле Айрапета и Апо, боясь, что в случае удачи или неудачи все равно турки отомстят им. Дело это, сказал он, пожалуй, не обойдется без борьбы и кровопролития, а быть может, случится и убийство, а если примут участие Апо и Айрапет, то, как местные жители, они будут строго наказаны, что повлечет за собой разгром их дома и убийство всех родных. Сам же Вардан, как подданный другого государства, может сделать все, что нужно, и уехать отсюда; никто его не разыщет, в особенности в военное время.

Выслушав опытного в таких делах Вардана, братья ответили:

— Мы переоденемся, и никто нас не узнает.

— Все равно. Что бы вы ни сделали, дело не скроется. Здесь много найдется подобных Томасу-эфенди людей, готовых вас выдать. Здешние армяне, если есть возможность расположить к себе турок, ни перед чем не остановятся. Армянин зачастую более, чем кто другой, вредит самому себе; он сам себе враг...

Последние слова Вардан произнес с глубоким волнением. События последних дней: арест Салмана, равнодушие крестьян, случай с Варварэ и злодеяния Томаса-эфенди сильно потрясли Вардана. Но он не знал еще о проделках Томаса-эфенди в доме Хачо. Озабоченный всем этим, он почти забыл о Лала, этом нежном существе, постоянно занимавшем в его сердце так много места. Теперь вдруг представился ему печальный, молящий образ любимой

девушки, в ушах зазвучали ее слова: «Куда идешь? Зачем оставляешь меня? Ты идешь спасать любимого друга, — но ведь я твоя возлюбленная, ведь ты дал слово увезти, спасти меня! Здесь плохо мне! Я боюсь, очень боюсь курдов...»

В сердце Вардана шла борьба. Два существа стояли перед ним — любимая девушка и любимый друг; оба они были в опасности, оба нуждались в помощи.

Вардан еще не знал об опасности, угрожавшей Лала от курдского бека, но ему было хорошо известно, какие сети расставлял ей Томас-эфенди. Вардан знал, что эфенди ни перед чем не остановится для достижения своих низких целей.

В маленьком шалаше стояла тишина.

Подобные же мысли мучили и Айрапета. Он знал о любви Вардана и Лала и считал свою сестру нареченной Вардана. Между тем Вардан шел спасать своего друга, и бог знает — убьют его, или ему удастся спасти друга из рук турок, но в обоих случаях он терял Лала, так как очень легко могло случиться, что к его возвращению курдский бек похитил бы девушку. Однако Вардан ничего не знал об этом и не мог знать, потому что ему никто не говорил о намерениях бека. Не рассказать ли об этом Вардану? — подумал Айрапет. Но как рассказать!.. До сегодняшнего дня Вардан никому в семье старика не говорил, что любит Лала и хочет на ней жениться. Случайно узнала об этом только Сара. Дела сложились так, что у Вардана не было времени открыться, а теперь новое и опасное предприятие совершенно разлучало его с Лала. Это окончательно уничтожало все надежды Айрапета, ибо теперь Вардан не мог помочь Лала спастись от курда.

В то же время Айрапета не меньше тревожила и судьба Салмана: он полюбил этого самоотверженного молодого человека даже больше, чем Вардан. Оставить Салмана в руках турок, в тюрьме, где его могли убить после долгих мучений, было бы крайней жестокостью. Но и сказать Вардану об опасности, грозившей Лала, значило помешать ему идти на выручку Салмана.

Все молчали, погруженные в свои невеселые думы. И Салман и Лала требовали помощи. Кому же следовало оказать ее? — это был очень трудный вопрос.

Но о чем размышлял в эту минуту Апо — этот смелый крестьянский парень? Скорее всего ни о чем. Он был одним из тех людей, которые идут туда, куда их направляют, если только их ведут к добру. Апо мог быть хорошим орудием в руках опытного человека.

Но тут признание Вардана несколько разъярило дело. Он, не скрывая ничего, объявил братьям о своей любви к их сестре, рассказал о данном ей слове увезти ее и о том, что получил на это согласие Лала. Сказал, что принужден прибегнуть к такому средству только потому, что не надеется получить согласие старика Хачо на брак, так как заметил и даже убежден, что старик думает выдать Лала за Томаса-эфенди.

— Излишне распространяться об этом человеке, — продолжал он, — вы оба знаете его и узнали еще лучше сегодня. Выдать за него Лала — значит бросить ее в пасть волка... Но меня мучит одно: я, как уже сказал, должен идти выручать Салмана. Долг дружбы не позволяет мне откладывать это дело... Наконец, и я отчасти послужил причиной его ареста: я воодушевил его и раздул огонь, который искрился в его сердце и этим ускорил катастрофу, следовательно, я должен постараться спасти его... С другой стороны, я не знаю, как быть: могу ли я оставить Лала! А вдруг эфенди устроит все так, что не сегодня — завтра Лала станет женой этого изверга. Какая судьба ожидает несчастную?

Айрапет ответил, что Лала давно уже рассказала Саре о своей любви к Вардану, и он тоже знал об этом, что и он и все братья были бы очень рады, если б Вардан поспешил днем раньше увезти Лала.

— Не из-за эфенди, — сказал он, — а есть более важная причина, которая заставляет нас удалить Лала из этого края как можно скорее...

— Какая еще причина?! — воскликнул Вардан, и глаза его загорелись гневом.

Айрапет рассказал ему о намерении бека, о том, что Хуршид известила Сару о замысле курда, советуя удалить Лала. Словом, Айрапет сообщил ему все, что совершилось до этого дня и о чем Вардан ничего не знал.

Вардан слушал Айрапета с горьким чувством. Каждое его слово стрелой впивалось в его сердце.

— Вам все было известно, и вы молчали! — сказал он в волнении. — Неужели вы ждали, чтобы курдский бек похитил вашу сестру среди белого дня, на ваших глазах?

Только теперь понял Вардан смысл печальных слов, сказанных Лала таким безнадежным тоном и бывших для него непонятными раньше. Он понял, почему Лала в ту темную ночь, когда они встретились в первый раз в саду, вместо того, чтобы отдаться ласкам первой любви и говорить о своем беспредельном счастье, проливала слезы и в волнении говорила: «Я не пойду к Сона... я боюсь могилы... боюсь курдов. Спаси меня, увези в другой край». — Значит, она знала, какая горькая участь ждет ее, потому и рассказала о своей подруге Наргис, о том, как ее похитили курды и как она грустна и убита...

Бывают минуты, когда сердце человека под влиянием несчастий, опасностей и жестоких ударов судьбы делается тверже, несокрушимее и выносливее. Когда удары злой судьбы достигают высшего предела, человек начинает относиться к ним с презрением.

В таком состоянии находился и Вардан. Он был спокоен. Он решил все разом и знал, что ему делать. Любовь к другу победила любовь к женщине. С гибелью друга гибла идея, идея освобождения обездоленного, угнетенного крестьянина, соединявшая в себе спасение чести не только одной Лала, но и тысячи женщин. «Зачем же заботиться только о Лала? Зачем оставлять общее дело и идти за личным?» — думал он.

— Я должен повторить вам то, что говорил несколько минут назад, — сказал Вардан. — Я должен идти за Салманом и стараться любыми способами спасти его жизнь, Но Лала нельзя оставить в таком положении, нужно о ней позаботиться. Вот мой совет, слушайте...

— Никаких советов не нужно!.. — послышался чей-то голос, и из-за шалаша показалась фигура коробейника.

Увидав его, Вардан очень обрадовался, но Айрапет и Апо были неприятно поражены тем, что это чужой скиталец подслушал их разговор. Они ничего не знали о нем, но когда Вардан, дружески взяв коробейника за руку, усадил возле себя, братья немного успокоились. Вардан сказал им;

— Не сомневайтесь, он из наших...

Мелик-Мансур теперь выглядел иначе, даже Вардан не мог узнать его сразу. На нем был национальный костюм лазов и полное вооружение их.

— Я не могу долго оставаться с вами, — проговорил он торопливо, — вам известно, что наш «дударь» попался в клетку, надо спасти его.

— Мы как раз об этом говорили сейчас.

— Не беспокойтесь, не завтра, так послезавтра он будет спасен, — сказал Мелик-Мансур вставая. — Продолжайте наше общее дело, а пока — доброй ночи.

— Вы идете одни?

— Нет, товарищи ждут меня там. Он указал в сторону горы, где в ночной темноте была едва заметна группа всадников.

— Кто они? — спросил Вардан.

— Несколько молодых горцев. До свиданья.

Вардан хотел спросить еще кое о чем, но Мелик-Мансур уже исчез.

Айрапет и Апо были удивлены неожиданным появлением этой таинственной личности. Вардан сообщил братьям все, что знал о нем, и братья поверили, что этот ловкий и предприимчивый незнакомец сумеет спасти Салмана.

Они встали и направились домой.

Между тем Сако и Его — слуги Вардана, посланные для того, чтобы предупредить Вардана и его товарищей, эти два удальца и верные спутники Вардана, проведя целый день в поисках, так и не смогли найти их.

— Плохи дела наши, — сказал Сако своему товарищу, — нам не следует попадаться, чтобы в случае чего мы могли помочь нашему господину.

— Я тоже так думаю, — ответил Его. Друзья решили искать Вардана, держась

подальше от дома старика Хачо.

XXX

Было уже за полночь, когда Вардан, Айрапет и Апо вернулись домой. Не зная, что совершилось в их отсутствие, они шли к дому совершенно спокойно. Но не успели они войти, как за ними моментально закрылись ворота. В дверях стояло двое солдат, а офицер со своей беспорядочной свитой был в приемной. Несколько стражников бродили во дворе и, как охотничьи собаки, вынюхивали, что бы стащить.

Женщин и детей дома не было, они ушли к своим родным.

Вардан и сыновья Хачо не сразу поняли, что означала эта толпа, так как остановка солдат в приемной старика Хачо, да и в доме всякого армянина, была обыкновенным явлением, и каждый раз, когда крестьянину приходится принимать таких «гостей», он бывает вынужден удалить женщин, если гости не требуют, приставив нож к горлу хозяина, оставить женщин в доме для прислуживания.

Увидев Айрапета, один из братьев с возмущением на него набросился:

— Видишь, какую беду свалил на нашу голову этот «пампулик»³⁶ Иди теперь отвечай перед начальством... С первого же дня я дал бы в шею этому щенку, но ты, сатана, воспротивился этому... Иди теперь отвечай за все...

Айрапет промолчал. Брань брата относилась к Салману, и он понял теперь, что случилось...

— И мы попались в ловушку, — усмехнулся Вардан, — этого только недоставало...

Тут к ним подошли стражники и, схватив их, повели в дом. Томаса-эфенди там не было. Сделав свои распоряжения, он удалился и сегодня гостил у священника села. Кроме старика Хачо, офицера и нескольких солдат, стоявших у дверей, в ода никого не было. Вардан вошел первый и сел рядом со старшиной, не ожидая приказаний турецкого чиновника; Айрапет и Апо остались стоять.

Поведение Вардана не понравилось офицеру. Он презрительным тоном спросил:

— Вы откуда, армянин?

Слово «армянин» прозвучало как брань.

— Из России, — ответил, еле сдерживая гнев, Вардан.

— По какому делу приехали в эти края?

— По торговым.

— Есть у вас пропуск?

— Был, да потерял.

— Это мы проверим. Скажите, когда и через какую пограничную таможенную вы прошли, тогда легко опровергнуть: там, наверное, записано ваше имя и номер паспорта.

— Я контрабандист. А тот, кто занимается этим ремеслом, ходит подальше от таможен. Если хотите, у меня никогда и не было пропуска.

— Если б вы были только контрабандистом, то это еще простилось бы. Но вы обвиняетесь в другом преступлении.

— В чем?

— В шпионаже.

— Ах так! Сразу видно, что об этом вам сообщил Томас-эфенди, а он, как известно, никогда не лжет... — сказал Вардан насмешливым тоном.

— Это все равно, кто бы ни сообщил, — ответил офицер с хладнокровием чиновника, — подозрительных людей, особенно в такое тревожное время, мы терпеть не можем. На ночь тебя запрут здесь, а утром поведут к военному паше, он распорядится твоей судьбой.

³⁶ Легкомысленный, глупенький.

— Для чего же в таком случае этот допрос, если моя судьба должна решиться у паши? Вы должны были только арестовать меня, больше ничего. Но, впрочем, это в вашей привычке: здесь каждый полицейский считает себя хозяином и властителем...

Офицер, скрыв свою ярость, приказал стражникам увести Вардана.

Когда его увели, офицер, указав на Айрапета и Апо, обратился к полицейским:

— Этих нечего допрашивать, — сказал он, — вина их известна; уведите и глядите за ними в оба.

Старик Хачо был в каком-то оцепенении; он находился как бы в тумане и видел все точно во сне. Зачем эфенди обманул его? Разве все это делалось только для формы, как верил он?

Вардана, Айрапета и Апо увели и заперли в каком-то строении, служившем амбаром для хранения зерна. Пол и стены амбара были сложены из камня и обмазаны известью, чтобы мыши не могли прогрызть дыру и уничтожить хлеб, узенькие окна закрыты железной сеткой для защиты от птиц. Словом, амбар мог быть хорошей тюрьмой на эту ночь. В углу горела сальная свеча, тускло освещавшая темные оводы амбара.

Айрапет и Апо молчали. На их лицах можно было прочесть глубокое отчаяние и ужас. Им известна была жестокость турецких начальников, которые, придравшись к самому ничтожному проступку, а очень часто обвинив ни в чем не повинного человека, готовы ограбить и уничтожить его, в особенности, если он армянин, и состоятельный армянин. А теперь для обвинения имелось достаточно улики. Но откуда взялись они? Кто указал на них? Этого они никак не могли понять.

Вардан, казалось, был спокоен. Это было спокойствие моря, наступающее после страшной бури.

— Я вам расскажу одну притчу — сказал он своим товарищам. — Когда-то лесные деревья известили своего царя, что изобретено орудие их гибели. — «Как называется это орудие?» — спросил царь. — «Топор», — ответили деревья, — «Из чего он сделан?» — «Лезвие из железа, а рукоятка из дерева», — ответили деревья. — «Если рукоятка сделана из нас же, то это очень опасное орудие», — сказал лесной царь.

— Рукоятка сделана из нас же... — повторил Вардан, подчеркивая последние слова. — Рукоятка орудия, которое эксплуатирует нас, грабит, мучит, делает нас рабами, которое уничтожает нас и разрушает наши дома, — рукоятка этого орудия сделана из нас, армян. Такие люди, как Томас-эфенди, служат подобными рукоятками в руках врага. В истории армян немало подобных примеров. Там, где предают отечество в руки врага, замешан армянин. Там, где совершено свержение с престола армянского царя и передача его трона чужестранцу, замешан армянин. Там, где увидите родную землю, обогренную кровью армян, их жилища, уничтоженные огнем, а самих обитателей в плену, — там опять обнаружите участие армянина. В подкопах и кознях против нации, религии и святой церкви всегда замешан армянин. Одним словом, во всех страданиях и гонениях, пережитых и переносимых нашим народом, всегда действовал топор армянина. Армянин сам своими руками подкопал фундамент национального здания и сам же расшатал его святые устои. Зачем же мы обвиняем других?..

Апо и Айрапет в глубокой печали слушали Вардана.

— Значит, все наши надежды исчезли и наше недостроенное здание в самом фундаменте рухнуло!? — спросил Айрапет.

— Я, точно пророк, предвидел это и знал, что плохо кончится, да и ожидать иного конца было бы глупостью, — ответил Вардан. — Салман сам колебался и мало верил в начатое дело. Я помню, как он однажды сказал мне: «Если идея какого-либо народного движения всего лишь бред воображения нескольких героев, а не общее достояние, если она не укрепилась хотя бы в части народа, то можно одним ударом покончить с ней, уничтожив руководителей. Но масса — другое дело. Убить идею в массе невозможно... — Мы, говорил он, сеятели, но не жнецы. Жатву мы оставим следующему поколению». Вот почему Салман в последние дни взялся за создание школ как более прочных и полезных учреждений.

Деятельность Салмана не имела целью восстание, она носила скорее характер реформаторской, подготовительной работы. Однажды он обратился ко мне с радостной улыбкой, такой редкой на его холодном лице. «Вардан, мы, взявшиеся за дело воспитания народа, сами еще неразвиты; мы должны учиться у этого самого народа. Народ — великий учитель. Каждая поговорка его несет в себе глубокую философскую мысль. Послушай-ка, как определяет народ свое отношение к туркам: „Живи с собакой дружно, но палки из рук не выпускай!“ И действительно, в этой поговорке много мудрости: чтобы не стать жертвой зубов собаки, нужно держать палку наготове, Поэтому Салман старался вооружить народ и подготовить его к самообороне.»

Айрапет и Апо слушали Вардана с глубоким вниманием. Они точно забыли свое несчастье и горькую участь, ожидавшую их, и думали об общем горе. Они уже несколько раз слышали от Салмана подобные слова, но до сегодняшнего дня не могли так ясно понять их смысла.

Казалось, арест воодушевил Вардана, он говорил не умолкая. Ему не раз приходилось сидеть в тюрьме, и всегда она производила на него тяжелое впечатление, но теперь он чувствовал нечто вроде удовлетворения. Он был похож на приговоренного к смерти, который, стоя на эшафоте, смотрит с презрением на несправедливый мир и смеется над глупостью людей, говоря: «Вот вся ваша сила!.. Что вы можете сделать больше?.. Вы убиваете мое тело, но не можете убить посеянных мной мыслей»...

— «Живи с собакой дружно, но палки из рук не выпускай», — повторил Вардан. — Это верно. Такая ужасная жизнь делает людей дьяволами, подобными мне... Вы, друзья мои, не знаете меня таким, каков я на самом деле, и так как может случиться, что я говорю с вами в последний раз, то слушайте меня. Я из тех людей, которые рано начинают платить за зло злом. Много раз руки мои бывали обагрены кровью, но ни разу не пролил я невинной крови. Некогда я был монахом, но из Ветхого завета выучил только одно: «Око за око». Когда я прочитал, как Моисей, пророк Иеговы, из любви к своей нации убил египтянина, преследующего евреев, и закопал тело его в песках Нила, сердце мое наполнилось страшной ненавистью к тем народам, которые устроили гонения на армян. Прочитав, как Моисей, пророк Иеговы, уничтожил целые племена, пока очистил обетованную землю от чужестранцев и водворил на их место сыновей Израиля, я подумал, что так же нужно поступить с турками, курдами и черкесами, которые захватили наши земли, оставленные нам нашими отцами. Это — тот же закон природы, о котором говорил нам Салман, приводя в пример растения; одна порода растений давит, душит и уничтожает другую, и сама занимает ее место. Если мы не желаем погибнуть в борьбе за существование, то должны обладать силой и способностью защищаться. В этом и заключалась главная цель Салмана — пробудить и воспитать в народе эту способность к самозащите. Я давно уже научился этому. Быть может, моралист назовет меня безнравственным, преступником, зверем; быть может, и священник назовет меня грешником, но это не беда. Я должен поступить так, как того требует жизнь! Но если только люди перестанут быть злыми, если воцарится на земле мир и христианское братство, я буду тогда добрейшим человеком и готов обниматься со своими врагами.

Так беседовали они до тех пор, пока не догорела свеча и, затрепав, не погасла.

XXXI

В ту же ночь, когда молодые люди, сидя в заточении, говорили о судьбе угнетенного народа своей несчастной родины, Томас-эфенди ужинал у отца Марука и, будучи навеселе, болтал и шутил с ним.

Это был тот самый священник, который причинил столько забот Салману. Но теперь, услышав об аресте Салмана Марук скорбел душой, но не потому, что в лице Салмана погибал общественный деятель, а потому, что ему жаль было всякого армянина. Отец Марук не был злым человеком и если он выступил против Салмана, чтобы помешать его планам по открытию школы, то только потому, что считал затею Салмана вредной. Отец Марук

прежде был простым крестьянином и в детстве кое-как выучился грамоте и письму в монастыре св. Иоанна. В хозяйстве ему не повезло, он разорился и ушел в чужие края искать счастья. Не повезло ему и на чужбине: одно время содержал он кофейню в Ване, но и тут дела его пошли плохо, и он, не приобретя ни гроша, вернулся на родину, где, не находя других средств к существованию, сделался священником.

В этот вечер был приглашен к попу и сельский педагог — известный нам уже дьячок Симон, зять отца. Он был высокого мнения о своих знаниях (крестьяне тоже высоко ценили его), но больше всего гордился тем, что доводился зятем священнику.

Темой разговора служили события, происшедшие в доме старика Хачо, которые навели ужас на всю деревню и беспокоили отца Марука.

— «Осел трудится, а лошадь кормится», святой отец, — продолжал эфенди. — Так было, так и будет. Что установлено богом, человек изменить не может. Бог создал одного господином, а другого работником. Один трудится, другой ест. Если не будет работника, господину нечем будет жить, и наоборот: не будь хозяина, пропал и работник. Турки охраняют, защищают нас своим оружием, и мы должны платить им своим трудом; бог дал в руки турка меч, а в руки армянина — лопату. Одно не может заменить другое.

— Правда ваша, — согласился батюшка, осенив себя крестным знамением, — господь наш Иисус Христос то же самое говорит в святом Евангелии: без воли господя бога даже листочек не опадет с дерева и волосинка не поседеет на голове. Все в его руках.

— Истинная правда... — подтвердил дьячок Симон, также крестясь.

Затем они заговорили о положении крестьян, ухудшившемся из-за войны. Священник, смотревший на грабежи с точки зрения личной выгоды, жаловался, что налоги совершенно истощают хозяйство крестьянина, а то, что остается, уносят курды. — Потому-то труды его оплачиваются плохо, ему приходится венчать, крестить и хоронить без всякой платы. Крестьяне хотя и обещают платить, но или не могут, или же надувают; в деревне у него много должников, и он решил теперь не крестить, не венчать и не хоронить, пока не заплатят вперед. Ведь и он человек, и ему жить хочется.

— Святой отец, — назидательным тоном ответил эфенди, — вы не знаете крестьянина так, как я. «Бог дал мужику только душу, но и ту не может взять назад, пока ангел смерти не станет над головой мужика с мечом в руках». Это для нас пример. Крестьянин пока не увидит над собой «благословенной палки», денег не даст. Приготовьте список ваших должников, передайте мне, а я поручу стражнику собрать с них. Я не позволю пропасть ни одному вашему прощу.

— Пусть благословит вас господь и продлит вашу жизнь, — воскликнул поп. — Список давно готов.

— Прочтите-ка, посмотрим, как велика сумма.

Отец Марук вытащил из кармана листы грязной и засаленной бумаги, которые от долгого хранения в кармане пожелтели и совершенно истрепались. Это была его памятная книжка. Четыре страницы были исписаны рунными каракулями, показывающими, с кого сколько следовало получить денег. Священник поднес бумаги к глазам и попробовал прочесть, но не смог, и передав их своему зятю, сказал:

— Прочти-ка, отец Симон, я ничего не вижу.

Дьячок взял бумаги, кашлянул несколько раз, почесал затылок, выпрямился и начал певучим голосом, точно читал грамоту католикоса:

«Крестил дочь хромого Мга, осталось за ним 5 хурушей³⁷, девочка через неделю умерла, похоронил, осталось еще 7 хурушей... За венчание сына Хло следовало 10 хурушей, получил 30 связок сена, что составляет 3 хуруша. Жена Пано была больна, ходил к ней и читал три главы из евангелия, деньги „3 хуруша“ остались за ним. На крещение, когда вынимали крест из воды, восприемником был сын Сако, хотя Барсо давал 30 хурушей за это,

³⁷ Хуруш — турецкая монета.

но я договорился уже с первым за 20 хурушей; денег он мне не дал, обещав заплатить во время молотьбы, но надул; свидетелем был деревенский десятник».

Это был не список должников, а скорее перечень пастырской деятельности святого отца в течение нескольких лет, беспорядочно изложенный, но ясно показывающий, чем занимается деревенский священник.

— Да, немалый счет, — сказал эфенди, нетерпеливо прервав чтение, — вы, святой отец, дайте мне эти бумаги, и я прикажу взыскать все деньги. Крестьяне деревни Н... тоже запоздали со взносом монастырского сбора, но как только я получил письмо настоятеля, тотчас же дал приказ, и в один день собрав все, отослал в монастырь, за что получил благословение настоятеля.

Священник подобный способ взимания долгов считал настолько естественным, что не только согласился с предложением эфенди, но даже, вторично поблагодарив, благословил его драгоценное здоровье. Но что заставило Томаса-эфенди взяться за оказание священнику такой услуги? Эфенди был не из тех людей, что бескорыстно совершают подобные благодеяния. Почему же он не только взял на себя эту услугу, но и обещал попу не удерживать с него десятой части денег, которая всегда удерживалась, если сбор производили правительственные чиновники.

— Да не покинет вас благословение праотца Авраама! — воскликнул поп, услышав это обещание эфенди.

Но подобный же счет хранился и в кармане дьяка Симона, он тоже давно не получал со своих учеников и решил сейчас же представить эфенди свой счет. Но священник предупредил его, шепнув на ухо. «Пусть сначала соберет мои деньги, а потом твои».

Семья у отца Марука была небольшая. Сын его умер, оставив жену и двух детей, которые жили у деда. Сам святой отец давно уже лишился попадьи и жил, как подобает вдовцу.

В эту ночь в доме попа лежал больной — его младший внук. Невестка отца Марука, подав гостям ужин, ушла к себе и села у постели больного ребенка. Печально глядя в его лицо, она с тревогой прислушивалась к тяжелому дыханию ребенка. Он был похож на своего отца и напоминал несчастной вдове горячо любимого мужа. Она почти не слышала и не обращала никакого внимания на то, что делалось в соседней комнате, а поглощенная горем и заботой, видела перед собой только больного ребенка.

Между тем священник, обрадованный обещаниями Томаса-эфенди, приказал невестке подать еще водки и приготовить мазу³⁸. (По местному обычаю считается особым уважением к гостю, если выпивка продолжается после окончания ужина).

Молодая женщина была так рассеянна, что отец Марук должен был повторить свое приказание. Достать водку было не трудно: у святого отца всегда имелся запас этого добра. Невестка наполнила бутылку. Но как приготовить мазу? Дома никаких сладостей не было, сказать же «нет» было стыдно. В доме армянина должно быть для гостя все. Она решила пойти и попросить у соседей.

На дворе было страшно темно. Дождь лил как из ведра. Молодая женщина вышла во двор и поднялась на крышу своего дома, чтоб оттуда спуститься к соседям. Но тут послышался сильный стук в дверь соседа. Женщина притихла, и до ее слуха донеслась турецкая речь — угрозы и приказания отпереть дверь. Из-за двери отвечали, что у них никого нет, клялись, что не у них скрываются те, кого они ищут.

Зуло — так звали невестку попа — до того перепугалась, что не решалась ни повернуть обратно, ни спуститься к соседу — и стояла растерянная, неподвижная на крыше дома.

В эту минуту ей послышался тихий шепот. Казалось, кто-то поднимается по лестнице на крышу соседнего дома.

— Тише, Степаник...

³⁸ Десерт, приготовленный из сушеных фруктов. (Прим. автора).

— Куда мне идти, Сара?

Зуло узнала их. При виде этих несчастных, нуждающихся в помощи, она обрела мужество. Ей было известно о печальных событиях в доме старика Хачо. Знала она также, что женщины этого дома в эту ночь скрывались у соседей. Зуло поняла, что солдаты, арестовавшие сыновей Хачо, ломились сейчас в двери соседа, разыскивая их жен.

Сара и Степаник были уже на крыше дома священника и, как преследуемые охотниками дикие козы, окруженные со всех сторон и растерявшиеся, не знали, куда им бежать. Дождь продолжал лить. В крестьянских лачужках было темно. Везде спали. Было уже за полночь.

Вдруг блеснула молния, сопровождаемая страшным громом, и яркий свет ее осветил на мгновение фигуру Зуло на крыше. Лала подумала, что это турок, успевший уже подняться на крышу и, обессилив от страха, упала на грудь Сары. Зуло подошла к ним.

— Это я, не бойтесь! — сказала она.

— Ах, Зуло! Это ты? — произнесла Сара, все дрожа. — Ради самого бога, спрячь нас куда-нибудь, не то нас схватят турки и уведут...

Зуло растерялась. Куда отвести их? Где скрыть?..

У них сидел подозрительный гость, да и сам отец Марук едва ли согласится принять беглецов. Но нужно было помочь этим несчастным, так как она хорошо знала, какому бесчестию подверглись бы они, попади в руки турок. В то же время она брала на себя большую ответственность, давая приют преследуемым, вся вина которых заключалась в том, что они были женщины. Все это хорошо понимала Зуло. Но жалость взяла верх над страхом, а близость опасности подсказала ей путь к спасению.

— Идем, — сказала она, взяв за руку Лала. Они начали спускаться с крыши. В эту минуту послышался страшный треск, заглушенный шумом бури и дождя. Это турки выломали дверь соседнего дома.

Рядом с домом священника стоял сарай с маленькой дверцей со стороны двора. Зуло отвела туда беглянок, и они спрятались в сене.

— Я приду к вам, — сказала Зуло и, заперев сарай, ушла.

За шумом дождя ни отец Марук, ни его гость не слышали, что происходило на улице, а Зуло, вернувшись домой, ничего им не сказала. Она подошла к священнику и шепнула ему на ухо, что соседи уже спят, и она не могла достать сладкого для приготовления мазы.

— Я разыщу что-нибудь у нас — сказал отец Марук и, подойдя к шкафу, стал в нем рыться.

Воспользовавшись тем, что священник отвернулся, эфенди, подойдя к Зуло, шепнул ей:

— Ты сама — маза, на что нам другая маза. Дьячок Симон был так пьян, что ничего не расслышал. Зуло, оскорбленная словами эфенди, бросила ему:

— Негодай!

Армянка терпеливо переносит всякие невзгоды, но не выносит оскорбления своей чести. Возмущенная Зуло ушла к больному ребенку. Он уже проснулся и, увидев мать, сказал:

— Мама, побей Тороса, он берет мои игрушки. — Мальчику, видимо, приснилось, что старший брат Торос отнял у него игрушки.

— Смотри, милый мой, Торос возвратил их; посмотри, вот они здесь, — сказала мать и достала из-под подушки игрушки мальчика, который схватил их своими слабыми ручонками.

Зуло радостными глазами глядела на сына. Она забыла об оскорблении, нанесенном ей Томасом-эфенди, забыла свое горе, так как ребенку уже было лучше.

Между тем священник, не найдя ничего в шкафу, спросил Зуло, куда она дела сахар, лежавший там. Она ответила, что у мальчика был сильный жар, и она приготовила из сахара прохладительный шербет.

— Черт бы его побрал, напоила бы его ядом!.. — гневно закричал отец Марук. — Разве ты не знала, что сахар был спрятан для гостей? Что теперь делать?

Зуло ничего не отвечала, но ее печальные глаза наполнились слезами.

У отца Марука часто доброта сменялась беспричинной злобой. Кроме того, и духовный сан делал его черствым; попы, доктора и палачи, часто имея дело с покойниками, не особенно чувствительны к смерти. Поэтому болезнь внука занимала отца Марука меньше, чем желание угодить гостю, в особенности после того, как тот пообещал взыскать с крестьян все его деньги.

— Мама, отчего ты плачешь? — спросил мальчик, глядя на мать. — Перестань плакать, я теперь чувствую себя хорошо.

Ничто так не утешает мать, как одно ласковое слово ребенка, одна его нежная ласка. Молодая женщина забыла свое огорчение и вытерла слезы.

Теперь Зуло думала о Саре и Степанике: что будет с ними, если внезапно в сарай ворвутся турки. Но несносные гости продолжали свою попойку, и приходилось ждать, когда они уснут, чтобы пойти к Степанику и Саре.

Кроме того, Зуло хотелось узнать, чем же кончилось дело у соседей. Наконец она не вытерпела и вышла в маленькую комнату, которая служила кладовой. В стене этой комнаты было небольшое отверстие, выходящее прямо в дом соседа. Почти во всех деревенских домах есть такие отверстия для сообщения между соседями в случае какого-либо несчастья: в домах более близких людей такие отверстия делаются шире, чтобы можно было передавать небольшие предметы, например зажженную свечу, если не бывает спичек.

Зуло стояла у отверстия, через которое видна была часть соседнего дома, и слушала, о чем там говорилось.

— Всех вас вырежем, если не укажете, куда они девались. Нам сказали, что они здесь... вы их скрывали... Говорите скорей, не то уведем ваших жен...

Сосед Зако, упав к ногам турок, умолял о пощаде:

— Бог, небо, земля свидетели, что их здесь нет. Не убивайте меня... Вот мой дом... делайте с ним, что хотите.

Эта картина напоминала события в Содоме, тот момент, когда толпа негодяев обступила дом Лота, требуя выдачи гостей. Добрый патриарх умолял их оставить гостей в покое, предлагая взамен своих дочерей... Иегова Израиля был жесток и мстителен — он наказал злодеяния людей, предав огню этот безнравственный город. Но армянский бог видел злодеяния худшие, чем в Содоме — и оставлял злодеев безнаказанными.

Зуло, дрожа всем телом, продолжала слушать. Вдруг послышались глухие удары, и она увидела, как сосед Зако повалился на землю. Огонь погас. Теперь Зуло не могла видеть, что там творится, и только слышала голоса: «Ох... спасите... пустите... не убивайте... умираю... куда тащите?..»

Эти мольбы женщин и девушек шли из дома Зако.

— Замолчи, негодная!.. — слышалось в ответ.

XXXII

Вернувшись, Зуло увидела, что гости продолжают попойку. Священник пел, дьячок вторил ему, а эфенди тихо мурлыкал себе под нос. Всем было очень весело.

Какое им было дело до того, что творилось в соседнем доме! Однако Зуло решила рассказать им об этом, надеясь, что они пойдут соседям на помощь. Она подошла к отцу Маруку и шепотом рассказала ему обо всем том, что видела, промолчав только о том, что Степаник и Сара скрываются у них. Какое-то непонятное чувство запрещало ей говорить об этом. Гости заметили, как изменилось лицо священника от сообщения невестки, и с нетерпением спросили:

— Что случилось?

— Звери, звери!.. — закричал отец Марук, воздев руки к небу. — Пусть падет на вас проклятие двенадцати апостолов и трехсот шестидесяти шести патриархов. Проклятое отродье!

— Что же случилось? — повторил эфенди.

Отец Марук передал эфенди все, что услышал от Зуло, и попросил, чтобы он помог несчастным.

Есть люди, которые вместо того, чтобы помочь человеку в беде, начинают разбирать причины несчастий и легко успокаивают свою совесть, если найдут возможность обвинить хоть в чем-нибудь самих пострадавших. Эфенди не только не считал злодеянием совершившийся факт, но даже его оправдывал; по его мнению, это было следствием проступков самих пострадавших.

— Скажите мне, святой отец, — сказал он, — какой сумасшедший решился бы на то, что сделал Хачо — принять к себе подозрительных людей, которые совращали крестьян?

— Глупость, большая глупость, — ответил батюшка. — Но чем виноваты несчастные крестьяне, что должны страдать из-за нескольких сумасбродов? Наш сосед Зако — жалкий человек, он боится и собственной тени. За что его мучают? За что творят насилие над его семьей? Это же жестоко.

— «Сырое дерево горит вместе с сухим»... Таков закон жизни, святой отец, кто отделяет сырые дрова от сухих? — ответил эфенди, сам удивляясь своему глубокомыслию. — Когда бог посылает людям наказание за грехи, то и невинный младенец ложится в могилу вместе с грешным старцем. Добро и зло тогда неотделимы... Так же мстит и правительство, если нужно наказать общество. Достанется еще крестьянам, говорю вам, ох, достанется всем...

Отец Марук не нашел что ответить, так как доводы эфенди показались ему крайне убедительными... «Не то ли мы видим во время чумы или холеры, когда люди наказываются за свои грехи? Разве отличают тогда невинных от грешных? — Сухое и сырое горя! вместе...» — подумал отец Марук. Он забыл даже о соседе Зако — последние слова эфенди гораздо больше заинтересовали его, и он сказал:

— Если всех крестьян так разорят, как сегодня старика Хачо, то ведь я потеряю те деньги, что мне следует от них получить.

— На этот счет будьте спокойны, святой отец, — ответил Томас-эфенди, — завтра же все будет сделано. Но вы мне вот что скажите: разве не грешен Хачо? Разве он невинно страдает?

События в доме Хачо взволновали всю деревню, и хотя никто не знал, в чем дело, однако все обвиняли самого Хачо. «Какое дело армянину до оружия! Если дать в руки ребенка свечу, то он прежде всего обожжет себе палец»... — говорили крестьяне. Взгляды священника не особенно отличались от подобных.

— Я знаю одно, сын мой, — ответил он на вопрос эфенди, — когда израильтяне пришли вооруженными взять господ нашего Иисуса Христа, то апостол Петр ударом сабли отсек ухо слуге Макофу; увидел это, Христос остановил Петра, приказав вложить саблю в ножны, и сказал: «Кто возьмет меч, от меча и погибнет?» Если мы не желаем грешить против учения Христа, то должны помнить эту притчу.

— Истинно говоришь, святой отец. Ты хорошо понял учение Христа. А читал ли ты книжки этих сумасбродов?

— Читал. Одна из них попала в руки дьяка Симона, и мы вдвоем читали, но ничего не могли понять. Чудаки вы, говорю, если писать, так писать что-нибудь хорошее, что было бы полезно для души и для тела, чтобы после чтения человек мог бы покаяться. Какая польза от подобной галиматии? Не правду ли я говорю, отец дьячок? Ведь и ты читал.

— Мне не понравилась она, — ответил дьячок, пользуясь случаем показать свои знания. — Если б это было написано из жизни святых, то дело другое: народ читал бы и понимал, а в той книжке какая-то дьявольщина. Но я очень рад, что этот Вардан наказан. Слишком уж он был заносчив. Как-то он пришел ко мне в школу и говорит: «Разве ваше дело воспитывать детей? Вы их только портите. Идите лучше пасите ослов». Можно ли так говорить? Точно сам учение меня!

— «Осел лягается сильнее лошади», — заметил эфенди, — этот Вардан не раз оскорблял и меня.

Так беседовали священник, дьячок-учитель и государственный чиновник. Они говорили о печальных событиях дня, но никто из них не думал о том, что происходило в это время в доме соседа Зако, никто не вспомнил о том, в каком положении в эту ночь находилась семья Хачо. Этот добрый человек, которому были обязаны все крестьяне деревни, теперь сделался предметом общего негодования, ибо поступок старшины, по мнению крестьян, был достоин осуждения. Всех охватил ужас, и все ждали приближения чего-то страшного. Один только Томас-эфенди, виновник всех этих злодейств, был доволен, видя, что семена, посеянные им, начинают давать желанные плоды...

— Повторяю, — сказал он тоном сведущего человека — крестьянам еще достанется. Времена нынче плохие. Везде готовятся к войне; а в такие беспокойные дни правительство строго наказывает всякое бесчинство.

Услышав слово «война», священник пришел в ужас, но не потому, что война предвещала много страданий народу, а потому, что он опять вспомнил о своих деньгах.

— Если начнется война, — сказал он, — то с крестьян потребуют столько налогов, что мне трудно будет получить с них что-нибудь.

— Будьте покойны, святой отец, — снова успокоил его эфенди. — Я не допущу, чтобы ваши деньги остались несобранными до начала войны.

В эту минуту дьячок подошел к священнику и шепнул ему о своих должниках и опять услышал совет подождать. У кого что болит, тот о том и говорит. В данную минуту попа и дьячка интересовал вопрос об их деньгах.

— «Осел сам по себе ничто, но волос его чистит бархат»³⁹, — сказал эфенди. — Вы, конечно, знаете эту пословицу. Таков и наш мужик. Он сам одет в рубище, ходит босиком, но бархат, который носит ага, добыт потом мужика. И сам он часто не имеет куска хлеба, хотя стол аги всегда украшен всевозможными яствами. А вы, святой отец, как видно, не умеете извлекать из мужиков пользу, не то они не задолжали бы вам столько и вы не оставили бы нас сегодня без десерта.

Последние слова эфенди кольнули попа, и он с горечью ответил:

— Что делать, эфенди? У нас, у священников, руки связаны. Нам не дано палки, как вам, чтобы бить мужика и держать его в страхе. Наше оружие очень слабо... Что делать? Говоря правду, крестьяне часто выводят меня из терпения, и я проклиная их. Но мужики теперь стали такими неверующими, что не боятся и проклятия; а у нас нет другого оружия... Но их тоже обвинять нельзя: откуда им платить долги, когда курды ничего не оставляют? Проклятье этим курдам! Не будь их, не было бы у меня и столько должников. А теперь война — курды совсем рассвирепеют...

— «Осел глуп, да мул хуже» — заговорил опять эфенди своим обычным тоном. — Курды, как мулы, не чистой крови, и потому так злы.

Эфенди повторял распространенное среди народа мнение, что жестокий, разбойничий характер курдов объясняется тем, что они смешанной крови. Одно только верно: курды, смешавшись с армянами, хотя и потеряли свой национальный тип, но создали новое, облагороженное племя. В течение веков похищая самых красивых армянок (курды любят высоких женщин), они улучшили свое племя. Наоборот, по той же причине армяне, потеряв лучшую, физически совершенную часть нации, утратили красоту. Кто хорошо изучил курдов Турецкой Армении, найдет большое сходство во внешнем облике местных армян и курдов, ибо курды не что иное, как новое племя, образовавшееся от смешения с армянами.

Было уже довольно поздно. Зуло все сидела около больного, невольно прислушиваясь к беседе гостей и с нетерпением ожидая, когда они улягутся спать, чтобы пойти к Саре и Степанику посмотреть, в каком они положении.

Но эфенди не думал ложиться. Ему нужно было поговорить с отцом Маруком, но

³⁹ Турецкая поговорка. На востоке магометане употребляют щетки из ослиных волос, так как закон запрещает им употреблять щетину свиньи. (Прим. автора).

мешал дьячок Симон, и, чтобы спровадить его, эфенди заметил, что пора спать, так как завтра нужно встать рано. Дьячок пожелал им доброй ночи и удалился.

— У него знаний больше, чем у семи монахов, — сказал священник. — Жаль только, что любит выпить. Слышали, как хорошо он прочитал про мои денежные счета?

— Вы это о дьяке? — спросил эфенди. — Да, недурно читал...

Но эфенди не интересовал ни дьячок Симон, ни его большие познания. Он искал повода поговорить об одном деле, для чего, собственно, и пришел к священнику.

Отцу Маруку от выпитого стало жарко, и он, снимая свою изношенную рясу, по неосторожности разорвал рукав.

— Святой отец, — заметил ему эфенди, — ряса ваша, видно, уже изнасилась, отчего не справите новую?

— Из каких средств я справлю ее, сын мой? Видели, чай, где мои деньги! Эта одежда досталась мне после смерти блаженной памяти Карапета-эфенди; вот уже семь лет ее ношу. После его смерти, к моему несчастью, никто из богачей не умер, чтоб я мог обновить свою одежду.

— Я справлю вам хорошую одежду, носите и благословляйте меня; вы хороший священник!

— Сын мой, пусть благословят вас триста шестьдесят шесть патриархов, — сказал священник и прочел молитву. — Но я имею к вам еще просьбу, эфенди, — продолжал отец Марук. — Вы — наша гордость; мы всегда радуемся и славим бога, что среди армян есть подобные вам ага, которые смело садятся рядом с мюдиром, каймакамом и даже пашою и могут говорить с ними без страха. Именем нации и нашей святой религии умоляю вас, не оставляйте старшину Хачо и его семью в руках этих негодяев. Если вы захотите, то сделаете это. Они несчастны, они христиане, помогите им. В чем бы они ни провинились, мы обязаны скрыть их вину, ведь они нашей крови, наши. Я тоже их не одобряю, но кто из нас не грешен?..

Слова священника не особенно тронули эфенди, но дали ему повод начать тот разговор, ради которого он пришел к отцу Маруку. Эфенди сказал, что он готов и может спасти семью старшины от постигших ее несчастий и никому не позволит пальцем прикоснуться к ним, если старшина, со своей стороны, исполнит его просьбу. И он напомнил священнику о тайне, которую отец Марук сообщил ему несколько лет назад. С того дня, сказал эфенди, он любит Лала и хочет жениться на ней. Если только старшина исполнит его желание, эфенди готов помочь ему. В противном случае он принужден будет оставить их в руках властей, что, несомненно, кончится тем, что семью старшины уничтожат, а имущество его заберут в казну.

И, напомнив священнику о его обязанностях духовного пастыря, эфенди попросил его взять на себя роль посредника и поговорить со стариком Хачо, пока еще есть возможность поправить дело и предупредить ожидаемую беду.

— Клянусь своим саном! — с радостью воскликнул отец Марук, — я завтра же схожу к Хачо и все устрою согласно вашему желанию. Пусть Хачо возблагодарит бога и пожертвует несколько баранов в пользу бедных и сирот за то, что такой человек, как вы, хочет жениться на его дочери.

По лицу эфенди пробежала хитрая улыбка, и он в шутливом тоне ответил:

— Если исполните все это, у вас будет новая ряса...

— А мои деньги?..

— На этот счет будьте спокойны.

XXXIII

Ужасная ночь миновала. Наутро дом Хачо имел такой печальный вид, точно там находилось несколько покойников.

Из дому вывели Вардана. Он был спокоен. На лице его не отражалось и тени печали

или волнения. Казалось, ничего не случилось с ним. Презрительная улыбка на его лице словно говорила: «Что могут сделать со мной эти глупцы?..» Пять солдат стояли наготове для того, чтобы сопровождать его к паше. Вардана посадили верхом и связали ему ноги цепью под брюхом лошади. Он не сопротивлялся, хотя сидеть на лошади связанным было очень мучительно, и только заметил:

— Напрасно делаете это. Если я захочу убежать, то ваши цепи мне не помешают... — Солдаты, не обратив внимания на его слова, скрутили ему назад руки, концы же веревки взяли два верховых солдата, — кроме них, были снаряжены в путь еще трое.

Хотя невежественная масса любит подобные зрелища, никто из крестьян не пришел смотреть, как уводят Вардана, того самого Вардана, который так много для них сделал... Все избегали теперь дома Хачо, как места, зараженного чумой.

Женщин дома не было. Апо и Айрапет ждали своей очереди после Вардана. Остальные сыновья Хачо, бывшие на свободе, не показывались; один только Хачо пришел попрощаться с Варданом.

Несчастный старик был совершенно убит. События последних дней, насилия и зверская жестокость турок совсем его доконали. Он подошел к Вардану, обнял его, но не в силах был произнести ни слова. Только по его щекам покатились несколько капель.

— Крепись, отец, — сказал Вардан спокойным голосом, — кто полез в воду, тот не должен бояться, что замочится... Будьте здоровы...

Солдаты погнали лошадь Вардана. Старик долго смотрел им вслед, пока они не скрылись из виду.

Погруженный в грустные думы, Хачо вернулся домой. Почему увели одного Вардана и оставили Айрапета и Апо? Почему не арестовали его самого и оставили на свободе, хотя и под надзором? Какая тут скрывается тайна? Старику еще не была известна настоящая цель всех действий Томаса-эфенди. Последний же так обставил дело, чтобы в случае, если Хачо не примет его предложения, иметь возможность отомстить семье старика. Он выдал Вардана и Салмана, потому что считал их опасными для турецких властей. Но эфенди не подозревал ни в чем Хачо и его сыновей и впутал их в эту историю только для того, чтобы иметь возможность явиться спасителем сыновей Хачо и требовать Лала как вознаграждение.

Вот какие расчеты толкнули его на такое злодеяние, печальных последствий которого не мог предвидеть даже он со своим сатанинским умом.

Эфенди не показывался у Хачо целый день, хотя старику очень хотелось его увидеть и выяснить, чем все это кончится. Хачо верил еще обещаниям эфенди и помнил его слова: «Старшина Хачо, я не допущу, чтобы тронули хоть один волос у тебя на голове»...

Вместо эфенди пришел отец Марук. Хотя в минуты несчастий присутствие священника и утешает человека, однако на этот раз его приход произвел на старика неприятное впечатление. У него было особенное предубеждение против попов: встречу с ними он считал дурным предзнаменованием. Но святой отец отозвал его в сторону, сказав, что имеет к нему важное дело. Это несколько успокоило старика. Они отправились в глубь сада и сели под деревьями.

Духовный отец начал с большой утешительной проповеди, ссылаясь на святое писание. Приведя в пример страдания Иова, он сказал, что нередко бог посылает своим слугам всякие мучения, дабы испытать силу их веры. Надо быть терпеливым и не падать духом, говорил Марук, потому что бог спасает верующих от всякого зла, удостоивая их вечного блаженства.

Окончив свою проповедь, священник приступил к настоящей цели своего визита и, подобно всем сватам, начал с притчи.

«Однажды царский сын, — начал он, — отправился на охоту, но до наступления темноты не смог вернуться и остался в лесу, в хижине пастуха. Он был очень доволен гостеприимством пастуха, но более всего был пленен его прекрасной дочерью. На следующий день, вернувшись домой, принц объявил царю о своем желании жениться на дочери пастуха. Отец назвал его сумасбродом и страшно разгневался. Но увидев, что уговорить сына невозможно, он послал к пастуху одного из своих придворных сватать его

дочь для принца. Придворный вернулся с ответом, что пастух отказался отдать свою дочь. Крайне удивленный, царь послал придворного чином выше первого, но и тот вернулся с тем же ответом. Тогда царь отправил главного визиря, но и он вернулся ни с чем. Наконец царь вышел из себя и пошел сам лично, и тоже потерпел неудачу. Он удивился и созвал совет вельмож. Один из них, человек умный и опытный, посоветовал царю послать к пастуху пастуха: „Они поймут друг друга, и, быть может, пастуху удастся уговорить упрямого отца“. Выбрали одного из царских пастухов и отправили его сватом. Последний без всяких приготовлений и подарков взял свой посох и направился к дому отца девушки, где был принят очень любезно. Два пастуха пообедали, выпили и разговорились. Царский пастух объявил просьбу царя, опросив при этом: — „Почему ты не хотел выдать свою дочь за принца?“ Пастух ответил: — „Чудак, я ведь тоже человек, и у меня есть самолюбие; разве царь посылал ко мне такого почтенного человека, как ты, чтобы я мог согласиться выдать свою дочь за его сына?“» Окончив притчу, священник прибавил:

— Я тоже такой же пастух, как и ты, старшина Хачо, мы оба пастыри общества: я — сельский священник, ты — старшина. И я пришел к тебе, как пастух к пастуху, с подобным же предложением.

— С каким предложением? — спросил старик с неудовольствием, так как в эту тяжелую минуту ему было не до священника.

Отец Марук объяснил старику, что бог пожелал утешить его в таком трудном положении, открыв перед ним врата спасения: Томас-эфенди просит руки Лала и обещает спасти Хачо и его дом от постигшего несчастья. «Нужно возблагодарить бога, что человек, подобный эфенди, протягивает руку дружбы и помощи».

Как ни ловко повел свою речь священник, он не добился успеха. Быть может, в другое время, при других обстоятельствах его слова были бы приняты со вниманием, тем более, что старик Хачо и сам подумывал выдать свою дочь за эфенди. Но теперь обстоятельства приняли другой характер. В то время, когда двое его сыновей сидели в тюрьме и сам он находился под надзором, когда женщины его дома скрывались у чужих людей, а друзей его — Вардана и Салмана — выдали в руки властей, в то время, когда имущество его грабили при нем же — ему объявляли предложение человека, подготовившего все эти несчастья. Словно пелена спала с глаз старика, и перед ним открылась яма, которую копали ему умелые руки эфенди. Он вспомнил слова Вардана о том, что эфенди был несколько раз женат и бросал своих жен. Не такая ли судьба ожидала Лала? Он припоминал поведение эфенди, которое с начала до конца было подозрительным и имело лишь одну цель — завладеть Лалой. Он вспомнил, что эфенди первый объявил ему об аресте Салмана. Откуда он мог узнать об этом, когда арест совершился поздней ночью, так что даже из крестьян никто не знал. Томас-эфенди первый сообщил ему о предстоящем обыске в доме и, притворившись другом, обманул его, взяв ключи от подполья, куда они спрятали бумаги Салмана. С какой целью сделал он это? Разве не мог он взять бумаги с собой и уничтожить? Очевидно, он сделал это для того, чтобы в случае надобности указать полиции место хранения бумаг, доказав этим участие старика в заговоре.

Все это, одно за другим, вспомнилось старику, и он с ужасом увидел, что стал жертвой подлого обмана.

— Батюшка, — ответил Хачо с горечью, — ваша притча совсем не подходит к вашей роли посредника. Будь Томас-эфенди настоящим царем, и тогда я не выдал бы свою дочь за эту собаку. Будь что будет! Лучше мне видеть разрушение моего дома и гибель всей моей семьи, чем искать спасение у этого злодея, который сам подготовил погром. Теперь я все понимаю... Он обманул меня. Но больше уже не проведет...

Отец Марук не понимал причины гнева старшины и смысла его неясных слов. А старшина не захотел продолжать разговора, вспомнив, что отец Марук крестил Степаника, и, кроме него, никто другой не мог знать, что Степаник — девушка; следовательно, кто, как не он, священник, выдал эту тайну эфенди?

Отец Марук ушел из дома Хачо очень недовольный, думая про себя: «Прежде чем

лишить человека богатства, бог отнимает у него разум».

Эфенди был в доме священника и ждал его с большим нетерпением.

— Какую весть принесли? — спросил он.

— Не знаю, что и сказать, — ответил отец Марук в смущении. — Этот человек совсем рехнулся.

— Отказал?

— Да.

— Я ожидал этого...

Точно небо обрушилось на голову эфенди и раздавило его. В глазах его потемнело, и он повалился на пол. Долго лежал он без чувств, потом, придя в сознание, начал бить себя по голове и рвать на себе волосы, крича: «Что мне делать теперь? Ах что мне делать!»

Ничто в мире так сильно не покоряет человека, как любовь; самые ужасные деспоты и изверги, разрушающие целые государства и вселяющие в народы страх и ужас, покоряются женщине, преклоняются перед той, которую любят, становясь людьми со всеми их слабостями.

Томас-эфенди теперь любил Лала искренно и горячо. Его жестокая натура изменилась под влиянием этого чувства. Демон, полюбив, становится ангелом; Томас-эфенди, полюбив, начал терзаться угрызениями совести. Он никогда не любил, и этим объяснялось то, что раньше для него не существовало ничего святого. Насколько он был расчетлив в житейских делах, ловок и хитер, когда добивался намеченной цели, — настолько же он был далек от чистых и высоких чувств.

Любовь к Лала зажгла в его потухшем сердце огонь и осветила его мысль ярким лучом сознания Эфенди, увидев свои злодеяния, содрогнулся.

— Боже, что я натворил, — кричал он и рвал на себе волосы.

До этой минуты он не сознавал всех последствий содеянного им, думая, что любое средство позволительно для достижения цели. Теперь он почувствовал, какое совершил зло. Сначала он думал начать легкую игру со стариком и, как ребенок, играющий с огнем, попугать его. Но искра произвела неожиданный и страшный пожар, потушить который он был не в силах.

— Ах, что я наделал?.. — причитал он без конца.

Отец Марук с ужасом смотрел на страдания эфенди. Ему казалось, что тот находится в предсмертной агонии.

Долго лежал эфенди без чувств, вздрагивая всем телом и судорожно сжимая губы. Наконец он открыл глаза и сказал:

— Все, что говорил старик Хачо — справедливо. Я недостоин его дочери. Что может связать такого преступника, как я, с невинным ангелом? Прокляни меня, батюшка, я заслуживаю только проклятия.

Он опять лишился чувств, а священник подумав, что эфенди умер, воскликнул:

— Эх! Пропали теперь мои деньги... пропали...

XXXIV

Вернемся к началу нашего рассказа.

Теперь читатель знает, кто такой был молодой человек, который, получив письмо от коменданта Штоквича, во время осады крепости притворился юродивым и, удачно миновав лагерь неприятеля, вручил письмо генералу Тер-Гукасову. Читатель также помнит, как этот молодой человек, отвергнув предложение генерала остаться при нем в качестве телохранителя, отказался от этой чести и, оставив лагерь русских войск, поспешил спасать чью-то жизнь. Последуем за ним.

Сев на лошадь, взятую у убитого им курда, Вардан направился прямо в провинцию Алашкерт, где находилось все близкое его сердцу: семья Хачо, среди которой он провел столько счастливых дней; прекрасная Лала, которой принадлежало его сердце; товарищи,

вместе с которыми он поклялся пожертвовать жизнью для святого дела, — все то, что было ему дорого и свято, все было там... И этих близких людей Вардан оставил в бедствии.

После того как его увезли в цепях к паше, старик Хачо с сыновьями был арестован. Семья его разбрелась, скрываясь, где попало. Судьба Лала зависела от борьбы между Томасом-эфенди и курдским беком. Салман находился под арестом, и Мелик-Мансур с товарищами отправился спасать его. Вардан не знал, удалось ли им это.

С тех пор прошло уже полтора месяца, и он не имел никаких сведений о дорогих ему людях. А сколько перемен произошло в это время! Сколько событий свершилось!

Россия объявила войну Турции. Победоносные войска генерала Тер-Гукасова, завладев провинциями Алашкерт и Баязет, подошли к Эрзеруму, и армянский народ, перейдя под покровительство русских, свободно вздохнул. Но внезапно счастье изменило русским: генерал Тер-Гукасов принужден был оставить завоеванные провинции и отступить к русской границе, а Баязет, взятый им восемнадцатого апреля, двадцать восьмого июня снова перешел в руки турок.

Вардан ничего не знал о том, что совершилось во время отступления войск генерала Тер-Гукасова, о трагическом бегстве алашкертцев и о печальных причинах, вызвавших это переселение.

За такое короткое время события изменились удивительным образом.

Полтора месяца назад Вардан, закованный в цепи и окруженный солдатами, был отправлен к военному паше. Но в пути их нагнали Сако и Его и, смело напав на стражу, освободили своего господина. В этой борьбе Вардан был ранен, и слуги унесли его на русскую границу, в одну из деревень Сурмалинского уезда. Едва поправившись, он поступил в армянское ополчение, куда за ним последовали и его верные слуги — Сако и Его. Эти несчастные погибли во время осады Баязета, а Вардану удалось уйти из крепости — каким способом, нам уже известно.

Одинок и грустный, спустился он в долину, где находилось село О... Как прекрасна была эта долина еще несколько недель назад! Сколько жизни и красоты являли эти чудесные поля, ущелья и горы, покрытые лесами. Вся долина, занятая богатыми нивами, волновалась как золотое море. На горах паслись большие стада домашних животных. Нежные и приятные звуки свирели беззаботного пастуха раздавались в горах.

А теперь долина казалась печальной пустыней. Огонь уничтожил хлебные поля, покрыв все пространство черным пеплом. Кто совершил это злодеяние? Кто уничтожил плоды человеческих трудов, над которыми было пролито столько пота? Вардан недоумевал. Он смотрел кругом, надеясь увидеть некогда красивые и населенные деревни, но всюду были кучи пепла; огонь оставил лишь развалины. Жизнь кругом вымерла. Не слышно было веселых песен земледельца на полях. Не видно было на пастбищах овец. Все затихло. Все вымерло. Казалось, демон разрушения пролетел над этой страной и уничтожил все, что было создано руками трудящегося человека.

Июльское солнце невыносимо жгло.

Было за полдень, когда Вардан въехал в село О... Оно походило на сказочный город, в один миг превращенный в развалины проклятием волшебника. Дома, служившие некогда жилищами для людей, обратились в их могилы. Все было похоронено под этими развалинами. Вардан как безумный бродил по улицам села. Там и сям попадались ему остатки человеческих трупов. Несомненно было, что здесь случилась ужасная катастрофа. Проходя мимо церкви, Вардан увидел, что и храм божий мало чем отличается от окружающих его развалин.

Наконец, он подошел к усадьбе старика Хачо; от нее остались только стены, да и те местами были совершенно разрушены. Сад у дома превратился в пустырь.

Не было густых красивых деревьев, под сенью которых он провел столько приятных минут вместе с Лала. Где же она?.. Он пришел за ней... Ее искал он среди этих грустных развалин... Неужели ее похитил курдский бек, или она попала в руки турецкого солдата?.. Вардан весь похолодел от этой мысли. Этот железный человек точно сломился под тяжелым

ударом; кровь бросилась ему в голову, и мир потемнел в его глазах. Присев на камень, опустив голову на руки, он долго сидел, как в лихорадочном бреду. Ему представился нежный образ любимой девушки, такой же грустной и отчаявшейся, с полными слез глазами, какой он видел ее в последний раз в ночном саду, когда она, обняв его, просила: «Уведи меня отсюда, увези... Я боюсь курдов»... Почему он не увез ее тогда?.. Для чего оставил?.. Вардан не мог ответить на это, он совершенно обессилел от горя.

Но сколько грустных воспоминаний воскресили в его памяти эти печальные развалины! Еще недавно на их месте стояли каменные строения, в которых мирно и счастливо жила патриархальная семья. Где же теперь она? Что стало с нею?

Вардан посмотрел на женскую половину дома, от которой остались только закопченные, почерневшие стены. Здесь некогда кипела жизнь; здесь внуки старика Хачо весь день резвились, кричали, шумели, невестки его работали, и все были довольны и веселы. Теперь умолкли и веселые детские крики и голоса заботливых матерей.

Он отвернулся, и глаза его остановились на ода, от которой также остались одни развалины. Вардану вспомнились те шумные вечера, когда он, Салман, Хачо и его сыновья, сидя в этой комнате, горячо спорили, совещались и составляли планы спасения народа от страданий, чтобы создать для него новую, счастливую жизнь.

Одни руины остались теперь от всего этого. Не было ни совещателей, ни тех, о благе которых они думали...

Вдруг вдали среди развалин показались люди. Проехав через всю долину, Вардан не встретил ни души. Обрадованный, он подошел к ним. Несколько бедных курдов кирками раскапывали развалины. Вардан узнал в них пастухов старика Хачо и их жен с детьми. Мужчины копали, а женщины разыскивали разные предметы, оставшиеся под мусором после пожара.

— Бог в помощь, — сказал Вардан таким тоном, с каким обращаются к работникам.

— Добро пожаловать, — ответили ему.

— Что ищете?

— Сами видите... что попадется, — ответили курды, продолжая свою работу.

Вардан, обратившись к одному из них, сказал:

— Узнаешь меня, Хло?

— Как не узнать, ага, ты был другом нашего старшины Хачо и нередко приезжал сюда с товаром, ни разу не забывая привезти что-нибудь и для детей Хло. Гляди, это тоже твой подарок! — Он указал на платье жены из красного полосатого ситца.

Вардан начал расспрашивать курда о том, что случилось с этим домом, отчего село превратилось в груды развалин, куда исчезли его жители?

Пастух отложил в сторону кирку, вытер пот с лица и сел, точно для его рассказа требовался покой.

— Не дай бог врагу моему того, что случилось с этим домом, — сказал он, грустно покачав головой. — Мы-то сами не знаем всего, ведь нас здесь не было, мы уходили со стадами в горы на пастбище; к вечеру только, когда начало смеркаться, погнали овец в деревню (накануне того же дня жене моей приснился страшный сон, и я ожидал чего-нибудь дурного). Не успели мы дойти до деревни, как внезапно на нас напала шайка курдов и начала угонять овец. Я и товарищи побежали в деревню звать на помощь и увидели, что все село горит. На улицах всюду курды. Когда же мы подошли к дому старшины, то увидели, что он со всех сторон горит, — к нему и близко не подойдешь!

— Что же случилось с жильцами?

— Избави бог их всех от беды! Старика Хачо, Айрапета и Апо дома не было. Их давно уже увели к судье, и говорят, они сидят в тюрьме. Из женщин тоже никого не было. В доме оставались другие сыновья Хачо. Что случилось с ними — мы не знаем, ведь когда мы пришли, дом уже горел.

— Наш хозяин, старик Хачо, был добрый человек, — продолжал пастух, — богобоязненный, и мухи бы не обидел. В этом доме все были добрые, любили нас, как своих

сыновей. Пусть будут прокляты эшираты! ⁴⁰ Все перевернули вверх дном... все уничтожили...

— А что сделалось с крестьянами?

— Большую часть их вырезали, других увели в плен, а кое-кто спасся бегством.

Утопающий хватается за соломинку. Как ни горек и печален был рассказ пастуха, но он пробудил в Вардане надежду. «Еще не все погибло...» — подумал он. Вардан теперь знал, что Хачо с сыновьями сидели в тюрьме, где они могли спастись от варварства курдов, если их не убили уже в самой тюрьме. Он узнал также, что во время обыска Хачо удалил из дома всех женщин, которые, возможно, скрывались у знакомых и родственников и с ними, вероятно, была и Лала. Может быть, они спаслись от ужасной катастрофы, постигшей дом Хачо. Но что случилось с ними, если подобное же несчастье не миновало и тех домов, где они скрывались? В рассказе пастуха было еще и другое утешительное обстоятельство. «Большую часть вырезали, других увели в плен, а многие спаслись бегством», — сказал курд. Быть может, в числе этих беглецов была и семья Хачо, была и Лала. Но куда они ушли? Этот вопрос не давал покоя Вардану. Пастухи ничего сказать не могли. Катастрофа случилась ночью и так внезапно, что во мраке ничего нельзя было разобрать. Между тем, проезжая через провинцию Алашкерт, Вардан не видел ни одного армянина. Везде все опустело. Невозможно, чтобы всех перебили или увели в плен; очевидно, совершилось поголовное, ужасное беженство, но куда, в какие страны?..

XXXV

Отойдя от развалин дома Хачо, Вардан не знал, куда направиться. Сведения, полученные им от пастухов, были так неопределенны, что он затруднялся на что-либо решиться.

Вечерело. Солнце уже пряталось за горизонтом. Перед глазами Вардана стояли те же печальные картины: разрушенные дома, опустевшие деревни, заброшенные, необработанные поля.

«Неужели в целой провинции не осталось ни одного армянина?» — думал он.

Но вот показалась вдали человеческая фигура. Медленными и неровными шагами поднималась она на горную вершину, то останавливаясь, то осматриваясь и держась за камни, чтобы не упасть; наконец, таким образом, она достигла самой вершины скалы, свисавшей над пропастью. Лучи заходящего солнца обрисовывали маленького человека, стоявшего неподвижно, как статуя, и смотревшего со скалистой вершины на обширную долину, в которой несколько дней назад был совершен ужасный погром. Долго стоял он и, казалось, находился в какой-то нерешительности, точно был занят разрешением трудного вопроса.

Вардан заинтересовался этой странной фигурой, в которой было что-то роковое и зловещее. Он остановился и стал наблюдать. Вдруг человек сделал несколько отчаянных движений, глянул на раскинутые в обширной долине развалины и, закрыв глаза руками, бросился с вершины в пропасть.

Маленькое тело рванулось и быстро полетело вниз, кувыркаясь и цепляясь о встречные камни.

Вардан ударил коня и помчался на помощь к погибавшему.

Тело несчастного при падении зацепилось за росшие из расщелин скал кусты и повисло; у Вардана явилась надежда на спасение самоубийцы.

Взглянув вверх, Вардан увидел, что тело висело приблизительно на высоте пятидесяти футов. Но как спустить его? Вардан слез с коня, осмотрел стенообразную крутую скалу, ища

⁴⁰ Эширатами называли дикие кочующие племена курдов, которые обращались с оседлыми курдами так же варварски, как и с иноплеменниками. (Прим. автора).

дорожку, по которой можно было бы добраться до кустов. Но дорожки не оказалось. Тело неизвестного еще держалось за кусты, не подавая никаких признаков жизни.

Вардан видел, что, не рискуя жизнью, нельзя спасти несчастного, который, быть может, был еще жив; чувство жалости заставило его забыть о себе. Он надеялся подняться, хватаясь за камни и за выросшие в скалах кусты, если они настолько крепки, что смогут выдержать тяжесть его тела.

Вардан был гибок, как змея, и ловок, как кошка. Он протянул руку и, схватившись за первый попавшийся камень, начал карабкаться наверх. Не успел он подняться на несколько аршин, как камень, за который он держался, сорвался, и Вардан полетел вниз.

«Здесь нельзя», — подумал он, не обращая внимания на руки, исцарапанные осколками гранита и кровоточащие.

Вардан был из тех натур, которых неудача возбуждает сильнее. Он торопился, так как солнце клонилось к закату, и через некоторое время темнота могла бы помешать его предприятию. Вдруг в голове его блеснула мысль: у него за седлом был аркан, к концу которого прикреплен свинцовый шар; это своеобразное оружие курдов. Достать этот аркан и применить его было делом нескольких секунд. Одним взмахом руки он бросил шар наверх, и конец аркана крепко зацепился за сучковатый ствол дерева, росшего недалеко от того места, где висел самоубийца. Затем, взявшись за другой конец веревки, он начал подниматься по ней быстро и ловко и через несколько минут очутился возле бездыханного тела. Каковы же были его гнев, ненависть, отвращение, когда он увидел, что это был Томас-эфенди. Он готов был сбросить это поганое тело в пропасть, чтобы разбить уцелевшие кости и сделать его пищей хищных зверей и птиц. Но великодушие не позволило ему поступить так жестоко. Он осторожно спустил тело по аркану, и вслед за ним спустился и сам.

Прежде всего Вардан внимательно осмотрел тело. Он нашел, что кости во многих местах были переломаны ударами о камни, голова и лицо были изуродованы до безобразия и покрыты кровью; но эфенди еще дышал. Этот злодей, причинивший Вардану так много горя, послуживший причиной гибели тысячи домов и опустошения целого края, в этом жалком состоянии тронул сердце Вардана.

Попадись он ему при других условиях, Вардан, пожалуй, не пощадил бы его.

Но теперь перед ним лежал несчастный, которому нужна была помощь.

Вардану не в первый раз приходилось помогать раненому, да и сам он бывал ранен, а потому всегда имел при себе предметы, нужные для перевязки. Первым делом он поспешил остановить кровь, текущую из ран, и перевязать голову и лицо.

Было уже совсем темно. Небо покрывалось черными тучами; сильный ветер и гром предвещали бурю.

Вардан подумал об убежище. Он поднял раненого на лошадь, привязал его и направился в соседнюю деревню, ведя за узду коня.

Молодой человек смутно догадывался, что могло побудить эфенди покончить с собою: видимо, наконец, раскаялся тот, из-за кого было пролито столько крови, кто явился причиной стольких несчастий.

Память не изменила Вардану. В темноте виднелись огоньки, это была деревня, но до нее было еще далеко. Дождь пошел сильнее. Вардан снял с себя бурку и осторожно прикрыл ею эфенди. Было очень поздно, когда он добрался до деревни, состоящей, как это обычно для всех курдских деревень, из жалких землянок.

Вардан подошел к первой лачужке, взялся за дверь и нашел ее незапертой. «Вот счастливый народ: не боится воров и спит с открытой дверью», — подумал он. В лачужке было темно; все спали. Вардан стал стучать, и через несколько минут женский голос спросил:

— Кто там?

— Божий гость.

Слова «гость» было достаточно для того, чтобы его приняли. Женщина зажгла свечу и пригласила его. Она была в длинной свисавшей до колен красной рубашке. Вардан и

женщина внесли эфенди в комнату и уложили на тахту.

— Болен? — спросила хозяйка.

— Нет, ранен.

Услышав это, молодая женщина принесла ящичек, в котором хранились разные снадобья и несколько грубых хирургических инструментов.

Вардан верил лекарскому искусству курдов, однако поблагодарил женщину, сказав, что и он кое-что смыслит в этом деле и что сделал уже все, что нужно для раненого.

Этот ответ хотя и несколько огорчил молодую женщину, желавшую показать свое искусство, однако увидев, что раны больного перевязаны, она успокоилась.

— Теперь надо позаботиться о лошади; бедняжка осталась на дворе.

— Не беспокойтесь, — сказал молодой человек, — укажите только, где ее поставить.

Хозяйка взяла свечу и, проводив гостя, указала ему место. Вардан оглядел двор и, увидев низкий, покосившийся забор, спросил:

— Здесь не опасно?

— Какая опасность! «Вор у вора не крадет».

«Счастливые», — подумал Вардан.

Он осмотрел лачужку и увидел, что кроме молодой женщины и детей, спавших на полу, никого в доме не было. Но шум от беготни и разговор хозяйки с Варданом разбудили старуху — свекровь хозяйки, которая до того времени оставалась незамеченной. Она подняла голову, села на постели и спросила:

— Саро, это ты? Пришел наконец, сын мой?

— Это не Саро, — сказала молодая женщина, подойдя к ней ближе, — это гость.

Старуха, узнав, что пришел не сын, снова склонила голову на подушку и утихла.

— Глаз не сомкнет, все думает, что возвратился сын ее — мой муж.

— Где же он? — любопытствовал Вардан.

— Отправился в Баязет драться. В нашей деревне не найдется ни одного мужчины, все там. Я тоже всего два дня как вернулась, ходила за добычей.

— Много привезла?

— Немало. Надо быть довольным тем, что бог посылает.

«Свободная дочь свободного народа! — подумал Вардан. — Сколько жизни, сколько простоты в тебе! Чем ты виновата, что тебя научили смотреть на награбленное как на справедливо добытое! Если б ты воспитывалась в других условиях, то при твоих богатых возможностях была бы украшением человечества».

Вардан вернулся к эфенди и, осмотрев его, увидел, что тело было теплым. Дыхание стало правильнее, только по временам эфенди испускал глухие стоны, курдианка снова настаивала на том, чтобы осмотреть больного; Вардан уступил. Он знал, что курды сведущи в хирургии, так как для них раны и кровь — явление обыкновенное.

— Опасности нет, — сказала курдианка, окончив свой осмотр, — раны не очень глубокие, но в костях перелом, видно он свалился...

Вардан ничего не ответил.

— Теперь нужно приготовить что-нибудь для вас поесть, — продолжала хозяйка.

Вардан весь день ничего не ел. Бывают минуты, когда человек и чувствует голод, но не может есть. Он находился в таком состоянии: горе и сердечная боль насытили его.

— Не надо ничего готовить, — ответил он, — дайте мне кусочек хлеба и сыру.

Скромная просьба Вардана огорчила гостеприимную хозяйку, собиравшуюся приготовить что-нибудь горячее.

— Не жалейте нас! Мы теперь не так бедны, как раньше.

— Да, Баязет обогатил вас...

— Не только Баязет — у нас была и здесь обильная жатва. В прошлом году весь наш скот погиб от эпидемии, но зато бог нам дал теперь вдвойне; армяне здешнего края переселились, оставив большую часть своего добра курдам.

— Куда они ушли?

— Не знаю. Все произошло так внезапно и быстро, что у них не было времени унести все с собою, они спешили бежать, спасаясь от турецкого оружия.

— Спаслись?

— Многих из оставшихся перебили.

Страшная действительность постепенно прояснилась. Было очевидно, что совершилось всеобщее бегство армян из этого края; но куда и в какую страну, этого никто точно не знал.

Вардана мучили жестокие думы. Он забыл совершенно о голоде и не замечал красивой курдианки, которая разводила в печи огонь, чтобы приготовить яичницу.

В другое время, в хорошем расположении духа, любой юноша не мог не залюбоваться стройной фигурой прекрасной женщины, которая даже в своей грубой красной рубахе была прелестной. Вскочив с постели, она не успела закрыть лицо — только черные густые косы венком обвивали ее красивую головку.

XXXVI

Было за полночь. В лачужке курда светился еще огонек. Патриархальная семья вся размещалась в одной комнате: храпела на своей постели старуха; рядом с нею валялись дети, изредка бормоча и смеясь сквозь сон. Возле них поместилась их мать. Наивная и свободная дочь гор считала совершенно естественным лечь в постель при чужом человеке. В комнате было жарко, и спавшая откинула наполовину свое одеяло, приоткрыв белую, как мрамор, грудь, на которую падала густая черная коса. Молодая женщина спала спокойно, подобно невинной овечке.

«Такою же нагою была и наша праматерь, — думал Вардан, — она прикрыла свою наготу, лишь только постигла значение греха. Этот народ не знает еще, что такое грех, а потому не имеет понятия и о том, что на нашем цивилизованном языке зовется стыдом, скромностью и приличием. Вот народ, сохранившийся в своей первобытной простоте, народ, из которого можно создать нечто прекрасное. Дикие отпрыски, привитые к более культурному растению, дают прекрасные плоды... Как было бы хорошо, если бы это живое и здоровое племя слилось с армянами!»

Все спало кругом. Долго сидел Вардан в одном положении, и в голове его бродили бессвязные мысли. Порою перед ним вставала печальная картина трагического бегства алашкертцев. Народ этот в течение многих веков истощился, обеднел и большею частью погиб благодаря этим безумным, бесцельным переселениям, до сих пор еще не опомнился — и вот еще новое переселение! Вполне естественно: дерево, не имеющее прочных корней в родной почве, не может противостоять бушующим стихиям, свирепый ураган вырывает его с корнем и бросает в гибельную пропасть.

Потом воображение рисовало ему энергичный образ Салмана, ему казалось, что он слышит его воодушевленные речи: он говорил без умолку, приятно и плавно и, хотя иной раз и высказывал незрелые мысли, но все речи его дышали глубокой верой и страстностью. Вспоминал Вардан и Мелик-Мансура, этого искателя приключений, который всегда находил особенное удовольствие в бурных и опасных предприятиях. А вот образ старика Хачо, этого благородного патриарха, любящего свой народ, о котором он в пределах своей власти заботился так, что готов был на всякие жертвы, лишь бы ни один бедняк не проливал слез. Вспомнил он и сыновей его, из которых иные под игом рабства потеряли чувство собственного достоинства и понятие о свободе, а другие протестовали против беззаконий и насилия. В этих воспоминаниях его мысли кружились и перескакивали с предмета на предмет и приводили его к Лала.

Вдруг внимание Вардана привлék эфенди, дыхание которого замедлилось. Руки его беспрестанно двигались, а стиснутые губы по временам шептали неясные слова, прерываемые глухими стонами. Он был в горячечном бреду. Вардан слушал его, но ничего не понимал. Видно было, что больного терзали жестокие душевные муки. Это состояние продолжалось недолго; эфенди начал постепенно приходить в себя и успокаиваться. Он

приподнял голову, привстал, сел на постели, открыл глаза и, бросив дикий взор вокруг, снова склонил голову на подушку, закрыв глаза.

— Ах, если б нашелся здесь хоть один армянин! — слышался его глухой голос.

— Он здесь, — ответил Вардан, приближаясь.

— Дай мне руку.

Вардан отступил с отвращением.

— Где я? Кто привел меня сюда? Зачем так скоро освободили из ада?.. Там было хорошо, очень хорошо... Меня поглощали огненные волны раскаленного океана, и тысячеголовые чудовища давили, душили меня в своих холодных объятиях. Вижу их как сейчас: вот они там, в далеком пламени, извиваются и громоздятся друг на друга. Как приятно преступнику мучиться и страдать в когтях таких чудовищ! Терзаться — не сметь роптать и считать себя достойным более жестоких страданий!..

Он снова раскрыл мутные глаза, посмотрел на Вардана, но не узнав его, продолжал:

— Мне суждено было, друг мой, быть в самой ужасной части ада, и я этим горжусь... Мне не удалось занять высокое место в этом мире, но там удалось. Никто не мог соперничать со мной. Я видел Васака, Меружана, Вест-Саркиса⁴¹, Каина и им подобных злодеев — они завидовали моей славе... Ах, какое блаженство плавать в огненных волнах, чувствовать адский жар, гореть, жариться и никогда не обращаться в пепел! Хорошо, что это вечно; в вечности все прекрасно...

Вардану не трудно было понять, что было причиной этого бреда. Он почувствовал в этих словах раскаяние, а потому забыл свою ненависть к этому жалкому человеку и, взяв его за руку, сказал:

— Успокойтесь, эфенди, вы скоро поправитесь, раны ваши не опасны.

— Я слышу знакомый голос...

— Голос Вардана.

Больной задрожал всем телом и, оттолкнув от себя руку Вардана, воскликнул:

— Возьми руку, я могу загрязнить ее; отойди от меня, я могу осквернить тебя... Вардан, я знаю тебя: ты добр, но в то же время беспощаден. Призови всю свою жестокость и сейчас же убей меня; этим ты сделаешь мне великое добро. Брось труп мой в опустевшие земли Алашкерта, некогда цветущие поля которого я сам опустошил; пусть пожирают его звери, или, если сжалишься надо мною, то закопай труп мой в яму; предай меня вечному огню и вечным мучениям. Но нет, нет, я не достоин земли Армении — мой отвратительный труп осквернит ее.

— Успокойтесь, эфенди, — повторил Вардан, — вы не умрете, я приложу все старания, чтобы вы остались живы.

— Я думал, что мне не трудно будет умереть и закрыть глаза, чтобы не видеть совершенных мною злодеяний. Но нет, месть сильнее ничтожного человека. Она оставила меня в живых, чтобы я долго еще видел те места, опустошению которых содействовал сам. Видеть бедные лачужки несчастных крестьян, изгнанных мною, видеть все это и терзаться от угрызений совести — это ужасное мучение... Я послужил орудием гибели целого края, но убить себя не сумел!

Последние слова он произнес с глубокой горечью, выражавшей все его душевные муки, его отвращение к жизни и жажду найти покой в могильном забвении.

В эту минуту проснулась хозяйка.

— Больной ваш, как видно, неспокоен, не желает ли он чего-нибудь?

— Ничего не нужно, он в лихорадке, и это скоро пройдет.

— Я узнаю этого человека. Не Томас ли эфенди?

— Он самый.

— Несчастный! Несколько дней назад он бродил в наших краях босой, с непокрытой

⁴¹ Исторические деятели, изменившие отечеству. (Прим. пер.).

головой и в изорванном платье. Когда к нему подходили, он подымал крик и убегал. Говорили, что он помешался.

Вардан вспомнил, что он тоже заметил в эфенди признаки помешательства, когда увидел его стоящим на скале.

«Но почему помешался он, — думал Вардан, — разве нравственные муки могли нанести столь сильный удар такому развращенному человеку, как эфенди?»

— Рассказывали, что эфенди любил девушку, которая исчезла во время бегства алашкертцев, — сказала хозяйка, — ходили слухи, что эту девушку схватили неизвестные люди и увели.

— Какие люди?.. Какая девушка?.. — в ужасе вскрикнул Вардан.

— Не знаю, так рассказывали.

Так вот что было причиной помешательства эфенди! Теперь Лала была потеряна для Вардана... ее похитили... Исчезли последние надежды, и в измученном, потухшем сердце Вардана остался только печальный пепел воспоминаний.

Ночь прошла. Занялась уже утренняя заря. В воздухе послышалось веселое пение птиц.

После бурной и дождливой ночи настало яркое летнее утро.

Вдруг в лачужку вбежала девушка с радостным лицом. Как видно, она шла издалека, так как промокла с ног до головы и все платье ее было в грязи.

— Джаво!.. — вскрикнула хозяйка и бросилась к ней.

Женщины обнялись.

Вардан на минуту забыл свое горе при виде сердечной встречи сестер. Вошедшая была высокого роста, худощавая и довольно красивая девушка. Глаза ее, такие же черные, как и у сестры, радостно блестели. Лицо ее и имя показались знакомы Вардану, но он не мог вспомнить, где и когда ее видел.

— Знаешь что? — обратилась пришедшая к сестре, — Джаво останется у тебя, она будет здесь долго; хозяйка отпустила ее.

Как ни радостны были эти слова, как ни приятно было старшей сестре видеть Джаво у себя, но она очень удивилась, услышав, что хозяйка отослала ее домой. Что побудило ее сделать это теперь, если раньше она с трудом отпускала Джаво к сестре даже на самое короткое время?

— Что случилось? — спросила она.

— Не бойся! Ничего дурного не случилось.

Она стала рассказывать сестре, что хозяйка отпустила ее на время, чтобы она жила у сестры до тех пор, пока ее снова не позовут. Госпожа снабдила Джаво деньгами, платьем и подарками, которые она захватила с собой.

— Погоди, она все покажет.

Джаво начала развязывать свой узел и показывать полученные подарки. Но сестра, не удовлетворившись ее объяснением, спросила снова:

— Что же случилось? Почему она освободила тебя?

— Джаво потом расскажет тебе; это долго, очень долго рассказывать, как сказки о Лейле и Меджнуне.

Затем Джаво сказала сестре, что она всю ночь шла под дождем, устала и очень проголодалась, и не мешало бы ей выпить молока.

Хозяйка взяла кувшин и побежала доить корову, чтобы напоить сестру свежим молоком. Сейчас только Джаво заметила гостя, и ее сверкающие глаза встретились с внимательным взором Вардана.

— Милая Джаво, ты служила у Хуршид, не так ли?

— Да, верно.

— У жены Фаттах-бека?

— Да, у его жены.

Вардан нашел конец запутанного узла и продолжал расспрашивать.

— У бека есть ведь и вторая жена — та армянка?..

— Была бы, если б Джаво, как сатана, не похитила ее и не увезла.
— Эту армянку?
— Да, армянку — Лала, Степаника: у нее два имени.
Сердце Вардана забилося сильнее.
— Куда увезла Джаво похищенную девушку?
— Джаво проводила ее к своей госпоже, а та отправила ее через русскую границу.
Лицо Вардана засияло в неудержимом восторге, и он в самозабвении обнял Джаво, не зная, каким способом выразить свою бесконечную благодарность.
— Поцелуй Джаво. Джаво спасла ее, — сказала курдианка.
— Джаво моя сестра! — воскликнул Вардан и поцеловал ее.
Хозяйка принесла кувшин парного молока и подала его Джаво; она с жадностью выпила почти половину.
Теплое молоко восстановило ее силы.
— Ну, теперь рассказывай, — попросила ее сестра.
Джаво начала в своей обычной манере рассказывать, как муж ее госпожи — Фаттах-бек любил давно одну армянку — дочь старшины Хачо. (Старшину знали все соседние курды). Жена бека не желала этого брака, опасаясь красоты армянки, которая могла совсем пленить бека, а потому, побуждаемая ревностью и завистью, всеми силами старалась препятствовать этому браку, но бек сопротивлялся. Когда же он вернулся из баязетского сражения, то намеревался похитить девушку, но госпожа предупредила его. Она в сопровождении двух верных слуг отправила в село О... Джаво с тем, чтобы до приезда бека похитить Лала и увезти ее в чужие края. Джаво нашла ее в доме священника вместе с ее теткой Сарой. Обе они скрывались там.
Сара давно знала о намерении бека, и когда Джаво рассказала ей план Хуршид, та с радостью согласилась убежать с Лала в ту же ночь вместе с посланными. Они увезли Лала на русскую границу, а бек остался ни с чем. Госпожа Джаво втихомолку смеялась над беком и очень радовалась, что отняла у него красавицу Лала.
Через несколько дней вернулись слуги и сообщили, что благополучно довели Лала до места назначения; тогда госпожа приказала Джаво удалиться на время к сестре, пока не пройдет гнев бека.
Рассказ Джаво так сильно заинтересовал хозяйку, и в особенности Вардана, что никто из них не заметил, с каким вниманием слушал его больной.
Когда Джаво кончила, послышался голос эфенди.
— Теперь я могу спокойно умереть. Лала спасена... Вардан подошел к нему. Голова эфенди покачнулась и упала на подушку.
Курдианки тоже подошли к постели.
— Умер, — проговорил Вардан.
— Несчастный! — воскликнули сестры в один голос.

XXXVII

Июльское солнце жгло беспощадно. Воздух был словно наполнен огненными иглами. Усталые, ослабевшие птицы скрывались на ветках деревьев, на которых не шевелился ни один листочек. Только мухи, комары и всякая мошкара миллионами носились в воздухе и не давали людям покоя, залетая то в рот, то в нос, жала и мучая их больше, чем палящие лучи солнца.

В эти дни древний Вагаршапат представлял необыкновенное зрелище. Всюду, куда ни посмотришь, — огромные толпы людей. Отовсюду стекались сюда толпы народа. Женщины и девушки, старики и дети — все полунагие, все жалкие.

Улицы кишели нищими. Во дворе Эчмиадзинского монастыря, за его стеной, под

деревьями, окружавшими пруд Нерсеса⁴², до монастыря св. Гаянэ и в лесу, посаженном тем же католикосом Нерсесом — везде, где была малейшая тень для защиты от палящих лучей солнца, ютились толпы алашкертских беженцев.

Три тысячи семейств, оставив свою родину, свои дома и все имущество, под страхом огня и оружия турок бежали, чтобы скрыться здесь.

Каждый дом в Вагаршапате был переполнен десятью или двенадцатью семействами этих несчастных. Не было свободного места даже на скотных дворах, в сараях и хлевах.

Надо было кормить эту массу, ухаживать за больными, лечить их, так как беженцы, оставив прохладные гористые места Алашкерта и очутившись в Араратской области как раз во время адской июльской жары, подверглись разным болезням.

Полдень. Час летнего дня, когда прекращаются полевые работы, и крестьяне и рабочий скот удаляются на отдых в тенистые места, а счастливые люди спят в своих комнатах после сытного завтрака.

В этот час дня в числе других нищих беженцев, просивших по домам милостыню, обращала на себя внимание молоденькая девушка, которой можно было дать не более шестнадцати лет. Ее нежное исхудалое лицо, потеряв свой естественный цвет, было болезненно-желтым и напоминало поблекшую розу. В ее черных глазах сквозила глубокая печаль, а бледные губы показывали, что она не совсем еще оправилась от болезни. Это печальное лицо, восхищавшее прежде своей красотой, несмотря на страшную худобу, было привлекательно и теперь. Судьба как бы пожелала сыграть злую шутку над этим нежным созданием, нарядив его в рубище, но это вызывало еще больше жалости и участия к ней. Старое, изношенное платье едва прикрывало ее полунагое тело; видно было, что она получила эти лохмотья от разных благодетелей.

Шла она медленно, спотыкаясь. Ноги девушки были босы, и она с трудом ступала по камням, обжигающим, как раскаленное железо. С нею были двое детей, мальчик и девочка, державшиеся за ее руки. Долго ходила она, останавливаясь иногда перед каким-нибудь домом, склонив голову и не смея войти. Иной раз девушка ждала часами, пока кто-нибудь из домашних, сжалившись над ней, давал ей кусок хлеба. Очевидно, она не привыкла просить; видно было, что девушка выросла в хороших условиях и в этой необыкновенной обстановке очутилась только благодаря печальным событиям. Униженное самолюбие, оскорбленное достоинство, воспоминание об утерянном счастье наполняли ее сердце несказанной горечью, мучили и терзали ее больше, чем голод и болезнь.

Она переходила от одной калитки к другой, но никто не обращал на нее внимания. Наконец, поборов стыдливость, она переступила порог одного дома и, встретив в дверях хозяйку, сказала боязливым голосом:

— Подайте кусочек хлеба...

В этом голосе вылилась вся горечь, наполнившая ее измученное сердце.

— Чтоб вы пропали!.. Кому из вас подавать?.. — грубо крикнула хозяйка.

Девушка посмотрела вокруг и увидела, что многие, подобные ей, стояли тут же.

Она готова была уже уйти, но ее остановила мысль о двух детях, мать которых лежала голодная. Девушка вытерла слезы и хотела было повторить просьбу, но в эту минуту из-за двери выбежала злая собака и острыми зубами вцепилась в ее платье. Девушка едва спаслась, оставив в зубах собаки часть своего ветхого одеяния, а дети подняли страшный крик. Поправив кое-как свое изорванное платье, несчастная направилась к монастырю. Дорогой дети, увидев арбузную корку, так обрадовались, что забыли о своем страхе и перестали плакать. Мальчик поднял корку и, обтерев о платье, начал ее грызть; девочка старалась вырвать корку из рук брата, говоря: «Дай мне, и я голодная». Дети заспорили, но девушка сейчас же успокоила их, разделив корку на две части.

В это время поспешно проходил мимо них молодой человек; увидев девушку с детьми,

⁴² Нерсес Аштаракеци — армянский католикос, живший в начале XIX в.

он остановился.

— Ты еще не поправилась, — сказал он, — я приказал тебе не выходить, а ты опять ходишь.

Девушка растерялась, не зная, что сказать. Она действительно была больна и так слаба, что едва держалась на ногах. Молодой человек посмотрел на детей и, увидев, что они грызут арбузную корку, вырвал ее у них из рук и, бросив в сторону, сказал:

— Как можно есть это?

Малыши оказались смелее растерянной девушки и в слезах ответили:

— Мы голодные.

— Разве вас в монастыре не кормят? — обратился он к девушке.

Не ответив прямо на вопрос, она опустила глаза и с трудом сказала:

— Если можно, найдите нам другое место, мы уйдем тогда из монастыря.

— Видно, этот негодяй монах плохо смотрит за вами?

Девушка ничего не ответила; она не поднимала глаз, словно опасаясь, чтобы он по ее лицу не угадал того, что она старалась скрыть.

— Понимаю... — ответил молодой человек взволнованным голосом. — Иди домой, тебе нельзя ходить по жаре, ты больна и совсем ослабеешь. Через час я приду и распоряжусь. Как здоровье твоей невестки?

— Все так же, эту ночь она провела беспокойно, — ответила девушка печально и прибавила шепотом: — Вы не оставите нас в монастыре, не так ли?

— Хорошо. Я найду для вас другое помещение, — сказал он и поспешно удалился, повторяя про себя: «Бедняжка, как скоро надоел тебе монастырь...»

Молодой человек был доктор, сын богатого помещика из Вагаршапата. Он недавно окончил Петербургский университет и с рвением новопосвященного рыцаря бросился искать случая проявить свое искусство. Алашкертские переселенцы открыли перед ним широкую арену деятельности. Неутомимая энергия молодого человека, полного добрых намерений, вполне удовлетворялась подачею помощи несчастным. Специальность доктора соединялась в нем с душевным благородством. Он не только лечил больных и давал им даром лекарства, но и заботился о том, чтобы у них были помещения и хорошая пища. Вот почему молодая девушка обратилась с просьбой именно к нему.

После ухода доктора девушка направилась в монастырь. Она шла покачиваясь и едва волоча ноги, несколько раз останавливалась и садилась отдохнуть. Из трактиров близ монастыря ее зазывали, обещая дать ей денег. «Эти люди хуже курдов», — подумала она, продолжая свой путь.

Девушка прошла сад, миновала главный вход монастыря и, обогнув западную часть стены, вышла в ворота, ведущие к пруду и лесу. По этой дороге она пошла прямо в Хазарапат.

Эта часть монастыря, служившая раньше гостиницей для приезжающих в монастырь в праздничные дни, теперь была переполнена больными алашкертцами.

Девушка вошла в одну из комнат. В сыром уголке, лишенном воздуха и света, на голом кирпичном полу лежала больная женщина. Тюфяком ей служила кучка соломы, а одеялом — кусок старого ковра. Дети подбежали и обняли больную женщину, целуя ее костлявые, худые руки, но она не ответила на эту ласку: она спала или, вернее, была в беспамятстве. Девушка сказала детям, чтобы они не беспокоили больную мать, и велела идти играть во двор; они послушно вышли и, усевшись у дверей комнаты, начали строить домики из камней и щепок; это их заняло и развеселило. Сама же она легла на пол, подложив под голову руки вместо подушки, и стала смотреть на больную глазами, полными слез. Несчастная так устала, так ослабела и душевно измучилась, что жаждала покоя, сна; сдерживаемые рыдания душили ее. Каких только несчастий не испытала эта молодая, хрупкая девушка! Каким мучениям не подвергалась она! Она потеряла отца, братьев, богатый дом, родных — все, что ей было дорого. И теперь на чужбине, одна, беззащитная, оставленная на волю злой судьбы, должна была побираться, ходя из дома в дом. Единственный друг ее, единственная

защитница, на которую она возлагала свои надежды, лежала больная и не сегодня-завтра могла умереть. Что будет тогда с ней?

Кто станет заботиться о детях бедной женщины! Если б она сама была здорова, могла бы работать и сделать, все, чтобы поддержать этих сирот. Но силы ее истощились, и она, слабая, больная, терзалась и томилась, каждый день, ожидая желанного конца, который не приходил.

Эти грустные думы волновали сердце несчастной девушки, и по бледному лицу ее катились капли горячих слез.

Вдруг со двора послышался визг, заглушенный грубым голосом, испугавшим девушку.

По двору мимо детей, строивших домики, проходил толстопузый монах в черном клобуке, в черной рясе. Увидев играющих малышей, он свирепо закричал:

— Убирайтесь в комнату, щенята! Чего вы портите пол?

Дети замешкались, монах набросился на них и, наверное, избил бы, если б они в страхе не успели убежать. Крик детей разбудил мать. Она обняла их и начала успокаивать, хотя не знала причины их слез. В эту минуту на пороге комнаты показалась свирепая фигура монаха.

— Убирайтесь отсюда вон сию же минуту! — закричал он гневно. — Который раз уже говорю вам, чтобы вы приискали себе другое место, а вы все еще здесь.

Больная ничего не слышала; она обняла своих детей и нежно ласкала, точно видела их в первый раз. Второй день уже лежала она без чувств и только теперь от крика детей очнулась. Девушка ужаснулась, услышав голос монаха, и совершенно растерялась. Дети прижались к матери, дрожа от страха.

Крик монаха прервал другой голос.

— Что это вы разразились грозой, святой отец?

— А, здравствуйте, господин доктор, как живете, как ваше здоровье? — заулыбался монах, сразу успокоившись.

— Оставим пока мое здоровье, — ответил доктор, пристально посмотрев в глаза монаху; — ты скажи мне, что это за фокусы выкидываешь? Зачем притесняешь этих бедняков?

— Клянусь жизнью твоей, я не виноват. Я говорил только, чтоб они очистили комнату. И тебе известно, что было приказано не держать переселенцев в монастыре более двух дней; каждый день прибывают новые: нужно удалить старых, чтобы принимать новых.

— Куда же они пойдут? Видишь ведь, что умирают!..

— Что же мне делать? Мне так приказано.

Святой отец занимал должность привратника монастыря. Это был придурковатый и болтливый монах, над которым всякий смеялся, издевался, и в особенности доктор, которому доставляло большое удовольствие потешаться над монахами.

— Ты меня не надуешь, святой отец, скажи мне правду, что у тебя болит? Не приглянулись ли тебе глаза девушки?..

— Оставь, пожалуйста. Чепуху болтаешь.

— Провалились бы вы ко всем чертям... — сказал доктор и вошел в комнату.

Доктор утешил несчастную семью, объявив, что уже распорядился, чтобы их переместили в другой дом, где они найдут все удобства.

— Только поскорее, — попросила больная голосом, полным благодарности.

— Будьте спокойны, через несколько минут вас уже переведут, — ответил доктор и пошел осматривать остальных больных, размещенных в монастыре.

— Лала, дитя мое, — обратилась больная к молодой девушке, которая всхлипывала, закрыв руками глаза, — ты видишь, что в самые тяжелые минуты жизни бог не забывает несчастных и посылает им ангела-утешителя. Не плачь, родная; после бурной и мрачной ночи настанет лучезарный день. Настанет день, когда ты снова будешь счастлива.

— После всего того, что совершилось, милая Сара, — ответила Лала, горько плача, — мне остается только одно — смерть.

В комнату вошли двое мужчин, и разговор прервался. Это были слуги доктора; они

принесли хлеба и узел с платьями для Лала, Сары и детей. Взрослые не дотронулись до обеда, дети же с жадностью набросились на кушанья. Слуги ждали во дворе, пока они соберутся.

Лала оделась, одела полунагих детей и сменила лохмотья на больной; они вышли из монастыря и направились к жилищу, приготовленному доктором.

XXXVIII

Поднялся «ветер святого Григория Просветителя», и дневная адская жара уступила место вечерней прохладе. Этот благодатный ветер, который дует каждый летний вечер, оживляет не только жителей Вагаршапата, но и целый Арагатский уезд.

Недаром существует в народе поверье, что этот ветер вызван молитвами Отца-просветителя, чтобы сохранить народ от всяких болезней.

Монахи монастыря, поднявшись от послеобеденного спокойного сна, вышли из своих келий и парами прогуливались по берегу пруда Нерсеса, по аллеям часто насаженных деревьев, образующих нечто вроде арок. Невольно бросалось в глаза, что прогуливавшиеся монахи ходили либо попарно, либо в одиночку, точно они избегали общения. Подозрительность, несогласие, недоверие разделяли их, и это называлось — братством монахов.

Пруд находился на возвышенности, устланной плоским камнем. Несколько ниже начиналось старое кладбище, которое тянулось до самого монастыря св. Гаянэ. Там кое-где копали могилы, а другие, готовые, с опущенными в них покойниками, засыпали землей. Руки и лопаты работали. Священник бормотал молитву; ему, чтобы совершить обряд погребения, приходилось перебегать от одной могилы к другой. Все это делалось тихо. Ни плач друзей, ни слезы родных не провожали умерших. Они как бы радовались тому, что несчастные, близкие им люди, избавившись от страданий, наконец нашли свой покой в могиле. Хоронили алашкертских переселенцев.

— Как много умирает! — заметил один из монахов своему собеседнику.

— Все одно, — ответил тот равнодушно, — там их убили бы курды и турки, а тут умирают своей смертью. Но мы отделились от настоящего предмета нашего разговора, — продолжал он; — повторяю, что мы не должны верить ему, ни за что не должны верить. Он сблизается с нами, притворяясь нашим другом, близким человеком, будто бы сочувствует нам, но все это одно притворство; он старается выпытать у нас тайны и донести, куда следует. Он шпион, настоящий шпион, а потому-то и принят в «верхнем Иерусалиме⁴³». Очень возможно, как он и надеется, что ему скоро дадут сан епископа и назначат начальником богатой епархии.

— Все, что ты сказал — верно, но своего он не добьется: «четвертый» щедр на обещания, но скуп на исполнение. Они гладят по головке этого тупицу, пока нуждаются в нем, а потом подрежут ему крылья и выпустят, поручив его должность более способному.

— Смотри, еще двух покойников принесли.

— Оставь, ради бога, своих покойников!.. Но он не из тех, которых легко надуть.

— «Умная лиса обеими ногами попадет в капкан...»

— Потихе, пусть пройдут...

С другого конца аллеи показались еще двое монахов; приблизившись к первым, они тоже прекратили разговор. Оба были членами синода. Пройдя несколько вперед, они возобновили беседу.

— Торги необходимо назначить теперь же; самое удобное время для этого.

— Почему?

— Потому что известные нам господа Н., М. и Х., постоянные арендаторы церковных

⁴³ Намек на резиденцию католика.

имений, в настоящее время отсутствуют: один уехал по своим делам в Александрополь, другой в Игдирь, а третий черт знает куда провалился. Из этого мы можем извлечь пользу, назначив торги сейчас, так как аренда останется за господином Сатаэльяном, который возьмет ее на свое имя, в тайной компании с нами.

— Но, сколько мне известно, у господина Сатаэльяна нет столько денег, чтобы внести залог.

— Я знаю, но из-за этого дело не расстроится. Денег мы ему дадим, а он внесет их как бы от себя.

— А у тебя разве они есть?

— Есть процентные бумаги.

— Это все равно; следовательно, завтра на совете возбудим вопрос о торгах. Но я опасаюсь, как бы «сверху» не испортили дела.

— Не могут. Разве эти «хососы»⁴⁴ не то же думают, что и мы? Если этот «чертенек» вздумает вмешаться, то я, конечно, шепну ему что-то на ухо, и он тотчас же замолчит.

Разговаривая об интригах, совершающихся в братстве, и о своих спекуляциях, никто не обращал внимания на то, что творилось вокруг, никто не думал о том, что бездомные, бесприютные, оторванные от родной земли, лишенные всякого попечения алашкертцы погибали на чужбине как мухи.

Никто не интересовался ни причинами, вызвавшими беженство этих бедняков, ни тем, какой конец ждет их на чужой стороне.

Несколько монахов, образовав кружок, сидели в лесу на красивых персидских коврах и распивали чай. Им прислуживали мальчики, которые, собравшись в стороне, смеясь и шутя, готовили чай. Тут были сливки, свежее масло, булки, ром и пр. Вечерняя прохлада и свежий лесной воздух возбудили аппетит святых отцов. Они пили, ели, веселились, вовсе не думая о том, что в том же лесу, под деревьями, на сырой земле валялись сотни голодных семейств.

— Прекрасный ром, какой чудесный аромат! Откуда это вы получили, святой отец? — спросил один монах другого, попивая с особенным наслаждением чай с ромом.

— Откуда получил? — повторил монах, — разве ты не знаешь, что моя келья из тех обетованных мест, куда жертва является сама⁴⁵.

— Понимаю... Хорошо обладать такой притягательной силой!..

Солнце уже зашло. В лесу становилось все темнее, хотя золотистые тучи еще озарялись последними лучами солнца. «Ветер св. Григория Просветителя» утихал, и листья деревьев чуть заметно колыхались, издавая глухой, волшебный шелест. Глубокая тишина леса изредка нарушалась болезненными вздохами. Наступала ночь.

Неприятные, печальные воспоминания сильнее пробуждаются в темноте. Алашкертц, находясь под открытым небом, на голой земле, голодный, нагой и точно пробужденный от ужасного сна, теперь только начал сознавать всю горечь своей судьбы.

Он думал мрачную думу; он был богат, а теперь принужден жить милостыней. У него был дом, родной кров — теперь он живет под открытым небом. Вспоминал он своих потерянных детей. Куда они пропали? Кто увел их? Что с ними случилось? — он и сам не знал. Все погибло во внезапной и страшной катастрофе, когда в ужасе мать забывала сына, брат сестру, муж жену, когда всякий, гонимый мечом и огнем турок, старался спасти себя самого. У каждого в душе была неизлечимая рана; всякий потерял что-нибудь, что ему было дороже всего на свете и ничем не заменимо. И в эту ночь Вагаршапат оглашался вздохами и

⁴⁴ Восточные армяне называют в насмешку константинопольских армян «хососами». (Прим. автора).

⁴⁵ О разрушенных и упраздненных монастырях и часовнях существует в народе поверье, что в день их престольных праздников дикие звери туда сами приходят, и степные пастухи приносят их в жертву. (Прим. автора).

воплями переселенцев: у них было общее горе, для которого не находилось никакого утешения.

Между тем в лесу появился какой-то путник; он смотрел с любопытством на переселенцев, подходил к ним, разговаривал и шел дальше. Печальный и задумчивый облик этого молодого человека, мужественное выражение лица, смелые движения обращали на себя общее внимание. Он вышел из леса, миновал монастырь св. Гаянэ и остановился у кладбища. Здесь работа еще не кончилась, и продолжали хоронить...

До слуха его донеслись звуки пения. Пели простую народную песню: «Соловей надел сапожки и ищет любимую розу».

— А чтоб вам провалиться! — сказал про себя незнакомец, продолжая свой путь.

Звуки песен доносились из глубины леса, где монахи, возбужденные ромом, совершали ночной дебош. Незнакомец подошел к пруду; здесь тоже, подобно черным привидениям, гуляло несколько монахов. Но один из них сидел одиноко, как человек, удрученный горем, находящий утешение в покое одиночества, чтобы никто не растревлял его душевных рай. Его мрачное, загорелое лицо и старое изношенное платье ясно говорили о том, что он не из здешних монахов. Изящно и чисто одетые братья-монахи не подходили к нему, точно боясь загрязниться о его ветхую одежду. А под этим простым рубищем скрывалось благородное сердце. Молодой человек, заметив в полутьме незнакомого монаха, направился к нему.

— Ах! Это вы, отец Ованес?

— Вардан! — воскликнул монах и обнял его. Это был игумен монастыря св. Иоанна, управлявший епархией Алашкерта. Не желая разлучаться со своим народом, он перешел русскую границу вместе с беженцами.

Вардан сел рядом с ним на камне.

— Когда приехал? — спросил монах.

— Сегодня, только сейчас, — ответил Вардан, осматриваясь кругом, чтобы их не подслушали.

— Ни с кем не виделся еще?

— Ни с кем. Кого же различишь в этой толпе? Я очень хотел бы видеть Мелик-Мансура, он, как я слышал, находится тоже среди переселенцев.

— Я встречал его два дня назад, — ответил монах; — теперь он должен быть в Эривани, где, кажется, хотел видаться кое с кем из тех людей, что думают составить комитет для вспомоществования переселенцам.

— В Тифлисе уже есть такой комитет.

— Эриванский будет одним из его отделов.

— Как здесь идут дела?

— Очень плохо, — ответил монах печальным голосом. — Вот уже неделя, как я тут; отвели мне какой-то угол в Хазарапате, и никто не обращает на меня внимания, никто и не спросит, какие грустные обстоятельства заставили нас бежать сюда? Обещали вызвать меня к католикусу, но, на наше несчастье, дни проходят, и никто не зовет. Пытался я письменно передать всю историю бегства несчастного народа, надеясь, что тогда позовут меня и потребуют устного подтверждения, но и это ни к чему не привело. Можно ли быть до такой степени равнодушным и жестоким! У меня хранится список, из которого видно, что из трех тысяч семейств до сегодня умерло тысяча пятьсот душ — многие от болезней, другие от голода; остальные, нет сомнения, тоже перемерут, если положение их не будет облегчено.

Эти известия, как они ни были печальны, не произвели на Вардана особенного впечатления, потому что, зная последствия подобных беженств, он считал совершенно естественным все то, что случилось.

— Все беженцы остались здесь, в Вагаршапате? — спросил он монаха.

— Нет. Из Игдиря пришли сюда, а отсюда расходятся в разные стороны; в настоящее время, начиная с уезда Сурмалы, они разбросаны до Ново-Баязета и Старо-Нахичевани, так что везде, во всякой деревне, можно их видеть.

— Как относится народ к своим братьям-переселенцам?

— Народ встречает их хорошо, человеколюбиво: дает им кров, пищу, платье и, не жалея ничего, помогает. Нужно сказать, что здешний народ и сам находится в крайней нужде, так как по случаю войны все вздорожало. Однако переселенцы нуждаются более в медицинской помощи, чем в пище: распространившиеся болезни наносят страшные опустошения.

Ночная тьма совсем заволокла окрестности монастыря. Монахи заперлись в своих кельях; а из глубины леса все еще неслись звуки таинственной песни.

— Ты куда теперь идешь? — спросил Вардана монах, вставая.

— Сам не знаю...

— Идем ко мне.

— Я не желал бы, чтобы меня здесь видели.

— Теперь никто в монастыре тебя не узнает.

XXXIX

Пристанище отца Ованеса находилось в одной из комнаток верхнего этажа Хазарапата⁴⁶. Переступив порог монастыря, Вардан ощутил во всем теле холодную дрожь. Прошло десять лет с тех пор, как он оставил его; теперь печальные обстоятельства снова привели его сюда. Обитель людей, отрешившихся от мира и посвятивших себя молитвам и посту, произвела на молодого человека неприятное впечатление, воскресив воспоминания отрочества, которое он провел здесь праздно и бесполезно. Он вспомнил прошлое, одно представление о котором приводило его в ужас и вызывало отвращение.

Отец Ованес не мог не заметить расстроенного вида Вардана и сочувственно его спросил:

— Что с тобой? Отчего молчишь?

— Ничего. Со мной иной раз случается, что я неожиданно грущу...

Вся мебель комнатки состояла из кровати, на которую уселись священник и его гость, и простого деревянного стола, где горела свеча. Рядом шипел кипящий самовар. Священник налил чаю. Горячий напиток несколько успокоил Вардана. Оба хранили молчание. Разговор не клеился, пока они не заговорили о вопросе, очень близком сердцу обоих.

— Как тут смотрят на «дело»? — спросил Вардан.

— Из моего краткого рассказа ты составишь себе понятие обо всем, — ответил священник. — Сюда приехал из Турции монах, который должен быть посвящен в сан епископа. (Он еще здесь; вероятно, ты его увидишь). В первые дни своего приезда, говоря о турецких армянах, он описывал их положение в самых ужасных красках: рассказывал о варварствах курдов, о насилиях турок и приводил тысячи примеров преступлений, совершившихся в Турецкой Армении. Нельзя было не верить его словам, так как все, что ни говорил он, подтверждал фактами. Но как только он увиделся с «хососами», сейчас же переменял тон: он начал восхвалять человеколюбие турок, защищать их правосудие, восхищаться их великодушием и благородством. Что оставалось делать ему, бедняге? Если б он не шел против совести и не восхвалял все, что ненавидел и презирал, то, пожалуй, не получил бы желанного епископского сана.

Укажу и на другой случай. Священник ограбленного курдами монастыря прибыл сюда просить покровительства. Этот несчастный еще более мрачно описал лишения, которым подвергался народ от курдских военачальников и турецких чиновников.

Когда же жалоба его дошла до «хососов», то они не только не обратили внимания на его слова, но даже велели прогнать его из монастыря; и этот несчастный тоже должен был запеть другую песню и с тех пор находит хороший прием, забыв свой монастырь, свой народ; никогда больше он не говорит об изуверствах курдов. Скажу больше: этот самый

⁴⁶ Хазарапат — жилище католикоса и монахов в Вагаршапате (ныне Эчмиадзин).

монах, чтобы угодить им, в один из торжественных дней пил за здоровье султана, в то время когда в Баязете и Алашкертте происходило избиение армян турками. После всего этого, я думаю, очень ясно, какого взгляда держатся здесь относительно «дела».

Вардан не верил своим ушам; ему казалось, что он слышит все это во сне. Он не мог представить себе такого, доходящего до предательства бессердечия.

В самую критическую для нации минуту, когда ее жизнь и будущее висели на волоске, готовом оборваться каждую минуту и низвергнуть ее в пропасть, в такой страшный час, когда взор всей нации был обращен к спасительному Арарату, народ встречал здесь полное равнодушие к себе и дружелюбное отношение к своему врагу, своему убийце.

— Все ли они таковы? — спросил Вардан взволнованным голосом.

— Нет. Одни только «хососы»... Они находят, что в турецком управлении все справедливо, законно, и если армяне протестуют, проявляя недовольство, то называют их протест ложью и клеветой.

— Весьма понятно. Они тоже своего рода Томасы-эфенди, а для людей, подобных Томасу-эфенди, очень сподручен беспорядок, царствующий в турецком государстве. Если бы они, по крайней мере, брали пример с патриарха Нерсеса, с Хримяна и Нарбея, которые займут в истории армян почетное место.

— Ты рассуждаешь очень наивно, друг мой, — ответил монах, — уверяю тебя, что если будет возможно, то они сегодня же уничтожат все то, что сделал Нерсес⁴⁷, — а может уже и начали это делать... Здесь всеми силами стараются уверить в том, что как Нерсес, так и его последователи — все шарлатаны, что они обманывают народ и вовсе не думают об армянах (да и надобности нет думать о них), что они только орудие в руках представителей европейских держав и работают для их политических целей. Здесь смеются над легкомыслием тех, кто ожидает чего-нибудь хорошего от Нерсеса. Здесь говорят — требовать чего-нибудь от Турции было бы нахальством со стороны армян. Турция предоставила армянскому народу все, что ему нужно, и большего он не заслуживает. Говорят, турок добр, он сам пожелает даровать все. Зачем же докучать великодушному правительству?

— Неужели все братство в таком настроении?! — гневно воскликнул молодой человек.

Святой отец ответил ему не сразу. Он вышел из комнаты, осмотрелся, затем вернулся, сел на свое место и начал тихим голосом:

— Мы довольно неосторожны, здесь и стены слышат. У привратника монастыря сатанинское чутье, он живет рядом и завтра же донесет, если что-нибудь услышит.

— Я спросил об общем настроении братства, — повторил Вардан, не обратив внимания на последние слова монаха.

— «Хососы» составляют исключение, а все остальное братство не туркофилы. Есть между ними люди благородные, с благородными мыслями, готовые принести любые жертвы, чтобы помочь горю турецких армян, если...

— Если позволят «хососы».

— Да. Что делать этим несчастным, если они так связаны, что не имеют права не только действовать, но даже и говорить. Здесь есть некто Манкуни — настоящий изверг, который всех давит и душит.

— Я, все-таки не понимаю, что за чудовищная политика — видеть целый народ угнетенным, под деспотизмом Турции, видеть, что он близок к уничтожению и все же защищать тиранов!

— Для меня это тоже загадка. Я тоже не понимаю этого, — ответил святой отец.

— Но чем же они объясняют бегство алашкертцев, избиение армян в Баязете? Чем объясняют пожар в Ване?

⁴⁷ Нерсес Варжапетян — константинопольский патриарх, командировавший епископов Хримяна и Нарбея защищать права армян на Берлинском конгрессе 1878 г. (Прим. пер.).

— Для того, чтобы оправдать Турцию, у них всегда имеются наготове затверженные слова. Они сваливают всю вину на армян, говоря, что армяне — беспокойный, недовольный и неблагодарный народ. Говорят: «Волк не виновен, если овца гневит его». Причину беженства алашкертцев они видят не в огне и мече турок и курдов, заставивших целый народ бросить свою родину, а стараются указать на тайную и сильную руку, которая будто бы согнала несчастных с родной земли. Насколько это неверно, ты знаешь лучше, Вардан, ты ведь участвовал в «деле» с начала до конца...

— После всего этого я, право, не понимаю, с какими надеждами ты живешь здесь? Скажи мне, пожалуйста, отец Ованес, какого покровительства, какой помощи можно ожидать от них?

— Никакой; я сам убежден, что никакой помощи. Но что же мне делать? Куда идти? К кому обратиться? Я совершенно растерян.

— Обратитесь к армянской общественности. Отец Ованес ничего на это не ответил и после минутного размышления сказал как бы про себя:

— Теперь трудно объяснить все... Но настанет день, когда обнажится вся отвратительная сущность происходящего...

Монах произнес эти слова с глубокой печалью. Он настолько пал духом и до такой степени был возмущен, что не мог сдержать себя. И зачем было скрытничать перед Варданом. Ведь он не был для него чужим. Он имел с ним дела, и они вместе не раз участвовали в разных совещаниях.

Разговор опять перешел на беженцев. Настоятель алашкертцев, рассказав о бедствиях своего народа, предлагал средства для спасения его от окончательной гибели.

— Я просто поражен тем, что среди них так много больных, — перебил его молодой человек, — ведь больше половины переселенцев больны. Какая причина этого?

— Если ты узнаешь все подробности их ужасного бегства то удивишься, каким образом остались еще в живых эти страдальцы. Это — чудо, настоящее чудо. Но у меня нет ни памяти ни сил для того, чтобы рассказать все. Поведаю тебе только кое-что.

— После осады Баязета, подробности которой тебе известны, генерал Тер-Гукасов принужден был отступить. Тогда он совершил два подвига. С одной стороны, он должен был со своим маленьким отрядом бороться против многочисленной турецкой армии (конечно, заняв оборонительную позицию), а с другой стороны, спасти армянское население провинций Алашкерта и Баязета от избиения турками. Для исполнения того и другого требовалась большая стратегическая ловкость, в чем генерал и проявил свой талант. Он сумел сдержать страшный натиск турок до того времени, пока армяне успеют бежать; но времени было очень мало, а народ совсем не подготовлен к переселению. Вдруг было получено известие, что русские войска должны уйти из этих мест. «Спасайтесь, бегите отсюда, — сказали народу, — иначе сделаетесь жертвами турецкого оружия». Известие это с быстротой молнии разнеслось по всем провинциям. Народ был охвачен ужасом и тревогой. Неприятель стоял над головой.

Невозможно было медлить; необходимо было покинуть дорогую родину. Мне трудно описать ту ужасную ночь, когда люди расставались с родными очагами. Толпу охватило невыразимое отчаяние. Все были в страшном волнении и ужасно суетились, так как в эту ночь должны были бежать. Большая часть скота осталась в поле; хозяева не имели времени сходить за ним. Отец не дожидаясь сына, который отсутствовал, брат забыл брата. Домашняя утварь и другие вещи или были брошены на месте, или хозяева сами поджигали их. Матери брали на руки маленьких детей, а отцы шли в путь, нагружившись самыми необходимыми предметами, взяв за руки старших детей. Редко у кого находились возы, так как все подводы были взяты под военный обоз. Ждать нельзя было, неприятель шел сзади, опустошая все. Не успевший бежать делался жертвою жестокости варвара. Но и тот, кто бежал, только воображал, что спасен. Здесь встречали их новые невзгоды, которые оказывались страшнее турок и курдов; это — голод и болезни. Болезни шли от изнурений, которым подвергался народ во время своего бегства: он должен был пройти без отдыха и

остановки в несколько дней такое расстояние, на которое требовались целые недели. Женщины, девушки, старики и дети — все шли пешком; от ходьбы многие ослабли и остались на полпути. Где было думать тогда о родственниках, знакомых и даже о любимых детях!.. Всеми владела паника. Все сердца очерствели и потеряли способность чувствовать сострадание. Прибавьте к этому голод, жажду и непривычный климат.

Наконец, чтобы не встретиться с неприятелем, нас повели по таким горам и чертовым проходам, что женщинам и детям положительно невозможно было пробираться по ним, почти четверть беженцев отстала и погибла.

Короче говоря, описанная историками ужасная трагедия армян, уводимых в плен Шах-Аббасом в Испагань, ничто в сравнении с теперешним бегством.

Во время рассказа монаха мысли Вардана были заняты совсем другим. Он почти не слушал его, думая в это время о своей милой Лала. Ведь и она была в числе беженцев! Она тоже подвергалась тем же несчастьям и лишениям. Хотя Джава и сообщила ему, что, по распоряжению Хуршид — жены Фаттах-бека, Лала увезли на русскую границу, но слуги ее, будучи курдами и подданными враждебного государства, не могли перейти русскую границу, следовательно, они могли оставить Лала и Сару в толпе переселенцев. Но каким образом разыскать их? Живы ли они? Вопросы эти ни давали покоя Вардану.

— Отец Ованес, не знаешь ли ты чего о судьбе семейства старика Хачо? — спросил Вардан; — по-моему, они тоже должны быть в числе переселенцев. Где можно их разыскать?

— Нелегко тебе будет их найти, ведь беженцы разбросаны повсюду. Но с народом прибыли также их священники, старшины деревень, которым я поручил составить именные списки своих приходов, чтобы знать, где сколько находится жителей, и иметь возможность оказать им помощь. Я думаю, по этим спискам можно будет разыскать, в какой группе находится семья старика Хачо.

— Когда принесут списки?

— Пожалуй, завтра, а может, и послезавтра, наверное не скажу.

Эти «завтра» или «послезавтра» показались бесконечно долгими Вардану. Ночь он провел в невыносимых муках.

XL

Мерные и тихие звуки монастырских колоколов возвестили утро. Более счастливые из монахов покоились еще на мягких постелях; другие спешили в божий храм.

Отец Ованес проснулся очень рано и, оставив еще спавшего Вардана, вышел из кельи. Он ходил не молиться, а по обыкновению, каждое утро навещал переселенцев, чтобы видеть, в каком положении они находятся. Сегодня он сделался свидетелем таких печальных сцен, что не в силах был навестить всех несчастных страдальцев. Везде он видел ужасные картины: целые семейства без призора валялись там и сям в нечистотах хлебов; не оставалось ни одного здорового человека, который мог бы заботиться об остальных.

Печальный, убитый отчаяньем, возвращался он в монастырь с твердым решением добраться до покоев католикоса каким бы то ни было способом, чтобы просить немедленной помощи для народа, близкого к окончательной гибели. В эту минуту проехал фаэтон с седоком, и седок, заметив монаха, велел остановить лошадей.

— Приятная весть, — сказал он, подходя, — эриванский губернатор утвердил комитет, составленный для вспомоществования беженцам, и уже избраны члены из надежных лиц. Из Тифлиса тоже получены хорошие вести: тамошний комитет действует энергично; обещают скоро прислать денег и медикаментов.

— Слава богу! — воскликнул монах. — Здесь тоже думают послать предписание духовному начальству, чтобы и они собрали денег.

— Откуда последует такое распоряжение? Монах указал рукой на монастырь; незнакомец засмеялся.

— Это не может дать никаких результатов, — ответил он. — Собранное ими не дойдет

до желудка алашкертца...

Приезжий был Мелик-Мансур.

— Ты обрадовал меня известием, и я, в свою очередь, обрадую тебя.

— Чем?

— Вардан здесь, у меня в келье.

— Правда? Откуда появился этот дьявол?.. Я не верил, что люди могут возвращаться с того света. Идем.

Они направились к монастырю. Дорогой Мелик-Мансур обратился к монаху:

— Ты хорошо знаешь Вардана?

— Я знаком с ним пять с лишним лет. В наших краях он известен как храбрый контрабандист; но никто не догадывался, что он сделался контрабандистом не из-за наживы. Он, собственно говоря, только перевозил оружие и раздавал его крестьянам, и если случалось иногда, что он привозил товар, то делал это для прикрытия своих намерений. Цель была хороша, но стечение печальных обстоятельств уничтожило все...

— Я видел Вардана всего несколько раз, — проговорил Мелик-Мансур, — до сего времени никто не был мне так симпатичен, как этот энергичный молодой человек. Я видел сам, как он храбр и жесток в кровавых делах и как благороден, добр и честен в дружбе. Кроме того, Вардан известен и своим умом. Но он скромнен в своей деятельности и не любит выставляться.

Проснувшись, Вардан в комнате не нашел никого. Солнечные лучи проникали в келью монаха через узкие окна и освещали ее ярким светом. Было жарко и душно. Вардан поднялся, подошел к окну и как только его открыл, горячее лицо обдало свежей и приятной прохладой. Однако что-то тяжелым камнем лежало на его сердце. Он ждал отца Ованеса, но тот опаздывал; в нетерпении Вардан вышел из кельи подышать свежим воздухом, но, не желая быть узанным в монастыре, прошел через задние двери и направился к пруду. Здесь он увидел знакомую фигуру — на берегу пруда сидел старый монах.

— Привет вам, дедушка.

Все в монастыре звали этого старца «дедушкой».

Старик сидел на солнышке и грел свои застывшие кости. Он был похож на индийских факиров, которые не умываются, не причесываются, отращивают ногти и ходят в лохмотьях. Услышав голос Вардана, он приложил ладонь ко лбу, чтобы заслониться от солнца и, подняв глаза, сказал:

— Твой голос знаком мне, сын мой, но глаза мои не узнают тебя. Кто ты?

— Я — Вардан.

— Живи долго, сын мой; подойди, поцелую тебя! Как ты вырос, однако! Вардан дал ему поцеловать себя.

— Садись, сын мой, вот здесь, поближе, вот так, хорошо. Каким ты стал молодцом! Помнишь то когда ты, как кошка, лазил в мою келью воровать фрукты? Тогда ты был маленький, очень маленький.

— Помню, дедушка, — ответил Вардан, глубоко вздохнув. — Воровать я научился здесь...

— Кто не ворует теперь? Все воруют. Справедливость — что птичье молоко — нигде не найдешь ее. Два дня назад проклятые украли у меня из кельи несколько сот рублей, который я сберег на упокой своей души. Не понимаю, как они нашли их; я спрятал деньги под деревянным карнизом потолка, но черти залезли и туда; самому дьяволу не мешало бы брать уроки у этих воров... Ах, негодяи, негодяи...

Пропажа денег из кельи «дедушки» была таким обыкновенным делом, что не могла заинтересовать Вардана.

Этот седой, столетний старец всю свою жизнь почти ничего не тратил из денег, попадавших ему в руки, и копил их. Но как только касса его наполнялась сотнями или тысячами, вдруг неведомая рука уносила их. Однако частые кражи последнего времени научили дедушку быть осторожнее: в его келье было много углов и щелей, куда он и

размещал свои деньги, поэтому сразу унести всего не могли, хотя он любил уверять, что унесли все его деньги.

Старик был настоящий скряга. Вардан знал это еще с детства; скряжничество старика сделалось в монастыре чем-то легендарным. Дедушка считался одним из самых богатых монахов, но он копил деньги крайнею расчетливостью, а другие — темными путями.

— Дедушка, ты очень любишь деньги; на что они тебе?

— Эх, сынок! Кто не любит денег? Нынче денежный век; всякий бьется из-за них.

Дрожащими руками он достал из-за пазухи табакерку и открыл ее. Она была пуста. Уж много раз открывал он эту несчастную табакерку и каждый раз находил ее пустую; но он точно не верил своим глазам и опять повторял то же движение, думая, что, авось, табакерка каким-то чудом наполнилась.

— Будь проклят этот учитель Симон, — ворчал он, — ты ведь знаешь его; отдал ему двадцать копеек и свою жестяную коробку, чтобы он купил мне в городе табаку, но он унес и коробку и деньги. Нет ли у тебя табаку?

— Нет; я не употребляю его.

В нескольких шагах от себя старик заметил окурочек, поднял его, сорвал бумажку, высыпал табак на ладонь и, растерев его другой рукой, втянул едкий порошок в нос.

— Разве так уж плохо смотрят за тобою, дедушка, что и денег не дают на табак?

— Эх, сын мой! Другие времена настали. Нет того, что было при благочестивом Нерсесе. Тогда были любовь, дружба; тогда уважали старых, а теперь все пошло вверх дном. Кто ловко лжет, кто умело надувает, тот и преуспевает. Кому нужны такие, как мы? Теперь появились новые куры, они несут железные яйца.

Старик относился к числу ревностных почитателей памяти Нерсеса. Имя этого знаменитого католика для него было свято. Если он в чем-нибудь замечал несправедливость, то всегда вспоминал времена Нерсеса, которые были для него золотым веком. И сейчас вспомнил он те времена с особенным восторгом.

Он указал на прекрасный пруд и объяснил, с какой целью строил его этот великий человек. Он указал на развалившуюся постройку близ пруда, предназначавшуюся для писчебумажной фабрики, к которой теперь привязывали лошадей крестьяне, приезжающие из соседних деревень. Подобное же заброшенное здание, предназначенное для шелкопрядильной фабрики, стояло на другом берегу. Для этой фабрики покойный католикос засадил одну часть леса тузовыми деревьями. Вспоминая о лесе, дедушка, еле сдерживая слезы, рассказал, что его преосвященство любил здесь каждое деревцо. — Когда он отправлялся в лес, — продолжал старик, — то обрезывал лишние ветки маленькой пилой, которую носил при себе. Он знал каждое дерево и, следя за его ростом, радовался, как радуется отец, глядя на свое дитя.

Вардан, заметив, что рассказ старца затянулся, захотел уйти.

— Подставь-ка мне ухо, Вардан, — обратился к нему между тем старик.

Вардан наклонился и услышал следующее:

— Удались отсюда поскорее; на тебя здесь косо смотрят.

— Меня никто еще здесь не видел.

— Достаточно, если увидит один. Мне передавали про тебя дурные вещи.

— Вы ведь плохо слышите, дедушка; как же могли услышать про меня?

— Дедушка слышит хорошо все, что ему нужно. Вардан улыбнулся и ушел. Старик закричал ему вслед:

— Послушай, Вардан, если будешь в городе, не забудь купить и прислать мне табаку. Ты ведь видел, что моя табакерка пуста.

В эту минуту появились Мелик-Мансур и отец Ованес.

— О чем ты беседовал с дедушкой? — спросил священник.

— Он здесь единственный благородный человек, — ответил Вардан и, обратившись к Мелик-Мансуру, сказал:

— Я желал бы поговорить с вами наедине; нет ли у вас знакомого дома?

— Есть.

Вардан принимал меры предосторожности не потому, что его предупредил дедушка. Он вообще старался держаться подальше от монастыря, притом он был очень озабочен судьбою Лала; нужно было разыскать ее, узнать, где она и что с нею. Поэтому он попросил отца Ованеса, чтобы тот известил его в случае, если узнает что-нибудь от священников, прибывших вместе с переселенцами.

— Мне сообщили, что сегодня до обеда они придут с именными списками, — сказал отец Ованес. — Как только получу от них весть, сейчас же тебе сообщу.

— Вы знаете, где мы будем? — спросил монаха Мелик-Мансур.

— Знаю.

— Ну идем, Вардан.

В эту минуту на площади показалась группа людей, медленно двигавшаяся по направлению к кладбищу.

Несколько алашкертцев несли гроб. Священник не сопровождал его, он был на кладбище, где каждую минуту ожидалось все новые и новые покойники. Женщину вели под руки; она еле двигалась за гробом. Она не плакала — не видно было даже следов слез на ее лице. Она была в том состоянии оцепенения, когда все чувства парализованы сильным горем. Рядом с ней, ухватившись за ее платье, шли мальчик и девочка и горько плакали. Из жителей Вагаршапата не было никого, за исключением знакомого нам доктора, который выделялся из группы сопровождавших гроб полунагих, бедных людей.

Вардан и Мелик-Мансур издали заметили это печальное шествие, но прошли мимо.

Да и кто теперь обращал внимание на похороны? Каждый день, каждый час приходилось быть свидетелем подобных, сделавшихся обычными сцен.

XLI

Увидев Мелик-Мансура, Вардан, казалось, на время забыл о боли, терзавшей его сердце. Притом надежда разыскать семейство старика Хачо через священников — эта радостная надежда успокоила его. Он думал по этим следам найти Лала и своей любовью облегчить ее страдания.

Дом, куда вел его Мелик-Мансур, находился на одной из старых улиц Вагаршапата. Строения были небольшие, но каждый дом был окружен большим фруктовым садом.

— Ты будешь не слишком доволен, если узнаешь, куда я тебя веду, — сказал Мелик-Мансур.

— Мне все равно, — ответил Вардан равнодушно. — Я желал бы только получить какие-нибудь сведения о Салмане, думаю, никто там не помешает нам?

— Никто.

Когда они постучали молоточком в маленькую калитку, вышла какая-то старуха и отперла ее. Они вошли, и калитка за ними опять закрылась.

— Смотри, бабушка, привел тебе нового гостя, — сказал Мелик-Мансур.

Старуха бросила на Вардана многозначительный взгляд и ответила:

— Очень рада его видеть.

— Ну-ка, бабушка, поскорей нам бутылку вина, страшно пить хочется, — сказал Мелик-Мансур и, подойдя к ней, прибавил: — Задушу тебя, если кого-либо сюдапустишь.

Старуха таинственно покачала головой и удалилась.

Молодые люди вошли в маленькую, но довольно чистую комнату, меблированную в полуазиатском, полуевропейском вкусе. Они сели за маленький столик друг против друга. Через несколько минут осторожными шагами вошла молодая женщина и, так же осторожно поставив на стол бутылку с вином, молча вышла. Голова ее, как у всех армянок, была повязана платком так, что лицо было закрыто, виднелись только черные глаза, окаймленные дугообразными бровями. Но достаточно было и этого, чтобы составить понятие о ее красоте.

Мелик-Мансур налил себе и Вардану вина.

— Это хорошо, — заговорил он, — что наши монастыри в большинстве случаев устроены далеко от населенных мест, в горах и пустынях. Нигде нет столько безнравственных юношей, столько шалопаев, как здесь, в Вагаршапате. Нигде нет так много женщин легкого поведения, как здесь. Вот эту хорошенькую женщину, которая вошла сюда так скромно и стыдливо и сейчас же удалилась, содержит монах. Я думал прежде, что, по крайней мере, монастырь хранит религиозность и благочестие, но оказывается, здесь и монахам никто не верит. Поведение их развращает народ и внушает им неверие. Переход в протестантство здесь уже в полном разгаре.

Проходя по улицам, ты, конечно, видел довольно хорошие дома; большинством их владеют дальние или близкие родственники монахов, которые, некогда будучи бедными людьми, разбогатели благодаря монастырю. Я не могу не возмущаться, когда вижу, что сорят здесь целыми тысячами в такое время, когда каждая копейка для нас дорога. У нас столько нужд, на удовлетворение которых необходимы деньги. Национальная касса в Константинополе пуста, у патриарха нет ни гроша на покрытие самых необходимых расходов, а между тем ему теперь поручены такие дела, малейшее промедление в которых или равнодушие к ним будет непоправимым бедствием для нации. Однако, несмотря на все это, я не замечаю и тени солидарности между константинопольским патриархом и главой церкви всех армян Манкуни потерял в Константинополе на различных биржевых аферах двадцать пять тысяч, и, как я слышал, на днях туда опять послано тридцать тысяч, черт знает для какой цели, а патриарх константинопольский, этот единственный деятель, сидит без гроша...

— Вино немного прокисло, — заметил Вардан.

— Ты не слушаешь? — спросил Мелик-Мансур огорченным тоном.

— Слушаю — у патриарха нет ни гроша...

— Так нельзя разговаривать...

— О чем разговаривать? Я знаю одно: нация, которая надеется на духовенство, близка к окончательной гибели.

Молодая женщина такими же тихими шагами вошла снова и поставила на стол поднос с завтраком.

На этот раз платок, закрывавший прежде ее лицо, был значительно сдвинут, так что виднелись розовые влажные губы.

— Принеси нам еще бутылку вина, но только не такого.

Женщина молча вышла.

— Я удивляюсь, почему ты выбрал себе жилищем такой дом? — спросил Вардан.

— Если хочешь изучить монаха, познакомься с его любовницей, — сказал Мелик-Мансур улынувшись. — Наконец, тут каждый вечер собирается общество, и я узнаю весьма интересные известия.

— Конечно, главным образом о монастыре, — прибавил Вардан шутливым тоном. — Но оставим пока монастырь и поговорим лучше о наших делах. Прежде всего я хотел бы знать, чем кончил Салман и что еще случилось в мое отсутствие. Я ничего пока не знаю, хотя отец Ованес и сообщил мне кое-что, но то, что мне нужно, ему не известно.

При этих словах словно черная туча заволокла веселое лицо Мелик-Мансура, и побелевшие губы задрожали, когда внезапно память его воскресила ужасное прошлое, которое временно было забыто. Он взял полный стакан вина и одним глотком его выпил.

— Расскажу, — начал он взволнованным голосом, — ты должен знать все, хотя это очень печально. Салман был арестован ночью, о чем я узнал на следующее утро. Доносчик так ловко все устроил, что даже хозяин дома, где остановился Салман, ничего не понял. Мне же сообщил об этом один юноша, случайно видевший, как вели арестованного. Узнав об этом, я сейчас же собрал несколько всадников из близких мне людей, чтобы напасть на солдат и спасти Салмана. Быть может, нам удалось бы это, если б мы встретили их, но Салмана повели другим путем, о котором, к несчастью, мы не подумали. Со мною было более двадцати отважных всадников. После долгих расспросов мне удалось найти село, где

квартировал паша — военный агент, к которому повели несчастного молодого человека. Там я узнал, что, как только туда доставили Салмана, его сразу же задушили. Мне не удалось найти даже тела погибшего; с ним поступили варварски, бесчеловечно. Это преступление наполнило мое сердце свирепой местью, и тот обет, который мы дали, обагрён кровью этой невинной жертвы.

Вслед за Салманом, как тебе известно, арестовали старика Хачо с двумя сыновьями — Айрапетом и Апо. Их не убили, но держали в тюрьме под строгим надзором, стараясь отобрать у богатого старшины все золото и потом уже покончить с ними; но несчастные не выдержали мучений, которым их подвергали, и все трое умерли в тюрьме.

После всего этого я предвидел, какая участь ожидала село О... и лично отправился к Измаилу-паше, командовавшему армией Баязетского округа. Он считается умным человеком, и я надеялся, что мое свидание с ним не пропадет даром. Не скрывая от него приготовлений, которые делались мною и моими товарищами, я объявил ему, что действительно народу в большом количестве роздано оружие, но эти приготовления, сказал я, не имеют целью возмущение, а делаются лишь только для самозащиты. Во время усиления фанатизма магометан, которое раздувает духовенство, добавил я, христиане сделаются жертвою, если им не будет дана возможность к самозащите.

В необходимости этого должно было убедиться само правительство и принять меры, чтобы не повторились печальные события, вроде болгарских, за которые Турции пришлось сильно поплатиться. Значит, правительство должно быть очень довольно, что мы облегчили его заботы, сделав то, что обязано было сделать оно само: мы раздали христианам оружие, чтобы они могли защищаться от фанатизма мусульман.

Лукавый паша отнесся ко мне очень сочувственно; он обещал безотлагательно принять меры для обеспечения жизни и имущества армян. Это было во время отступления русских, когда ходили слухи, что армяне уходят вместе с ними. Паша, узнав об этом, поручил мне отговорить народ от такого намерения. Я согласился. Но как только я уехал, паша послал секретный приказ Фаттах-беку, который, явившись со своей кровожадной шайкой, напал на село О... ограбил его, перебив большую часть жителей, а село предал огню. Это навело панику на всю провинцию и еще более усилило желание бежать. Напрасно я и мои единомышленники старались удержать на своей родной земле охваченный паникой народ. Ужасный пример был у всех перед глазами; после этого даже ангел небесный не мог бы убедить народ, что случай с селом О... больше не повторится.

Однако коварство паши совершенно убедило меня в том, о чем я и раньше думал — что турецкие начальники как прямыми, так и косвенными путями сами участвуют в деле уничтожения христиан и в освобождении Армении от армян. Все наши старания могли удержать на своей родной земле только незначительную часть населения. Этим воспользовался Измаил-паша, направив месть на оставшихся, и тут пустили в ход всю свою жестокость курды: началась поголовная резня...

Я и теперь убежден в том, что если б население не двинулось с места, то оно могло бы защищаться. Турецкая регулярная армия, понятно, не напала бы на мирных жителей. Местное начальство не допустило бы такого явного варварства, тем более, что тогда в окрестностях Алашкерта и Баязета находились английские военные агенты и корреспонденты европейских газет. Местная администрация сделала бы то, что делала и раньше, то есть тайно возбуждала бы против армян курдов и смотрела сквозь пальцы на совершаемые ими злодеяния.

Однако бороться с курдами было бы не особенно трудно. Маленький, но знаменательный случай может удостоверить справедливость моих слов.

После выселения жителей, когда русские войска совершенно оставили провинции Алашкерт и Баязет, когда эти провинции снова перешли в руки турок, тогда, как я уже говорил, курды начали избивать и истязать оставшихся армян. Во время этого избиения несколько сот армянских семейств оставили свои жилища и, скрывшись в горах, укрепились там. Представь себе, что несколько тысяч курдов бились неделями с горстью храбрецов,

которые не только не согласились сдаться, но даже успели после нескольких удачных вылазок отнять у неприятеля богатую добычу и военные припасы.

Мое сердце всегда наполняется радостью, когда я вспоминаю те дни. Дрались не только молодые, но старики и женщины. Случай этот убедил меня в том, что рабство не в силах убить мужество в народе, который унаследовал его от предков и в жилах которого течет кровь храбрецов. Рабство может временно придавить, заглушить героизм, но убить его не в силах. И это единственное радостное явление, способное утешить нас в наших несчастиях последнего времени.

Мрачное лицо Вардана точно просияло, он поднял свой грустный взор к небу как бы с мольбою и благодарностью к всевышнему.

— Чем же все кончилось? — спросил он.

— Защищаться в недоступных горах хотя и трудно, но все же было бы возможно, если б мы имели дело только с курдами; но нас осаждали регулярные войска. Быть может, благодаря недоступным горам Армении, защищавшим нас, мы и тогда сумели бы удержаться, но пришла новая беда: недостаток в пище и вообще в припасах — этот непобедимый враг, против которого мы были бессильны. Изредка наши молодцы спускались с гор и, нападая на ближайшие курдские деревни, кое-что приносили. Но удавалось это очень редко: курдские деревни были пусты, так как их жители ушли со скотом на дальние горные пастбища. Само собой разумеется, что такое положение не могло продолжаться долго; вокруг нас не осталось ни одной армянской деревни, откуда мы могли бы ждать помощи хотя бы съестными припасами.

Неприятель же все теснил нас. Тогда наши выказали необыкновенную храбрость. В одну ночь они прорвали окружавшую их цепь и прошли через неприятельский лагерь. Не забывайте, что это были не одни храбрецы-мужчины, отважившиеся на такой дерзкий и смелый шаг, — с ними были их жены, дочери и маленькие дети.

— Куда же они направились потом? — спросил Вардан с нетерпением.

— Перешли турецкую границу и отправились в Персию; но дорогой им пришлось немало бороться против разных невзгод.

— Значит, ты приехал из Персии?

— Да.

— Что ты намерен делать теперь? — спросил Вардан.

— У меня одно желание, и, я думаю, ты разделишь его, — ответил Мелик-Мансур с сосредоточенным видом. — Нужно постараться облегчить участь беженцев, чтобы все они поголовно не погибли от голода и болезней. Я уверен, что русские, собравшись с силами, вновь завладеют оставленными ими землями. Тогда в тех местах снова воцарится мир, и мы должны употребить все усилия, чтобы алашкертцы и баязетцы могли возвратиться в свои места. Для будущего Армении было бы большим несчастьем, если бы две пограничные провинции — Алашкерт и Баязет — освободились от армян и населились дикими курдами.

— Ты думаешь, эти провинции навсегда останутся в руках русских?

— Быть может, после заключения мира они перейдут опять к туркам, но тогда, я в этом уверен, условия изменятся, и больше подобные беспорядки не повторятся; разбитый турок опомнится. Есть у меня еще и другая надежда...

Разговор их прервала старуха, вошедшая доложить о приходе какого-то монаха. Вардан, думая, что он пришел от отца Ованеса, попросил старуху впустить его.

Вошел священник села О... — отец Марук.

XLII

Завтрак был уже окончен, и на столе стояло несколько пустых бутылок, когда пришел священник. Вардану очень тяжело было встречаться с этим человеком, причинившим столько неприятностей ему и Салману; но обстоятельства примиряют человека с врагом. Убитое выражение его лица, изношенное старое платье, превратившее служителя божьего в

нищего, жалкий вид этого несчастного заставили Вардана забыть старую ненависть. Кроме того, он должен был услышать от священника сведения о семье, судьба которой его так тревожила.

— Не отец ли Ованес направил вас сюда? — обратился Вардан к Маруку, попросив его сесть.

— Да, отец Ованес, — ответил тот и присел к столу.

Вардан наполнил стакан и поднес ему, тот выпил, благословляя. Возбуждающий напиток подействовал на него, как живительная роса на поблекшее от жары растение. Неподвижное лицо батюшки немного ожило; заметив это, Мелик-Мансур спросил, не желает ли он закусить.

— Со вчерашнего дня ничего не ест, — ответил священник таким жалобным голосом, что нельзя было не пожалеть его. Мелик-Мансур приказал старухе подать ему завтрак.

Вардану не легко было начать расспросы. Он находился в таком состоянии, в каком может быть человек, которого обокрали за время его отсутствия. Возвратясь домой, он находит дом пустым; но все ценное, что у него есть, где-то зарыто, и он надеется, что воры туда не проникли. Осторожно приближается он к своему тайнику и с трепещущим сердцем стоит перед ним, не решаясь открыть. Его охватывает ужас при мысли о том, что станет с ним, если он найдет свой тайник пустым; ведь он лишится тогда последней надежды, единственного утешения.

В такой нерешительности находился и Вардан.

Он еще надеялся найти Лала. От одного слова священника зависело его счастье или вечное горе.

Было ли у него столько сил и твердости, чтобы устоять против удара, который могли нанести ему слова священника? Страшные предчувствия терзали его душу, и у него не хватало сил ни о чем спросить отца Марука.

Мелик-Мансур не знал ничего об отношениях Вардана и Лала. Он даже не был знаком с семьей старика Хачо; но, заметив беспокойство товарища, спросил:

— Ты хотел поговорить о чем-то с отцом Маруком, быть может, я...

— Нет, ничего тайного я от тебя не имею, — сказал Вардан и обратился к батюшке:

— Батюшка, передали ли вы список своего прихода отцу Ованесу? Я хочу знать, есть среди переселенцев кто-нибудь из села О...? Сколько их, и где они теперь?

— Чудак! Кто же остался из моего прихода? — ответил батюшка таким тоном, точно разговор шел о курах. — Я сочту тебе по пальцам, кто из них жив и где теперь бродит.

Вардан задрожал всем телом.

— Разве перебили всех? — спросил он побледнев.

— Не скажу, чтобы всех, но все же почти никого не осталось. Что с ними стало, я и сам не знаю. Не дай бог никому того, что случилось с селом О... Это было за грехи наши. Село наше превратилось в Содом и Гоморру, с неба валил огонь и пожирал все. Кто спасся от огня — попал в плен либо пал под ножом курда. Все это случилось в одну ночь. К утру село представляло пепелище. Потерял и я все, что имел, рухнули и мои надежды... Томас-эфенди, пусть благословит его господь, хотел помочь мне, но и он не успел... Остался я нищим. Видите, в каком я положении! — И он указал на свое рубище.

На глаза священника навернулись слезы, и он начал горько рыдать. Вспомнил ли он невестку свою Зуло и ее детей, которых не оказалось среди беженцев, или дьячка Симона и его жену — свою родную дочь, которые тоже затерялись среди всеобщей паники? Мучило ли его страдание народа, пастырем которого он был и гибель которого описал с таким равнодушием? Нет, не эти причины вызвали в нем слезы: он вспомнил о деньгах, которые предстояло получить ему от своего прихода. Вардан ничего не знал об этом, а потому и не обратил особенного внимания на слова батюшки.

Вардан все еще не решался продолжать расспросы и в душе радовался, что священник, увлекшись воспоминаниями, отдалялся от мучившего вопроса. Вардан, выпил стакан вина, словно стараясь заглушить им сердечную боль, но вино, как масло, подлитое в огонь, еще

более растравило его раны и усилило его страдания.

Вардана выручил Мелик-Мансур. Он много раз слышал о семье старика Хачо; он знал о смерти главы этого большого семейства и его двух сыновей, но об остальных членах семьи ему ничего не было известно.

— Кто остался из них в живых? — спросил Мелик-Мансур.

— Никто, — равнодушно ответил священник. — Сам старшина с двумя сыновьями умерли в тюрьме, это вы и сами хорошо знаете; остальных сыновей перебили, а что касается невесток его и их дочерей, то всех их увели в плен...

— Всех?! — воскликнул Вардан в ужасе.

Батюшка, заметив на лице молодого человека выражение беспредельного отчаяния, понял, как неосторожно он ответил.

— Сара здесь, — сказал он, — с двумя детьми и с Лала.

Радость Вардана не имела границ. Он был похож на человека, который после долгой борьбы со свирепыми волнами, потеряв последние силы, закрывает глаза с тем, чтобы открыть их в морской бездне, и вдруг видит себя на суше. Каким чудом очутился там, он и сам не знает: его выбросил сильный напор бушующих волн.

— Лала здесь!.. Здесь Сара!.. Значит, я их увижу?.. — воскликнул Вардан, вскочив с места. — Идем, батюшка, ты ведь знаешь, где они. Иди и ты, друг мой, — и он взял за руку Мелик-Мансура.

Молодые люди в сопровождении священника вышли на улицу. Но радость Вардана была непродолжительной. Священник ничего не знал о последнем несчастье, постигшем этих переселенцев.

Если б Вардан, идя сегодня утром из монастыря, увидел вблизи ту печальную процессию, которая медленно двигалась к кладбищу, то ему многое стало бы ясно. Но, как видно, судьба пожелала еще раз наказать его, не дав возможности увидеть любимую девушку.

Сара и Лала, обе больные, были взяты из монастыря и отведены в другое пристанище, приготовленное для них молодым врачом. Добрая хозяйка дома, которой было поручено заботиться об этих больных, отнеслась к ним особенно сочувственно, узнав, что они из богатой и хорошей семьи и что ужасная катастрофа привела их к такому жалкому положению.

У измученной и истерзанной нравственно и физически девушки, лишенной последних сил, в первую же ночь появился страшный жар. Хозяйка сейчас же послала за врачом, который, осмотрев больную, нашел ее положение опасным. «Нет надежды», — сказал он хозяйке; почти всю ночь доктор провел у больной, стараясь вернуть угасавшую жизнь. После полуночи больной стало лучше; она даже говорила, рассказывала много хозяйке, которая не отходила от нее, и доктор, вполне успокоившись, ушел. Утром же, навестив больную, он нашел ее мертвой.

Сара не понимала, что творилось вокруг нее, хотя лежала в той же комнате, но когда услышала стук молотка гробовщика и увидела сам гроб, ей стало все ясно.

Несчастная не могла даже плакать. Казалось, она даже радовалась, точно желала смерти Лала, чтобы та успокоилась, избавилась от этой горькой жизни, в которой для нее не осталось ни одного светлого уголка.

Когда выносили гроб, Сара изъявила желание присутствовать на похоронах. Как ни старался доктор удержать ее от такого шага, он не смог отговорить ее. Казалось, что необыкновенное желание восстановило ее истощенные силы. И действительно, она чувствовала себя бодрой и была в полном сознании.

Когда опустили гроб в могилу, Сара закричала; «Дорогая моя Лала, как я хотела бы умереть с тобой!» Но в эту минуту взор ее остановился на детях, и голос Сары оборвался.

Сару привели домой совсем без чувств. Около нее находился доктор. В это время в калитку постучали. Слуга отворил и увидел двух незнакомых молодых людей и священника, стоявших у калитки.

— Кого желаете? — спросил он.
— Нам сказали, что в этом доме живут две женщины из Алашкерта, — начал Вардан, — одна из них пожилая, а другая — молодая девушка.
— Да, они здесь, но девушка...
— Что случилось с ней?
— Умерла...
Подобно дереву, пораженному грозой, Вардан упал на руки Мелик-Мансура.

XLIII

Стояла мрачная ночь. Дышалось тяжело. Теплый летний воздух был налит парами и пылью.

В ночной тишине не слышно было ни звука, ни шелеста, точно все вымерло. Раздавались только глухие стоны в одном конце кладбища св. Гаянэ, где, распростершись над свежей могилой, горько рыдал молодой человек. Слезы ручьем лились из его глаз, смачивали сухую землю.

Он то целуя землю, обнимал могилку, то припадал к ней и оставался в таком положении. «Лала... несчастная Лала!..» — шептал он, и вместе с этими словами из груди его вырывались мучительные вздохи.

После долгих скитаний он наконец нашел могилу любимой девушки. — Что оставалось ему в жизни?

В борьбе с трудностями и житейскими неудачами у него была одна-единственная сияющая звезда, приковавшая к себе все его взоры, звезда, которая вела его к спасительной пристани. А теперь погасла и она. Что же оставалось? Разбитое, израненное сердце, для которого одна капля целебного бальзама могла бы исцелить все раны.

Потеря была невозвратима. Вардан никогда не любил раньше. В холодном, закаленном в борьбе юноше не было нежности, но перед любовью Лала, как восковая свеча, растаяла его холодность и сдержанность. И вот ангел-утешитель был под этой землей, которую он обнимал и орошал своими слезами. Под нею же было похоронено навеки и его сердце.

Долго мучился он, борясь с горем и рыдая, пока, наконец, всеми его членами не овладело какое-то онемение. Разгоряченная голова его опустилась на могилу, и глаза закрылись. Начались тревожные сны. Страшные видения наводили на него ужас; сменявшие их отрадные картины приводили его в восторг.

Казалось, время ушло далеко вперед, и он видел Армению, разрушенную, опустошенную Армению совершенно обновленной. Что это за чудесное превращение! Неужели потерянный рай возвратился на землю? Неужели опять настал золотой век, когда зло и неправда не оскверняли еще этого невинного божьего мира? Нет, рай, виденный теперь Варданом, не был, тем раем, который основал Иегова у истоков четырех рек Армении, где первая пара людей жила в полном неведении и невинности. Это не был тот рай, в котором человек жил не работая, не производя, питаясь плодами со щедрого стола чудесной природы. Это был другой рай, созданный человеком, его усилиями и честным трудом; вместо неведения в нем господствовало мудрое знание, а вместо патриархальной жизни — разумная цивилизация.

Казалось, сбылись слова, сказанные создателем первому человеку: «В поте лица своего добывай свой хлеб». Теперь человек намного облегчил труд, и ему больше не нужно добывать себе хлеб «в поте лица», Он работает для своего благоденствия. Труд его не присваивается угнетателями.

Вот видит Вардан деревню. Разве это не село О... провинции Алашкерт? Знакомые окрестности; те же горы и холмы, та же река и зеленая долина, все — старое, знакомое. Течение веков ничего здесь не уничтожило, ничего не унесло, а только видоизменило. Но как неузнаваемо стало село! Не видно больше жалких землянок, которые походили больше на звериные берлоги, чем на жилища людей. Вместо них каменные, белые как снег дома,

окруженные роскошными садами. Ровные, широкие улицы осенены тенью вечнозеленых деревьев, а подле них струятся прозрачные, как хрусталь, ручьи.

Утро. Из домов выходят группами деревенские ребята, здоровые, веселые и чисто одетые. Мальчики и девочки — все вместе, с книгами в руках спешат в школу. Вардан глядит на них с восхищением. Как здоровы эти милые дети! Сколько веселья на их лицах! Вероятно, школа и учитель не страшат их. Неужели это те самые полунагие, болезненные дети, которых Вардан видел здесь раньше?

Он стоял одиноко на улице и растерянно глядел вокруг, не зная, куда идти. Вдруг слух его уловил звуки церковного колокола. Как видно, ранняя обедня еще не отошла. С того дня, как он оставил монастырь, в первый раз приятно подействовал на него звук колокола. Окаменелое сердце Вардана наполнилось святым чувством, и он поспешил в церковь, где не бывал больше десяти лет.

Он был поражен, увидев простую, лишенную всякого блеска церковь. В ней не было ни разукрашенного алтаря, ни иконостасов, ни золоченных образов, ни серебряных крестов, ни дорогих одеяний. Она лишена была роскоши армянской церкви. Не видно было дьяконов, дьячков и прочих служителей церкви. Ему бросились в глаза только два простых образа: один изображал Христа, а другой св. Григория Просветителя; оба помещались в простых черных рамках.

Находившиеся в церкви мужчины и женщины сидели на длинных скамьях, и каждый имел в руках молитвенник. Священник, одетый, как и другие, стоял на амвоне и, держа в руке библию, читал проповедь, которая была так ясна и понятна, что Вардан понимал все, что он говорил. Божьи слова лились из его уст, как ручей из чистого источника. Он разъяснял смысл следующих слов библии: «В поте лица своего добывай свой хлеб». Вардана удивило объяснение проповедника. До сих пор он понимал смысл этих слов как проклятие, данное господом в напутствие первому человеку, которое затем перешло на весь род людской. Теперь только понял он, что это было наставление, чтобы отвлечь человека от лени и приучить его к трудолюбивой жизни.

Проповедь кончилась. Из толпы поднялся простой крестьянин и, согласно смыслу проповеди, прочел молитву. Он просил бога даровать им здоровье, разум и силу, чтобы иметь возможность действовать, работать над возделыванием сотворенной им земли, которая хранит в себе неизмеримые богатства. «Что это за молитва?.. — подумал Вардан. — Какие они материалисты! Они ничего не просят для души. Разве они не ждут ничего после смерти?..»

После этой молитвы все присутствующие, не исключая женщин, стариков и детей, пропели другую, взятую из книги псалмов. «Многие сказывали — кто укажет нам доброту господи? Свет, исходящий от твоего лица, осветил нас, наполнив наши сердца радостью. Ты даровал нам в изобилии хлеб, вино, масло и разные плоды».

— «Опять материализм... — подумал Вардан, — опять ничего о душе... Работник воспекает плодородие земли, дарованной богом и обрабатываемой рукою его же, работника. Удивительно, как эти люди сумели согласовать отвлеченность религии с насущными потребностями и условиями практической жизни!..»

Но что это за чудесное пение, которому вторит орган? Какой приятной божественной мелодией звучит пение сотни людей! Вардану казалось, что голоса поющих сливаются с гимнами бесчисленных херувимов и возносятся к престолу предвечного. Первый раз в жизни слышал он подобную божественную музыку.

Богослужение окончилось. Народ начал расходиться. Место на амвоне, где стоял раньше проповедник, занял учитель, а на скамьях, где молились родители, теперь разместились дети.

Тут были и мальчики и девочки — все они слушали учителя. «Неужели это школа? — думал Вардан. — Как видно, они соединили школу с церковью — заключил он. — Однако какие экономные люди, не выстроили отдельного здания для школы! И здесь опять на первом плане материализм».

Между тем, лицо учителя показалось Вардану знакомым. Разве это не отец Марук? Черты лица, рост и даже голос — все его. Да, точь-в-точь он, — священник, но в светском платье.

Вардан не верил своим глазам. Неужели это тот самый враг школы, который причинил столько забот и горя Салману? А теперь он сам управляет образцовой школой! Разве это тот священник, который брал деньги за церковные обряды и думал только о своих должниках? Это так озадачило Вардана, что он, не в силах побороть своего любопытства, подойдя к учителю, спросил:

— Святой отец, удалось ли вам получить деньги с крестьян?

Священник, приняв молодого человека за глупца, бросил на него строгий взгляд и ничего не ответил, только дал ему понять, что сейчас будет звонок и урок кончится. Урок был по естественной истории, что тоже немало удивило Вардана. Священник, богослов — и в то же время естественник!

Вардан не дождался конца урока и вышел из церкви во двор. Здесь не увидел он ни одной могилы, которые обыкновенно бывают в оградах армянских церквей. Двор был обсажен деревьями и цветами. Долго гулял Вардан по аллеям сада, любуясь их красотой. В это время один из крестьян, заметив, что он приезжий, подошел к нему и пригласил к себе на завтрак.

Дом крестьянина был небольшим, уютным, со всеми удобствами и совершенно утопал в тенистых деревьях. В нем были комнаты с различными назначениями, и везде, во всем замечались опрятность и убранство.

Молоденькая дочь домохозяина, тихо напевая какую-то приятную мелодию, весело вышла отцу навстречу. Видно было, что никакое горе, никакие невзгоды жизни не касались еще сердца этого прекрасного создания. Она не испугалась гостя, не спряталась от него, как это делают скромные армянки, а просто, без стеснения разговорилась с Варданом, точно знала его и раньше. Но как она была похожа на Лала! Это удивительное сходство так поразило Вардана, что ему захотелось обнять ее и сказать: «Наконец-то я нашел тебя!»

Завтрак стоял уже на столе. Хозяйка налила большие чашки кофе с густыми сливками и предложила гостю и мужу. Тем временем молодая девушка, положив на стол только что полученную газету, с довольной улыбкой указала на какую-то статью.

— А! Уже поместили твою заметку, Лала! — сказал отец, попросив очки и взяв газету.

— Лала! — воскликнул Вардан в невольном волнении.

— Это имя, — ответил хозяин дома, — очень часто повторяется в нашем роду.

Вардан несколько успокоился, но все же не мог примириться с мыслью, что она не та Лала. Если не та, то это, должно быть, воскресший дух ее. Конечно, после воскресения люди должны измениться, сохраняя в то же время свой прежний образ.

Кроме прекрасной девушки, Вардана удивили мир и счастье этого дома. Сначала он подумал, что эти люди днем и ночью не знают покоя — все трудятся и трудятся. Но теперь он видел, что и у них есть свои часы покоя и радости, что и у них своя скромная и полная довольства жизнь.

— Счастье крестьянина, — начал домохозяин, — зависит не столько от постоянного и тяжелого труда, сколько от знания дела и способов его облегчения. В природе есть много сил, дарованных богом нам в помощь, нужно только знать их и уметь извлекать из них пользу.

— Это верно, — ответил Вардан, — но если б курды не отнимали из рук крестьянина его заработка, то он был бы всегда счастлив.

— Какие это курды? — спросил крестьянин удивляясь.

— Те курды, которые грабят вас каждый день.

— Да, курды... — ответил тот, точно с трудом припоминая давно забытое название какого-то племени. — В исторических книгах читал я много о курдах. Действительно, они грабили наших предков и даже убивали их. Но где теперь эти варвары? Они исчезли; нет их больше. Такое племя не могло вынести света цивилизации, оно ассимилировалось. Еще в

начале прошлого века они приняли нашу веру, начали учиться в наших школах и постепенно слились с нами.

Вардан, слушая эти слова, не верил своим ушам; ему все это казалось сном. Крестьянин продолжал:

— В книге нашей родословной находим много строк про курдов, написанных точно кровью. Наш прадед звался Хачо. Он был старшиной этого села. Курды перерезали всю его семью, а сам он с двумя сыновьями умер в тюрьме. От старшего сына — Айрапета остался только один сын.

— Который во время переселения алашкертцев ушел с матерью Сарой в Вагаршапат, — перебил его Вардан.

— Да, от него и произошел наш род.

— И его звали Оваким, а сестру — Назлу; она умерла вслед за матерью; сироту же, Овакима, взял на свое попечение какой-то доктор...

— Где вы все это вычитали? — спросил его хозяин дома, удивляясь тому, что гость его знал до мельчайших подробностей всю историю их рода.

— Я не читал, а видел сам, своими глазами, — ответил Вардан. — Все это совершилось тогда, когда курды уничтожили это село и опустошили всю провинцию Алашкерт.

— Но ведь это произошло два века тому назад. А вы кажетесь мне совсем молодым человеком, ведь вам далеко до Мафусаилова возраста. Как же вы могли видеть все то, что совершилось тогда? — ответил хозяин, добродушно улыбаясь.

Вардан не нашелся, что сказать.

В окно, у которого сидел Вардан, виднелась зеленая равнина, окаймленная красивыми горами. Горы эти были покрыты густым лесом, и деревья-великаны, подымаясь высоко и сливаясь вершинами с синевой небес, представляли прекрасное зрелище. Утреннее солнце играло золотистыми лучами, и ручьи, освещенные ими, извиваясь, как серебристые змейки, прокладывали себе ложе по свежей равнине. Вардан не мог оторвать глаз от этой картины. Дикая, но богатая природа трудами рук человеческих стала прекрасной, как кусок полотна под опытной кистью художника.

— Вы говорили о печальных временах курдов и турок, — продолжал хозяин дома, — но после того многое изменилось. Видите эти величественные горы? Полтора века назад они были совершенно голы; на них не было даже и кустика. Тогда рука варвара так же безжалостно рубила деревья, как и людей. Все было уничтожено. Население, не имея топлива, употребляло кизяк, а для построек совсем не было досок, поэтому людям приходилось жить в землянках. Но когда настали мирные времена и деревни опять наполнились жителями, наши горы снова покрылись лесами. Весь этот лес насажен руками трудолюбивых крестьян. Видите ту зеленую равнину? Некогда она была сухой, безводной пустыней, и единственная речонка, протекавшая по ней, высыхала от летнего зноя. Но с тех пор, как здесь вырос лес, наша равнина не испытывает нужды в воде. Теперь эта местность считается самой плодородной во всем округе. Да, многое изменилось. Раньше здесь не было приличных дорог, а теперь всюду вы увидите широкие ровные дороги, соединяющие города нашей страны. По ним мчатся машины, приводимые в движение силой пара. Продукты нашей земли мы отправляем за тысячи верст и взамен их получаем все, что нам нужно.

Вардан с удивлением слушал рассказ крестьянина. Когда его взор остановился на лице прекрасной Лала, он спросил, где она учится.

— Не будет и недели, как она окончила гимназию в Ново-Вагаршапате, а теперь готовится к поступлению в университет, будет изучать медицину. Она слаба здоровьем, и я желал бы, чтобы она провела несколько месяцев в деревне, но ее нельзя ничем убедить.

— А сколько у вас сыновей?

— Род наш был всегда многочисленным. Семья нашего прадеда, старшины Хачо, состояла более чем из пятидесяти человек, но у меня пятеро детей. Кроме Лала, у меня еще четверо сыновей.

— Чем они занимаются?

— Один лесничий того леса, который перед вами; другой — профессор в Карийском университете, третий командует полком в Ване, а четвертый учится в Ново-Багревандском сельскохозяйственном училище.

Вардану было незнакомо название этого города, и он спросил:

— Я не припоминаю в этих краях такого города.

— Это — старый Баязет. Многим из наших городов и сел дали новые названия. Некоторые из них получили свои древние исторические названия, другие — новые.

Хозяин дома снова взял газету и принялся читать статью, которая, как видно, очень его интересовала.

Вардан с любопытством спросил:

— Что нового пишут?

— Ничего особенного. Завтра в городе общее собрание депутатов... Обсуждению подлежат несколько вопросов. Не знаю, чем кончится... партии сильно взволнованы.

— Вы тоже будете там?

— Не могу не быть.

Из дальнейшего выяснилось, что хозяин дома был депутатом от крестьян этой местности.

Завтрак кончился. Вардан поднялся и, поблагодарив, хотел удалиться.

— Если вы желаете осмотреть некоторые учреждения нашего села, — сказал ему хозяин дома, — я с удовольствием буду вашим проводником.

— Благодарю вас, — ответил Вардан.

— Если случится вам еще раз проезжать через село, — заговорила хозяйка, — двери нашего дома всегда перед вами открыты.

— Очень вам признателен, — сказал Вардан поклонившись.

— И у нас вам не скучно будет, — прибавила прекрасная дочь хозяина, улыбаясь.

— Благодарю и вас, — ответил гость, низко кланяясь.

Выйдя из дома крестьянина, Вардан только тогда почувствовал свое странное положение. Он находил себя каким-то дикарем, который, попав в цивилизованное общество, мучится тем, что он невоспитан, не может говорить, рассуждать и держаться так, как другие. Что это за чудо! Род старшины Хачо, пройдя через горнила веков, очистился и изменился, создав новое, благородное поколение.

Вардан и гостеприимный крестьянин шли по улице села. Мимо них проходили просто, но чисто одетые крестьянки и их мужья в рабочих костюмах. Не было прежней дикости и невежества. Везде царил дух просвещения. Неизменным остался только армянский язык. Но как развился этот язык! Какими красивыми оборотами звучал он теперь в устах армянина!

Вардан со своим собеседником находились уже за селом. Кругом были богатые нивы, красивые сады, обработанные поля и роскошные пастбища.

Они прошли мимо лесопилни, где работали паровые машины. Лесопильня снабжала село и ближайшие города бревнами всех родов и размеров.

— Кому все это принадлежит? — спросил Вардан.

— Заводы, которые вы видите у нас, не имеют одного владельца, — ответил крестьянин, — они принадлежат сельскому обществу, и каждый крестьянин имеет в нем свою долю. Бревна получают из ближайших лесов, которые опять-таки принадлежат крестьянам.

— А вот это большое строение, — указал Вардану проводник, — общественная сыроварня. Здесь готовится лучший в губернии сыр. Каждый сельчанин сдает сюда молоко от своих коров и во время раздела общей прибыли получает, соразмерно доставленному молоку, свою долю сыром или деньгами.

Они вышли в поле. Уже убирали хлеб, но не косой и серпом — вместо людей работали машины.

Наконец они подошли к громадной мельнице, которая приводилась в движение не водой, а паром. Здесь молотили пшеницу всех окрестных деревень, и чистая, белая, как снег,

мука вывозилась в чужие края.

Мельница была также общественная.

Но что больше всего удивило Вардана, — это крестьяне. Они отличались смелостью, уверенностью в своих силах и мужеством. Точно все воспитывались и росли в полной свободе; точно никогда не получали они побоев от турок и никогда не пугало их копье курда.

Он видел трудолюбивых людей, способных в случае надобности бросить кирку и лопату, взяться за оружие и так же умело действовать и им.

— Во время войны они становятся воинами. Работы в это время прекращаются, поэтому война для нас имеет тяжелые последствия.

Пройдя поле, они направились обратно в село, за чертой которого стояло большое здание, и подошли к нему. Здание было похоже на те строения, которые встречаются на образцовых фермах.

— Это наша сельскохозяйственная школа, — сказал крестьянин. — То, что вы видели утром — элементарная школа.

Однако что это за школа! Ничего подобного еще не видел Вардан, хотя и сам бывал учителем.

В ней было все необходимое для обучения сельскому хозяйству. Перед громадным зданием открывалось обширное поле, разбитое на участки, обрабатываемое руками воспитанников и воспитанниц. Тут были образцы всех сортов и пород растений, цветов и овощей со всего света. Здесь воспитанников не занимали мертвыми книжными истинами, а всему учили по чудесной книге природы. В свободные часы ученики занимались гимнастикой и искусством владеть оружием.

«Вот такая школа поможет воспитать хорошего земледельца и воина» — подумал Вардан.

Поблагодарив гостеприимного крестьянина, Вардан расстался с ним. Он не знал, куда ему идти. В эту минуту проезжал мимо экипаж, в котором сидели пассажиры. Сел также и Вардан, узнав, что он идет к вокзалу.

На вокзале в ожидании поезда стояла большая толпа. Вдруг раздался знакомый голос.

— Вардан!..

Вардан обернулся: перед ним стоял Салман.

Старые друзья бросились друг другу в объятия.

— Так-то, друг мой, — заговорил Салман, не выпуская руки Вардана, — мы опять встретились, ровно через двести лет... Долгий срок!.. Ты такой же, каким и был, Вардан, ничуть не изменился. А у нас в течение этого времени многое стало иным. Помнишь, как-то я говорил тебе, что Армения была колыбелью человечества, раем времен его детства, но настанет день, когда она станет раем его юности. Теперь все это свершилось. Теперь существование армянина на родной земле обеспечено, и жизнь его протекает в мире и спокойствии. Но если б ты знал, сколько труда стоило нам довести нашу родину до этого. Да, много пришлось поработать!.. В течение этих двухсот лет мы прошли через тысячи опасностей и свое спокойствие купили ценой крови и пота...

— Куда ты едешь сейчас? — спросил его Вардан.

— В город. Там сегодня собрание депутатов, а я депутат от нашего округа. Идем вместе, Вардан, я должен сегодня выступать; быть может, споры наши тебя заинтересуют.

Раздался третий звонок, и друзья вошли в вагон. Всю ночь они ехали, а к рассвету прибыли в город. Еще все спало в красивом и шумном городе. На улицах встречались только рабочие, идущие на работу.

— В гостиницу «Ноев Голубь», — приказал Салман извозчику.

Экипаж ехал по прямой и ровной улице, по обеим сторонам которой возвышались огромные дома; Вардану казалось, что они едут мимо дворцов. Салман, указывая ему на некоторые здания, говорил: — «Это — университет»; «это — академия наук», «это — старый королевский дворец, ныне музей» «вот это — один из лучших театров города», «эти статуи поставлены в память последних переворотов», «в этом здании помещается редакция

газеты, которая выпускает 150 тысяч номеров». «Здесь...»

— А казармы нет? — перебил его Вардан.

— Нет, у нас каждый гражданин одновременно и воин.

— Прекрасный город!.. Чудесный город!.. — воскликнул Вардан в глубоком восхищении.

Экипаж остановился перед гостиницей «Ноев Голубь». Вардан с Салманом вошли в маленькую комнату рядом с общим залом, в котором сидели Томас-эфенди с Мелик-Мансуром и горячо спорили.

— Это будет настоящее ослиное мученье, — говорил Томас-эфенди.

— По-моему, это единственный путь, который приведет к желанной цели, — отвечал, горячась, Мелик-Мансур.

— Идя этим путем, мы достигнем нашей цели, быть может, к празднику ослов (к весне), — продолжал смеясь Томас-эфенди.

— Вот и Салман, послушаем его мнение, — сказали они, перестав спорить.

Они были крайне удивлены, заведя Вардана, который вырос точно из-под земли.

— Откуда ты? — спросил его Томас-эфенди своим обычным шутивым тоном.

— Твое появление не меньше поражает и меня, — ответил Вардан, пожав его руку. — Я нашел твой искалеченный труп в горах Алашкерта и похоронил его на кладбище курдов. А теперь?..

— Теперь я воскрес, — ответил тот смеясь. — Разве ты не веришь в перевоплощение душ? Моя несчастная душа переселялась в тела низших животных. Несколько десятков лет в облике волка я терзал, похищал людей и жил охотой... Несколько десятков лет, будучи собакой, лаял, вертелся вокруг людей, которые кормили меня; затем, перейдя в тело змеи, ползал по земле... После того я сделался ослom, и меня так часто таскали за уши, что я совсем обезумел; наконец, измученная душа моя перешла в тело льва, и уже в нем очистилась. Эти переходы совершались в течение двухсот лет. Египетские мумии, ожидая с нетерпением возврата своих душ, оставались в пирамидах тысячелетия, но моя душа совершила свой круг гораздо скорее...

— И я имею счастье видеть уже обновленную Томаса-эфенди? — прервал его Вардан.

— Да, прежний Томас-эфенди, знакомый вам, был сыном своего века, но время изменило его, и теперь он один из лучших представителей настоящего поколения. Но ты не знаешь, любезный Вардан, как сильно прогрессировало это поколение. Вот узнаешь ли Мелик-Мансура, который некогда продавал иголки, нитки, блуждая в деревнях Алашкерта? Ведь он теперь генерал.

Вардан повернулся к Мелик-Мансуру, сидевшему тут же, и с почтением пожал ему руку.

— Мы опаздываем, господа, заседание скоро откроется, — поторопил их Салман.

— Это вождь нашей партии прогрессистов, — шепнул Вардану Томас-эфенди, указав на Салмана. — Он приготовил на сегодняшний день замечательную речь. Ах, какой он оратор!..

— Возьмите и меня с собой, господа, и я хочу послушать его!.. — радостно воскликнул Вардан.

— Идем! — раздался в ответ ему незнакомый голос.

Вардан раскрыл глаза, и действительность предстала перед ним, — он понял, что все виденное было сном. Его окружал ночной мрак у могилы несчастной Лала.

Но чей это был незнакомый голос? Кто сказал ему «идем»?

Вдруг четыре сильные руки схватили его, и все потонуло во мраке.

**М. Мкрян.
Роман Раффи «Хент»**

Автор романа «Хент» Раффи (Акоп Мелик-Акопян) — крупнейший армянский писатель XIX века. Начало его литературной деятельности относится к концу 50-х годов; 70–80 гг. стали периодом наивысшего расцвета его творчества, — тогда Раффи как писатель завоевал самую широкую популярность, подняв армянскую художественную прозу и, в частности, жанр романа на невиданную до того времени высоту.

Уже первые произведения Раффи были отмечены идейным богатством и мастерством владения словом. Просветитель и патриот, он выступает с резкой критикой феодальной отсталости и крепостнических порядков, предстает как горячий защитник интересов народа, в особенности крестьянства. Огромное значение придает Раффи художественной литературе, считая, что она, как волшебное зеркало, отражает общественную жизнь и способствует выявлению и искоренению отрицательного.

Исходя из того исторического факта, что большая часть армян в то время находилась под тяжким игом деспотических государств, Персии и Турции, и подвергалась неслыханному угнетению и физическому уничтожению со стороны феодалов-землевладельцев — беков, ханов, пашей — вообще варварской феодальной бюрократии этих государств, — Раффи уже в первых своих произведениях («Салби», «Гарем», «Клочок земли» и другие) поднимает вопрос о борьбе с феодализмом и иноземным игом.

Борьба эта, по мысли Раффи, должна была привести к победе права и справедливости, к освобождению трудящегося крестьянина от насилия феодалов. «Тогда настанет царство трудового человека, того, кто имеет дело со справедливой и верной природой, кто не думает чужим трудом добывать себе пропитание», — с искренним убеждением писал он впоследствии в известном романе «Искры».

Эта идейная целенаправленность произведений Раффи показывает, что мировоззрение их автора тесно связано с национально-освободительным движением 50-х годов прошлого века. И в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда общедемократическое движение поднимается на новую ступень, Раффи выступает как его лучший идеолог и изобразитель.

Русско-турецкая война внушала большие надежды на освобождение западных армян от ига султанизма. Объективно прогрессивным значением ее было то, что многие балканские народы получили независимость, а Болгария была освобождена целиком. Еще в начале войны некоторыми представителями тогдашней армянской публицистики было высказано мнение, что Турция не выдержит натиска русских армий и Османская империя распадется на части. Тогда возникал вопрос: какова же будет судьба западных армян? Господствующим было мнение, что наилучшим решением этой проблемы явилось бы присоединение Западной Армении к Русскому государству или же предоставление ей самоуправления под протекторатом России.

Как известно, эти чаяния армянского народа не сбылись. После победоносного завершения войны к России отошли только Карский и Ардаганский уезды, а большая часть Западной Армении осталась под властью султанских ассимиляторов и погромщиков. В статье 61-ой о Западной Армении (трактат, принятый на Берлинском конгрессе, который был созван в результате вмешательства европейских держав, и в частности Англии и бисмарковской Германии, для пересмотра подписанного в Сан-Стефано договора) весьма неопределенно говорилось, что турецкое правительство должно провести в Армении некоторые реформы. Эти так называемые реформы остались только на бумаге и позволили султану Гамиду еще более усилить преследования и погромы армян.

В печати и художественной литературе, представлявших различные течения армянской общественной мысли, велись страстные споры о путях и возможностях освобождения западных армян. В это время Раффи одно за другим опубликовал три произведения из жизни западных армян: «Джалалэддин», «Хент» и «Искры». В них со свойственным ему чувством актуальности писатель стремится ответить на вопросы, волновавшие современное ему

общество.

Романы Раффи подверглись яростным нападкам клерикально-консервативной критики, однако широкая публика читала их с огромным интересом.

II

Роман «Хент» был напечатан по частям в 1880 году в газете «Мшак», а затем в 1881 году вышел отдельной книгой. «Хент» начинается с потрясающей картины осады города Баязета. В его цитадели вместе с несколькими добровольцами армянами и тюрками героически защищается горсточка русских солдат, отбиваясь от многочисленной регулярной турецкой армии, курдских шаек и башибузуков. Затем действие переносится на несколько лет назад: рассказывается о мирной жизни одного из армянских сел Алашкертского уезда и, наконец, вновь возвращается к периоду войны.

Раффи описывает тот момент русско-турецкой войны, когда генерал Тер-Гукасов был вынужден временно оставить занятые им области, а армяне, приветствовавшие победное вступление русских войск и всемерно им помогавшие, из-за внезапной перемены военной удачи русской армии бежали в Восточную Армению, чтобы избежать турецкой резни.

На первый взгляд может показаться, что писатель дает поверхностное изображение крестьянской жизни, — сюжет построен в основном вокруг одной крестьянской семьи — семьи сельского старшины Хачо. И у читателя может возникнуть вопрос — характерно ли подобное патриархальное изобилие для западноармянского крестьянства в целом?

По ходу романа Раффи часто приводит факты и различные эпизоды из жизни села и крестьянства, которые сами по себе правдиво отражают положение вещей. Однако, изображая изобильную жизнь семьи старшины Хачо, Раффи хотел тем самым показать не экономическое положение армянского крестьянства, подвергавшегося варварскому военно-феодальному угнетению Турции, а его потенциальные творческие силы и огромную энергию, плодом которых могла бы стать подобная жизнь. Писатель стремится провести мысль, что страна, где живут армяне, и земля, которую возделывает армянский крестьянин, действительно способны дать такие блага, при которых в других политических условиях народ смог бы, имея все это, создать для себя обеспеченное существование. Отсюда и трагическая ситуация: то, чего мог достигнуть армянский крестьянин, не позволяли обстоятельства, а то, чего он достигал, могло быть уничтожено в одно мгновение; он не являлся хозяином ни добытых в поте лица продуктов труда, ни собственной жизни. Такая же доля была уготована и семье старшины Хачо.

В «Хенте» автору удалось выразить весь трагизм положения западноармянского крестьянства.

Сюжет романа имеет оригинальное построение. Одна из характерных особенностей его в том, что почти все главные действующие лица, и положительные и отрицательные, а также описываемые в романе решающие события тесно связаны с одной семьей — семьей старшины Хачо. Характеры и поступки таких героев, как Фаттах-бек, Томас-эфенди, Вардан, Левон Дудукджян, выявляются главным образом из взаимоотношений их с этой семьей.

Главная сюжетная линия романа — судьба семьи старшины Хачо — развивается очень стремительно; в ее основе лежат скорее историко-политические события, разыгравшиеся в описываемый период, нежели действия и поступки главных героев.

Раффи с большим художественным мастерством изображает те неожиданные несчастья, которые, обрушиваясь на семью старшины, превращают жизнь этой семьи в страшный кошмар.

Тяжелая тревога охватывает всех в доме Хачо, когда после посещения Фаттах-бека становится ясно: курд знает, что Степаник — девушка, и собирается похитить ее. Столкновение Томаса-эфенди и Вардана в доме старшины и появление Левона Салмана еще более осложняет обстановку. Постепенно создается ощущение безысходности. И, наконец, наступает катастрофа: во время войны Фаттах-бек врывается в село, предаст все огню и

мечу, оставив на месте домов дымящиеся развалины.

Огромная художественно-познавательная ценность романа «Хент» обуславливается прежде всего реалистическим отображением и глубоким анализом современной автору социально-политической обстановки. Эта обстановка порождала в широких массах западных армян лютую ненависть к турецким завоевателям и страстное стремление к свободе, разжигала лелеемую в народе мечту об освобождении с помощью России. Любовь и уважение армян к России и русскому народу в свое время так ярко переданные основателем новой армянской литературы Хачатуром Абовяном в романе «Раны Армении», теперь, в иной обстановке, отображены Раффи в романе «Хент».

III

«Хент», по существу, роман исторический, хотя изображает современные автору события. В нем дано описание одного из важнейших событий жизни армянского народа.

Первый герой, которого Раффи вводит в круг семьи старшины Хачо, — вождь одного из курдских племен Фаттах-бек. И это не случайно. Характер взаимоотношений Фаттах-бека с семьей старшины Хачо очень знаменателен: в Западной Армении курдские вожди прямо или косвенно грабили и угнетали армян не только по праву феодала, — они были прямым орудием политики султанизма, направленной на уничтожение армян. Иначе говоря, во взаимоотношении курдских вождей с армянским крестьянством непосредственно проявлялась реакционная сущность турецкого владычества.

Еще в молодости Раффи довелось изучить жизнь курдских племен, их быт и обычаи. Знание курдского быта помогло Раффи придать образу Фаттах-бека большую жизненную выразительность. Фаттах-бек, сидя на прекрасном коне, окруженный многочисленной свитой, едет в гости к Хачо. Когда десятник сообщает это, на чело старика набегают черная туча, и он произносит с недовольством:

«Курд даром не приходит к армянину: наверное, что-нибудь ему да нужно»... Действительно, гостеприимно принятый Фаттах-бек дает понять хозяину, что ему и его людям «пока» нужно десять возов муки и сотня золотых. Требования бека во имя «дружбы» были удовлетворены «с радостью». Интересен разговор о случившемся вернувшихся с работы сыновей и старого Хачо:

«...Мы сами научили их разбою, — говорит сын. — Мы можем не давать им ничего, тогда они вынуждены будут сами сеять и потом добывать свой хлеб; но мы учим их жить на наш счет».

Но Хачо, умудренный жизненным опытом, возражает сыну, что если даже они, армяне, не дадут, то те все заберут силой.

«...Кому жаловаться? Кто услышит наш голос? Те, которые назначены для уничтожения зла и должны защищать правду, все разбойники, начиная с вали и паши до последнего мюдир и каймакама. Разбойники живут как братья, они, как говорится, собака собаке родня. Ты сам слышал, что эрзерумский вали вместо того, чтобы заковать в цепи разбойника Фаттах-бека, подарил красивого коня этому злодею, наводнившему целый край кровью и слезами».

Резко критикуя нелепую «теорию» клерикально-консервативной публицистики об «исламе — хранителе евангелия», Раффи в лице одного из героев романа, Левона Салмана (Дудукджяна), разоблачает самую сущность политики султанизма и способы ее осуществления. Мы, — говорит Салман, — до сих пор наивно думали, что творящиеся в Западной Армении безобразия, варварства и грабежи просто случайность; не знали, что они тайком диктуются и поощряются чиновниками. Мы обвиняли правительство, — продолжает Салман, — в слабости, в том, что оно не может сдерживать своих диких подданных, но выяснилось, что правительство само разжигает их варварские страсти для уничтожения христиан, — для «этого убийства Турция избрала удобнейших палачей — курдов и черкесов».

Турецкое правительство, разъяряет Раффи, боясь потерять некоторые восточные провинции, стремилось по заранее продуманному плану обескровить армянский народ, а в дальнейшем — и окончательно уничтожить его, чтобы сказать: «В Армении нет армян». В романе приводится ряд фактов, разоблачающих политику султанских погромщиков. Выводы Раффи были правильны, и это придает роману глубоко реалистический колорит. В дальнейшем, в годы первой мировой войны, при попустительстве и прямом поощрении империалистических государств Турция смогла осуществить свой чудовищный замысел: вся Западная Армения (более 3 миллионов человек) была насильственно переселена или же уничтожена. Лишь части армян удалось спастись бегством в Восточную Армению или в другие страны.

Создав образ Фаттах-бека, Раффи показал, насколько правильно понимал он современную ему действительность, насколько реалистически смог отразить ее в романе. Прекрасно владея искусством «показа», Раффи не довольствуется обрисовкой основных черт героя. Он обращается к таким подробностям, которые придают образу наибольшую жизненность. Писатель показывает бека не только в столкновении с семьей Хачо, но и в домашней обстановке (история с ограбленными торговцами, беседа с турецким чиновником, приведшим коня — подарок вали, сцена ревности жены Хуршид и т. п.).

Томас-эфенди — другой отрицательный персонаж, выведенный Раффи, который, можно сказать, в художественном отношении является самым совершенным в романе. Этот образ придает произведению историческую достоверность уже потому, что Томас-эфенди, как чиновник, представляет собой воплощение беспорядочной государственности турок.

Эфенди — мюльтезим, то есть сборщик казенных налогов и податей. Таких тунеядцев Раффи считает гораздо большим злом для крестьян, чем дикие разбойники, подобные Фаттах-беку. Томас-эфенди — это болтун и мошенник; низенького роста, с косыми глазами и вкрадчивым голосом, он производит на всех отвратительное впечатление. Члены семьи Хачо ненавидят его за страшную жестокость и бессердечие. Он разъезжает по селам с двумя полицейскими, избивает крестьян и выколачивает желаемое ему количество налогов. Постоянно говоря о своих связях с султаном и высокопоставленными чиновниками, чтобы вселить в крестьянина страх, он жестоко расправляется с теми, кто пытается защитить свои права.

Образ Томаса-эфенди — это творческая удача автора. Им создан целостный характер, обобщающий определенные психологические черты, присущие людям этого круга. Эфенди раболепен перед вышестоящими и сильными и высокомерно заносчив с простыми крестьянами — «при случае он так пыжился, что не мог пройти в ворота, а иногда так сжимался, что влезал в игольное ушко». Свою жертву он преследовал не прямо, а окольными путями. Следуя примеру турецкой знати, он вел безнравственную жизнь, зачастую проводил ночи в распутных кутежах, обманывал и совращал крестьянских девушек. Автор наделяет Томаса-эфенди своеобразным языком: речь его пересыпана пословицами и поговорками об ослах.

Все это ярко обрисовывает Томаса-эфенди, но значение этого образа заключается прежде всего в том, что эфенди — носитель определенных политических взглядов и настроений.

Как уже отмечалось выше, в романе отражена идейная борьба, развернувшаяся между различными общественными течениями в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Рисуя образ Томаса-эфенди, Раффи стремился показать, что в действительности представляла крайне консервативная идеология, поборники которой боялись даже самого слова «восстание». Споря с Варданом в доме старика Хачо, Томас-эфенди говорит о «безумстве» славян, которые осмелились восстать против такой «благодетельной» нации, как турки; он обрушивается на армян: среди них тоже находятся такие «безумцы» и «сумасброды», которые считают турецкое ярмо тяжелым и думают о политической независимости и самоуправлении. По мнению Томаса-эфенди, армяне должны быть верны туркам, так как сами армяне — народ потерянный и не могут управлять своей страной.

Одно из достоинств романа в том, что здесь до конца разоблачается реакционная сущность политических взглядов томасов-эфенди, показан вред, наносимый ими народу, обнажены их социальные корни.

Сокрушительный удар точке зрения Томаса-эфенди наносит любимый герой автора — Вардан.

— «Вам, питающимся кровью армян благодаря безобразному правлению турок, подобным вам сборщикам и подрядчикам, конечно, сподручен турок и его незаконное, несправедливое управление. Вы ловите рыбу в мутной воде, и вам противна правда, вы любите мрак, потому что воры не любят света.»

Подобные эфенди — поработители народа — были довольны порядками феодальной Турции, они лицемерно служили ей, являясь ярыми противниками освободительного движения.

— «Рукоятка орудия, которое эксплуатирует нас, грабит, мучит, делает нас рабами, которое уничтожает нас и разрушает наши дома, — рукоятка этого орудия сделана из нас, армян», — говорит Вардан.

Все это высказано писателем-патриотом с глубокой скорбью и возмущением. Вот почему наиболее волнуют те страницы романа, где описываются несчастья, причиненные Томасом-эфенди семье Хачо.

Чтобы завоевать доверие турецкого правительства, он выдает властям Вардана и Левона Салмана, представив как их сообщников также Хачо и его сыновей, а дом старшины отдает на разграбление турецким солдатам. Окончательный разгром этого мирного очага завершает Фаттах-бек.

Образ Томаса-эфенди художественно настолько правдив и реалистичен, что психологически неоправданная перемена, происшедшая с героем в конце романа, почти не отразилась на его цельности. Развратник и многоженец, эфенди добивается женитьбы на дочери Хачо — Лала. Отказ отца девушки приводит его в неистовство: «...точно небо обрушилось на голову эфенди и раздавило его. В глазах его потемнело, он задрожал и свалился на пол. Хватая себя за голову, он бил себя руками и рвал волосы, крича: „Что мне делать теперь? Ах, что мне делать!..“»

Теперь Томас-эфенди любит Лала горячей, чистой любовью. «Демон, полюбив, становится ангелом», — говорит Раффи; эфенди, полюбив, сожалеет о своих злодеяниях, сходит с ума и кончает самоубийством.

Романтическая и неубедительная перемена, происшедшая с эфенди, не может, однако, умалить той огромной социально-политической правды, которая заключена в этом образе.

IV

«Хент» — произведение своего рода программное. Этим романом, как и другими своими творениями, писатель стремится идейно воздействовать на общество, указать пути его развития. Задачей художественной литературы он считал воспитание людей на положительных идеалах и привлечение их к общественно-полезной деятельности. Раффи во всех своих произведениях, и в особенности в «Хенте», пытался по-своему ответить на вопрос «что делать?», исходя из конкретной политической обстановки. После печальной памяти Берлинского конгресса перед армянской общественностью вопрос — «что же делать?» — встал во всей остроте. На страницах армянской печати выступали представители различных идейных направлений. Со своей точкой зрения в романах «Хент», «Искры» и в некоторых публицистических работах выступает и Раффи.

Понятно, что в романе ответ дан в художественной форме, — показом деятельности положительных героев. Рядом с Фаттах-беком и Томасом-эфенди Раффи выводит Вардана и Левона Салмана, образы которых говорят о других существенных сторонах содержания произведения.

Раффи озаглавил свой роман «Хент» («Безумец»), имея в виду, прежде всего прозвище

главного героя Вардана. В каком смысле употребляет его автор? Раффи с болью говорит о том, что люди, не мирящиеся со злом (в данном случае с турецким игом), люди с героическим характером, способные жертвовать ради народного счастья жизнью, считаются сумасбродами. Так называют их те, кто считает бессмысленной всякую борьбу с существующей действительностью. Именно из-за «неуживчивого», правдолюбивого характера Вардана Томас-эфенди зовет его сумасбродом.

Прошлое Вардана, этого отважного и находчивого парня, неизвестно. Ходят слухи, что некогда он был монахом, учителем, но причины, заставившие его покинуть монастырь и школу, остаются невыясненными. В окрестностях Алашкерта он известен как смелый контрабандист. Автор вводит в действие своего героя в самом начале книги, и сразу же тот завоевывает горячую симпатию читателя. Мы видим его в рядах героических защитников осажденной Баязетской крепости. Прикинувшись юродивым, Вардан проходит через линию вражеской армии и доставляет генералу Тер-Гукасову весть о тяжелом положении осажденных.

Для Раффи прекрасное в человеке — это способность жертвовать собой ради родины и народа. Именно это качество является основным в характере его положительных героев.

Воплощением таких патриотических чувств и является Вардан. Когда обстоятельства жизни поставили его перед дилеммой: освободить горячо любимую девушку, которую собирается похитить Фаттах-бек, или друга, попавшего в руки султанских палачей, то «любовь к другу победила любовь к женщине». Сердце Вардана, пишет Раффи, удручили две любви, которые по существу немногим отличались одна от другой; это — любовь к обездоленному крестьянину и — к девушке, которую должны были подвергнуть нравственному угнетению. С потерей друга гибла идея освобождения угнетаемого обездоленного крестьянина, включавшая в себя освобождение тысяч женщин, подобных Лала. «Зачем же заботиться только о Лала? Зачем оставлять общее дело и идти за личным?...».

Подобное же сознательное самопожертвование присуще и Салману.

За какие же идеи боролись эти юноши?

«Хент» был написан уже после войны, хотя он и охватывает события предвоенного и военного времени. Сохраняя историческую достоверность, автор отражает умонастроения не только периода описываемых событий — он выдвигает вставшие уже после войны актуальные проблемы, показывая пути их разрешения. На этом обстоятельстве писатель и сосредоточил все свое внимание.

Краткое кредо политических взглядов автора сводится к следующему. Тяжелое положение, создавшееся в Западной Армении, Раффи приписывает тому, что армяне не борются активно против существующего зла. В чем причина этого? На этот вопрос он отвечает словами Хачо:

«На нас, армян, наложено божеское проклятье, и мы сами своими же руками разрушаем свои дома. Раздоры, зависть, вражда и другие пороки свили себе гнездо в наших сердцах, и мы несем наказание за эти грехи».

«Если бы между нами было единогласие, — продолжает он, — то, что мог бы сделать курд? Наши деды научили нас не казнить врагов, а подкупать их, и эту старую ошибку нелегко сразу исправить». Трудно убедить народ встречать оружием грабителя. За такие поучения он посчитает тебя сумасбродом и посмеется над твоей глупостью.

Но почему же народ стал таким? Раффи называет две причины: вековое иноземное иго и веками проповедуемая церковью мораль «не подымать меча против зла».

«...Наши священники и монахи проповедуют нам терпение... а между тем кто, как не они, разорили нас и довели до такого рабского состояния?» — спрашивает Левон Салман.

Еще в начале своей литературной деятельности Раффи выступал с резкой критикой армянской церкви и духовенства, постоянно подчеркивая ущерб, наносимый ею народному освободительному движению. В этом смысле знаменателен в романе образ сельского попа Тер-Марука; даже в самую тяжелую минуту испытаний народа он думает только о своих

«должниках». В книге прекрасно дано также описание религиозного центра — Эчмиадзинского монастыря, его духовных отцов и братии.

С глубокой болью рисует Раффи трагическую судьбу елашкертских беженцев, нашедших пристанище в Эчмиадзине, невыносимо тяжелое положение, в которое попали спасшиеся от турецких погромов крестьяне. От жары, голода и болезней умирают сотни людей, но монастырь равнодушен к их страданиям.

— «Как много умирает», — замечает один из монахов, прогуливаясь с другим.

— «Все одно... Там их убили бы курды и турки, а тут умирают своей смертью», — цинично отвечает тот.

В дни страшного народного бедствия духовенство вместе с откупщиками принадлежащих монастырю владений занимается темными делами, беззаботно пирует в домах любовниц.

Герои Раффи часто выступают против армянского духовенства, считая, что под его влиянием угнетаемые безропотно подставляют голову под меч врага. Он, несомненно, был прав, резко обвиняя духовенство за воспитание народа в духе покорности. Но Раффи преувеличивал или, скажем прямо, ошибался и впадал в противоречие, когда видел волю к борьбе и сознание ее необходимости только у небольшой группы «сумасбродов».

По вине церкви, думал Раффи, в народе умерло это сознание. Трагическое положение армянского народа он считает следствием оставшейся от дедов порочной традиции и церковного воспитания. Этим и диктуется романтическое решение вопроса «что делать?», то есть вопроса о путях освобождения Западной Армении.

Выразителем этих романтических воззрений автора является другой положительный герой — Левон Салман (Дудукджян).

Левон Салман учился в константинопольской школе фрецистов, затем жил в Париже. Позже стал журналистом, а с возникновением «восточного вопроса» оставил Париж и вернулся в Западную Армению для организации освободительной борьбы крестьян. Когда Салман, появившись в селе О... приступает к задуманному делу, его сразу же постигает неудача, котирую Раффи объясняет совершенным незнанием его героем жизни и армянского крестьянства.

В первую ночь пребывания в доме Хачо Салман во сне произносит речь.

«Крестьяне... час настал... Кровью своею вы должны купить свою свободу, настоящее... Будущее... принадлежит вам. Храбрецы, докажите... что железная палка турка не совсем убила в вас жизнь и чувство свободы... Огнем и мечом должны мы добыть... свое спасение... Вперед, храбрецы...»

Прошедший огромную жизненную школу Вардан, слушая его, говорит:

— «Несчастный!.. Видно, зачитался... В жалкой комнатке армянина-крестьянина он воображает, что находится на парижских баррикадах и держит речь...»

В самом деле, Салман очень неопытен. Приехав в первое же село, он раздает крестьянам брошюры, даже не задав себе вопроса — грамотны ли эти крестьяне. Он рассказывает им о каком-то товариществе, которое может улучшить их экономическое положение, о какой-то общественной кассе, из которой крестьянин может под небольшие проценты брать деньги и т. п. и т. д. И закономерно, что Салмана постигает неудача, крестьяне его не понимают и смеются над ним.

Но слишком поспешно, уже через несколько дней (что малоубедительно), писатель приводит своего героя к познанию жизни. Он не представляет себя больше на баррикадах и приступает к практической деятельности — основанию на селе школы. В одном месте Вардан даже определяет Салмана «как мудрого учителя на жизненном пути». Путем этим, по мысли Салмана, должна стать новая школа, новая система воспитания, которая пробудила бы в народе сознание необходимости «самозащиты».

Механически перенося закономерности природы на человеческое общество, Раффи считал, что закон борьбы за существование, имеющий место в природе, управляет и человеческим коллективом. Раз живые существа природы каким-то образом защищаются от

угрожающей им опасности — так же должен поступать и человек. Но армяне, вопреки закону природы, не прибегают к «самозащите», и причиной этому является церковное воспитание. Отсюда, по Раффи, и возникает необходимость создания новой школы и новой системы воспитания, которые должны пробудить в народе данный от природы инстинкт «самозащиты», еще полностью им не потерянный.

Когда Хачо в разговоре замечает, что армянская интеллигенция Константинополя давно уже должна была начать среди народа подготовку к борьбе, а за несколько дней чудесным образом не может измениться характер народа, Салман признает это правильным, но отвечает, что обучить «самозащите» должна сама природа, и в случае необходимости это выявится и без особой продолжительной подготовки. Однако очень скоро он приходит к заключению, что его замысел и замысел его единомышленников не что иное, как донкихотство.

«Можно ли чего-нибудь ожидать теперь! Целые десятки лет сидеть в бездействии в Константинополе, не исследовать жизни Армении, не знакомиться с нуждами и требованиями народа, не готовить его для лучшего будущего и вдруг явиться к нему и предложить оружие для самозащиты...» Для Салмана теперь главное — идея основания новой школы: «Знаешь, Вардан, сколько счастья, какую широкую будущность обещает нам школа? Она даст нам все, чего мы желаем. Она исцелит наши вековые раны и даст нам новое поколение для здоровой и обновленной жизни». Оба друга приходят к выводу, что бы вместо церквей и монастырей в Армении существовали школы, то страна была бы спасена.

Ставя вопрос о том, что только новая школа может излечить вековые раны, что к желанному будущему можно прийти лишь через школу, Раффи рассуждает как романтик. В этой связи важно отметить, что в романе очень туманно говорится о путях достижения лучшего будущего пробуждением в народе чувства «самозащиты», то есть готовности к сопротивлению турецкому и курдскому насилию.

Роман заканчивается сном Вардана, где показана Армения двести лет спустя. В этом символическом сне Раффи воплотил свои лучшие мечты о будущем армянского народа; здесь слышится биение сердца горячо любящего свою родину и свой народ писателя. Каким же образом достигнет народ этой счастливой и свободной жизни? Раффи видел путь освобождения в том, что духовно подготовленный к борьбе народ должен подняться против угнетателей. Эта мысль уже более определенно высказывается писателем в его следующем произведении «Искры», а также в известных исторических романах «Давид-бек» и «Самвел».

Некоторые подробности сна Вардана приводят нас к выводу, что, по-видимому, в вопросе об освобождении через «самозащиту» Раффи находился под некоторым влиянием известного в то время либерального публициста, редактора газеты «Мшак» Григора Арцруни. Вот что говорится, например, в сне о курдах:

«Они исчезли, нет их больше. Такое племя не могло вынести света цивилизации, оно переродилось».

Григор Арцруни, выступавший в период русско-турецкой войны с правильными взглядами на политическое положение западных армян и связывавший дело их освобождения только с Россией, после войны перешел на позиции национально-романтических взглядов. По его мнению, турки и курды — это народы, которые существуют лишь благодаря «невежеству» и застою, иначе говоря, оставаясь «варварами и дикарями». И «лишь касается их светлый луч просвещения, овеивает здоровый воздух цивилизации, они, подобно прогнившему телу, моментально разлагаются...» В дальнейшем курды должны слиться с армянами (как это мы видим во сне Вардана).

Под воздействием этой концепции Арцруни в романе (в сне Вардана) имеют место некоторые оттенки национализма — мы говорим под воздействием, ибо, как показывают факты, Раффи никогда не был носителем тенденции национальной исключительности. Так, очень характерен факт, что матерью одного из любимых его героев — Салмана была турчанка; и далее, когда турецкие стражники грабят дом Хачо, старшина думает, что не будь таких насилий, они даже любили бы турок, хотя те и другой крови.

В этом смысле интересно отношение Раффи к курдам. Писатель во многих произведениях создает положительные образы курдов, например образ Джаво в романе «Хент».

Когда Вардан отправляется на поиски Лала, он останавливается в доме курдианки. Глядя на нее, он думает:

«Свободная дочь свободного народа!.. Сколько жизни, сколько простоты в тебе! Чем ты виновата, что тебя научили смотреть на награбленное, как на справедливо добытое? Если б ты воспитывалась в других условиях, то при твоих богатых способностях была бы украшением человечества».

V

В. И. Ленин писал: «Марксисты никогда не отрицали прогрессивности буржуазно-национальных освободительных движений против феодально-абсолютистских сил»⁴⁸.

В числе подобных прогрессивных движений В. И. Ленин упоминает и армянские волнения против владычества Турции.

«Основным объективным содержанием исторических явлений во время войн не только 1855, 1859, 1864, 1866, 1870, но и 1877 года (русско-турецкая) и 1896–1897 годов (войны Турции с Грецией и армянские волнения) были буржуазно-национальные движения или „судороги“ освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества»⁴⁹.

Исторически прогрессивное значение творчества Раффи заключается в том, что он правдиво отобразил национально-освободительную борьбу армян против различных форм феодализма и абсолютистских сил, ее общедемократическое содержание. Литературная деятельность его была направлена на то, чтобы пробудить в народе сознание необходимости этой борьбы, чувство «самозащиты» в борьбе за свои человеческие права. Все произведения писателя проникнуты горячей любовью к родине и родному народу.

Предметом самых заветных мечтаний Раффи было счастливое будущее трудовых людей. Но время, в которое писался «Хент», было одним из мрачных периодов в истории армянского народа. Потому, быть может, в романе местами отмечается излишняя страстность, вызванная ужасами войны, беззакония и насилий над армянами — результатом господствующих в Турции порядков. И, видимо, все это привело автора к мысли, что мечты его могут осуществиться лишь через два столетия.

Однако жизнь армянского народа сложилась иначе, чем представлял себе писатель. Спустя всего сорок лет после выхода романа «Хент» в Армении была установлена советская власть. Трудовой народ стал действительным хозяином своей земли и страны. И сейчас, в свободной цветущей стране, армянский народ чтит имя горячего патриота Раффи, романы которого вошли в сокровищницу армянской литературы.

Проф. М. Мкрян

⁴⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, стр. 122.

⁴⁹ Там же, стр. 127.